

ПОЛНЫЙ
НАРОДНЫЙ
ПЬСЕННИКЪ

СОСТАВИЛЪ
Н. М. ЛОПАТИНЪ

СОЛОВЕЙ
ПТИЦА.

Р 162302

ПОЛНЫЙ НАРОДНЫЙ ПЕСЕННИКЪ,

содержащий въ себѣ

ЛУЧШІЯ СТАРИННЫЯ И НОВѢЙШІЯ ПЕСНИ,

ВЫПРАВЛЕННЫЯ

со словъ лучшихъ народныхъ пѣвцовъ и по стариннымъ сборникамъ.

Песни дѣвичьи, женскія, мужскія, рекрутскія, солдатскія,
свадебныя, подблюдныя и хороводныя,

съ прибавленіемъ

СТИХОТВОРЕНІЙ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

СОСТАВИЛЪ

Николай Лопатинъ.

Съ рисунками графа Е. Л. Соллогуба.

ИЗДАНІЕ КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства,
исполненное
И. Д. Сытиными и К°.

МОСКВА.

Типографія И. Д. Сытина и К°. Пятницкая ул., собств. домъ.
1885.

Дозволено цензурою Москва 15 Мая, 1885 года.

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Лучшія старинныя пѣсни въ новѣйшихъ пѣсенникахъ испорчены сокращеніями и произвольными измѣненіями, а чаще и вовсе въ нихъ не помѣщаются. Искаженіе пѣсень происходитъ отъ небрежности составителей или отъ плохаго выбора пѣвцовъ, отъ которыхъ пѣсни записываются. Пѣвецъ пѣвцу рознь. Слова одной и той же пѣсни у одного пѣвца — безтолковы и даже безмысленны, у другаго представляютъ красоту и глубокую мысль.

Предлагаемый пѣсенникъ есть опытъ возстановленія пѣсень по лучшимъ ихъ разнорѣчіямъ.

Н. Лопатинъ.

I.

ПѢСНИ ДѢВИЧЬИ.

1) Любовныя.

Въ нихъ воспѣваются отношенія молодыхъ дѣвушекъ къ парнямъ. Всѣ эти пѣсни веселыя; многія изъ нихъ поются и во время плясокъ.

1.

Красна дѣвица-надѣжа
Во садику гуляла,
Она въ садику гуляла,
Грушицу ломала.
Она грушицу ломала,
Другу отсыпала,
Къ милу другу отсыпала,
Словомъ наказала:
„Ты не во время, другъ, ходишь,
Не въ пору гуляешь;
Приходи, моя надѣжа,
Иною порою,
Какъ иною-то порою
Вечерней зарею:
Когда батюшки нѣтъ дома,

А матушка въ гостяхъ,
Милы братья на охотѣ,
Сестры въ посидѣлкахъ,
Невѣстушки-голубушки
Пойдутъ по сосѣдямъ“.
Какъ пошелъ моя надѣжа
Самъ прочь отъ окошка,
Запѣваетъ моя радость
Любимую пѣсню:
„Ахъ, не дай же Боже жити,
Жити безъ покою,
Безъ покою-то мнѣ жити,
Чужихъ женъ любити!
Темна ноченька не спится,
Сердечушко крушится,
Золота казна сорится,
По милой тошнится“.

2.

Ходилъ мѣлодецъ лужечкомъ,
Онъ искалъ слѣдочка;
Не нашелъ младецъ слѣдочка,
Онъ сталъ у тыночка.
Злы собаки забрехали,
Миль прочь отшатнулся.
Услышала сударушка
Милаго голосочекъ;
Не стерпя свою сердечка,
Вышла на крылечко—
Вышла, вышла на крылечко,
Молвила словечко:

— „Не порою, милый, ходишь,
Не временемъ гуляешь!
Приходи, моя надежа,
Иною порою:
Либо вечеромъ поздненько,
Поутру раненько,
Чтобы люди не видали,
Сосѣди не знали,
Батюшкѣ не сказали—
Родному батюшкѣ не сказали,
Матушкѣ не налгали“.

3.

Вдоль по улицѣ молодчикъ,
Вдоль по широкой голубчикъ
Часто хаживалъ! (2 раза).
На Паранино окошко,
На Паранино окошко
Часто взглядывалъ (2).
„Ахъ! ты спиши, не спиши, Параня,
Ахъ! ты спиши ли, мое сердце,
Или такъ лежишь?“ (2).
— Я не сплю, не сплю, молодчикъ,
Я не сплю, не сплю, голубчикъ,
Я все такъ лежу. (2).
Я тебя, моя надѣжа,
Я тебя, мой другъ сердечный,
Все въ умѣ держу (2).
На умѣ держу, красавецъ,
На умѣ держу, мой милый,
Въ крѣпкомъ разумѣ (2).

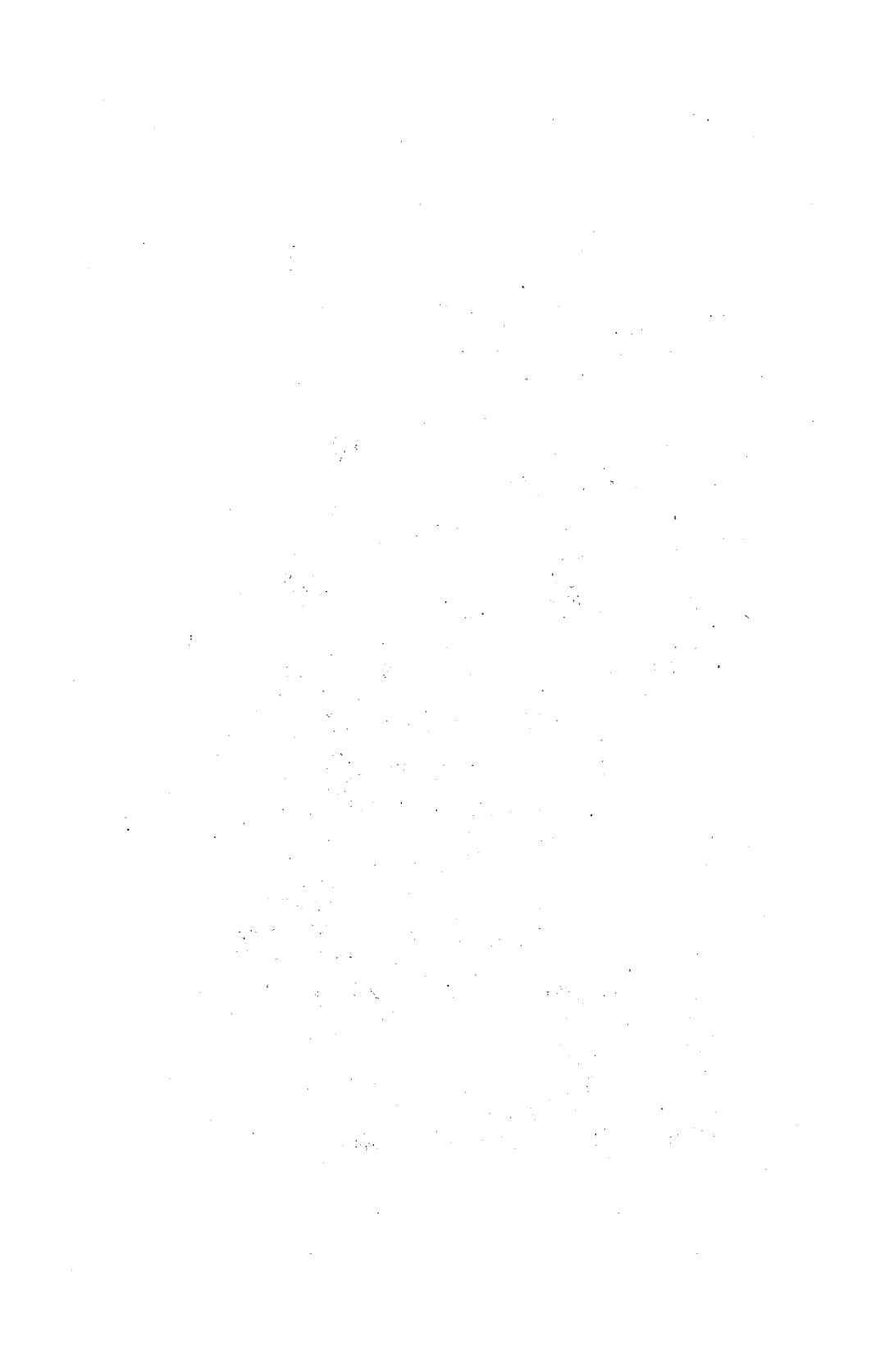
Научить ли те, молодчикъ,
Научить ли те, красавчикъ,
Какъ ко мнѣ ходить? (2).
Ты не улицей ходи,
Не прямой ко мнѣ гуляй,
Переулками (2).
Не дорожай, другъ, ходи,
Не тропинкой проходи,
Огородами. (2).
Не ступенями ступай,
Не шагами ты гуляй,
Соколомъ летай (2).
Ты не рѣчью говори,
Не словами знать давай,
Соловьемъ свищи (2).
Чтобы я, красна дѣвица,
Лишь одна твоя милая
Догадалася (2).
Изъ бесѣдушки домой,
Изъ дѣвичьей ко двору
Подымалася (2).
Я подружкамъ скажу,
Я голубушкамъ скажу:
Голова болитъ (2).
Ужъ я батюшкѣ скажу,
Я родному ли скажу:
Ужъ я вся больна (2).
Ужъ я матушкѣ скажу,
Я родимой доложу:
Нездоровится,
Худо можется (2).
А къ милу дружку приду,

Рис. Гр. О. Л. Соллогубъ.

Хромо-Лит. И. Д. Сытник и К° въ Москвѣ.

Не дорогой, другъ, ходи,
Не тропинкой проходи,—
Огородами (см. стр. 8).

А къ любезному приду
Здоровешенька (2).

Отъ мила друга пойду,
Отъ надёжи я пойду
Веселешенька (2).

4.

Ой, не пыль въ полѣ запылилася,
Не туманъ съ моря подымается;
Подымалися гуси-лебеди,
А одинъ лебедь остается.

Онъ повадился по зарямъ летать,
По зарямъ летать, по заутреннимъ,
Онъ ко бѣлой-то лебедушкѣ!

— „Ой, ты бѣлая лебедушка,
Да и гдѣ-жъ твое теплое гнѣздышко?“
— Мое гнѣздышко на синѣмъ морѣ,
Подъ ракитою, подъ зеленою.

Прилетай, лебедь, ночевать ко мнѣ,
Ой, и къ бѣлой-то лебедушкѣ.—
Разудалый добрый молодецъ

Онъ повадился по ночамъ ходить,
По ночамъ ходить, по полуночамъ,
А онъ къ красной ли ко дѣвушкѣ.
— „Красная дѣвушка! да и гдѣ жъ твой
высокъ теремъ?“

— Мой высокъ теремъ по конецъ двора,
По конецъ двора, подлѣ садику;
Не ходи, парень, ночевать ко мнѣ,—
Въ мене батюшка грозенъ добрѣ,
А братцы мои доглядливы;
Подглядятъ тебя добра молодца!

5.

Какъ во полѣ, полѣ, во широкомъ раздолѣ,
Стоялъ тутъ садочекъ—не малъ, не величекъ;
Въ томъ ли во садочкѣ стояли три дерева,
Стояли три дерева—зелены, кудрявы;
Первое-то дерево—зелена береза,
Другое-то дерево—сухая крушина,
А третье-то дерево—горькая осина.
На бѣлой березѣ соловейко свищетъ,
На сухой крушинѣ кукушка кукуетъ,
На горькой осинѣ горюшка горюетъ.
Бѣлый день проходитъ, ночка наступаетъ;
По меня младеньку милый присыпаетъ,
Милый присыпаетъ и самъ пріѣзжаетъ:
— „Дома ли, милая, радость дорогая?
Выходи на крылечко, промолви словечко!“
Она вышла-выходила, рѣчи говорила:
— „Миленькій дружочекъ, не ходи садочкомъ,
Не ходи садочкомъ, не клади слѣдочки;
Отъ этого слѣду житья-то мнѣ нѣту.
Милый мой дружочекъ, пиши ко мнѣ письма,
Пиши ко мнѣ письма во вторыя числа!“
— „Радъ бы написати, да не съ кѣмъ послати“.
— „Хоть есть съ кѣмъ послати, не кому читати:
Сама не умѣю, людямъ не повѣрю“.

6.

„Тебѣ полно, лапушка, ко мнѣ ходить,
Тебѣ полно, сударушка, меня любить.
Отайди, отстань ты, добрый молодецъ,
Тебѣ полно, другъ, ко мнѣ ходить!

Отець и мать дозналися,
И родъ-племя догадалися:
Какъ ссылаютъ красну дѣвицу
Съ широка двора домой.
Пшелъ прочь, сердечный другъ!“
Залилась дѣвка горючими слезми.
Не рыбушка въ неводѣ разметалася,
Красна дѣвица по молодцу стосковалася,
Стосковавши, красна дѣвица слезно плакала:
„Прогнѣвила я друга милова;
Я пойду ли ко милу другу съ повинною:
Ты прости, прости, душа моя,
Ты прости, прости, сердечный другъ!
Не въ досаду тебѣ сдѣлала,
Я хотѣла тебя извѣдати—
Что любишь ли меня, какъ я тебя?“

7.

Ахъ, ты садъ ли, ты мой садочекъ,
Садъ да зеленое виноградье!
Ты къ чему, садъ, рано разцвѣтаешь,
Разцвѣвши, садъ, засыхаешь,
Землю листьемъ, садъ, устилаешь?
Не пришло еще поры-времени!
Я сама тебя, садъ, садила,
Я сама тебя поливала,
Животъ-сердце надрывала;
Я не для кого инова,
Для свово ли друга милова.
Что въ тебѣ ли, да во садочкѣ,
Соловей пѣсни воспѣваетъ,

Что и тотъ ли вонъ вылетаетъ,
А тебя, садикъ, пустъ оставляетъ.
Ахъ, ты, другъ ли мой дружечекъ,
Сердце, радость, мой животочекъ!
Не въ досаду ли тебѣ будеть,
Не противно ли твоему сердцу,
Что я стану тебѣ говорити:
Ты зачѣмъ ко мнѣ въ гости не ходишь?
Что не жалуешь, не гуляешь?
Али батюшка запрещаетъ?
Али матушка не пущаетъ?
Иль я тебѣ не по мысли?
Буде хочешь, другъ—водися,
А не хочешь—откажися,
Я вечеръ, вечеръ молоденька
Долго вечеръ просидѣла,
Я до самаго до разсвѣта,
Всю луchinушку припалила,
Всѣхъ подруженекъ утомила,
Все тебя, мой другъ, дождалася.

8.

Ахъ деревня отъ деревни
Не подалеку стоитъ;
Промежду той деревни
Быстра рѣченъка бѣжитъ;
Что во той ли во деревнѣ
Два Иванушка живутъ,
Два Ивана, два Ивана,
Два Ивановича.
Какъ повадился Иванушка

Ко дѣвушкѣ ходить.
Онъ по улицѣ идетъ,
Радость пѣсенки поетъ,
Къ широку двору подходитъ,
Самъ высвистываетъ,
За колечушко беретъ,

Выговариваетъ:
„Дома ль, любушка моя,
Чтобы встрѣтила меня, (2)

Удалова молодца?“
Его любушка встрѣчала
За бѣлы руки примала,
Что во горницу ввела,
За дубовъ столь посадила,
Чаемъ, кофеемъ поила
И конфекты становила,
Со малиной пирогъ ставить,
Рюмку водки наливаетъ.

— „Коли любишь, другъ, меня,
Выпей, радость, для меня“.

— „И я пью, радость, не пью,
Во бѣлы руки приму, (2)
Ко устамъ я поднесу.

Скажи, любушка моя,
Съ коихъ поръ любишь меня?“

— „И я съ той поры люблю,
Какъ гуляла я съ тобой, (2)

Во зеленомъ во саду,
Сладки яблочки рвала,
Я примѣтила тебя;
Я яблочко закусила,
Тебя, радость, полюбила“.

— „Скажи, любушка моя,
Не покинешь ли меня,
Дѣтину, сиротину,
На чужой сторонѣ, (2)
Въ чужихъ людяхъ живучи, (2)
Горе мыкаючи!“

9.

Какъ у насъ было во прошломъ году—
Уродилась сильна ягода въ бору,
Заблудилась красна дѣвица въ лѣсу,
Пригуляла на Дунай на рѣку,
Становилась на крутомъ берегу,
Разстилала гарнитурный платокъ,
Разломила бѣлья крупнитчатый калачъ,
Кличетъ, манить перевошика къ себѣ:
— „Перевошикъ, добрый молодецъ душа!“
Перевошикъ подѣзжаетъ съ челнокомъ.
— „Первези красну дѣвицу меня!“
— „Перевозъ мой, перевозъ мой очень до-
рогой!“
— „Что ты хочешь, что ты хочешь, то съ
меня бери!“
— „Мнѣ не надобно, мнѣ не надобно твово
ничего.
Только надо, пойди за мужъ за меня!“
— „Въ этомъ воля не моя, воля батюшкина,
Воля батюшкина, воля матушки моей,
А хотя бы была волюшка своя,—
Я замужъ не думаю идти!“

Эту пѣсню кончаютъ и такъ:

- „Красна дѣвица, чтѣ за перевозъ?“
„Добрый молодецъ кунья шуба съ плеча“.
— „Красна дѣвица, не надобно“.
„Добрый молодецъ, золотъ перстень съ
руки“.
— „Красна дѣвица, не надобно“.
„Добрый молодецъ, я вся тебѣ“.
— „Красна дѣвица, ты надобна“.

10.

Зеленая роща во всю ночь шумѣла,
А я молоденька всю ночку не спала,
Всю ночку не спала, сидѣла все пряла,
„Пряди, моя пряха, пряди не-лѣнися“, (2)
Я бы рада пряла, меня въ гости звали, (2)
Меня въ гости звали къ сосѣду въ бесѣду,
Късосѣду въ бесѣду, во пиръ пировати,
Во пиръ пировати, гостей забавляти.
Какъ пріѣхалъ въ гости, на ворѣномъ конѣ,
На ворѣномъ конѣ, въ бѣломъ балахонѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ, мой милый съ усами,
Мой милый съ усами, съ русыми кудрями.

11.

По улицѣ мостовой, по широкой столбовой,
Шла дѣвица за водой, за ней парень молодой
Кричалъ: „Дѣвица, постой! Красавица, погоди!
Пойдемъ вмѣстѣ за водой, за холодной клю-
чевой,

За холодной ключевой намъ охотнѣе съ то-
бой!“

— „Ахъ! ты парень-паренекъ, твой глупень-
кій разумокъ,
Не кричи во весь народъ: мой батюшка у
воротъ,

Зоветь меня въ огородъ, чесноку-луку полоть,
Маку сѣянова, луку зеленова“.

И я въ праву руку луку, во лѣвую чесноку,
Сама по цвѣтики пойду, по лазоревые,
Я по цвѣтикамъ ходила, по лазоревымъ гу-
ляла,

По лазоревымъ гуляла, цвѣта арова искала;
Не нашла цвѣта такого, супротивъ свово
милаго;

Какъ мой миленькій хорошъ, чернобровъ, ду-
ша, пригожъ!

Ручки въ пазушку положъ, мнѣ подарочекъ
принесъ,

Подарочекъ дорогой, съ руки перстень зо-
лотой;

Мнѣ не дорогъ твой подарокъ, дорога твоя
любовь;

Не хочу перстня носить, стану такъ дружка
любить!

12.

Во саду ли, въ огородѣ дѣвица гуляла;
Она ростомъ не величка, собой круголичка,
За дѣвицей дѣтинушка бѣлъ- кудрявый ходитъ,
Онъ и ходитъ, онъ и бродитъ, тяжело взды-
хаетъ,

— „Что жъ ты, молодецъ кудрявый, ко мнѣ
рѣдко ходишь?“

— „Ой, и радъ бы я ходити, да не чѣмъ да-
рити...“

Подарю тебя, милая, дорогимъ подаркомъ,
Дорогимъ, душа, подаркомъ—жемчугомъ, ки-
тайкой“.

— „Жемчугу я не хочу, китайки не надо!
Коли любишь меня, купиши золото колечко;
Золотое я колечко прижму ко сердечку...
Расколися, сырый дубъ, на четыре грани,
А кто чужихъ женъ полюбить, того душа въ
адъ;“

А кто девушки полюбить, той душъ спасенье,
Той душъ, душъ спасенье, грѣховъ остав-
ленье.“

Эта же пѣсня поется шуточно:

Во саду ли въ огородѣ
Чортъ девокъ городитъ
Изъ поганаго древа
Изъ горькой осины.
Во саду ли въ огородѣ
Собачка бѣжала:
Ножки тонки,
Вока звонки,
А хвостъ закорючкой,
Зовутъ ее сучкой.
Сама прянетъ,
На хвостъ глянетъ—
Дѣвки засмѣются.
Во саду ли въ огородѣ

Дѣвчонка гуляла—
Невеличка, круглоличка,
Румяное личко.
За ней ходить, за ней бродить
Удалой молодчикъ.
„Поѣзжай-ка ты, молодчикъ,
Ко мнѣ во деревню;
У моей деревнѣ
Увидишь ты чудо:
Козель сѣрый
Муку сѣть,
Коза подсѣваетъ,
А маленькие козлятки
Муку выгребаютъ,
А барашки-круты рожки
Межъ собой играютъ“.

18.

Пѣсня плясовая.

Не будите меня молоду,
Ранымъ-рано поутру!
Вы тогда меня будите,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда красное проглянетъ,
Роса утрення провянеть,
Пастухъ выйдетъ на лужокъ,
Заграетъ во рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ:
„Вставай, дѣвки. вставай, бабы,

Вставай, малые ребята;
Выгоняйте вы скотину
На широкую долину (2),
На зелену луговину“.
Гонять дѣвки, гонять бабы,
Гонять малые ребята,
Гонять стары старики,
Мироѣды мужики,
Гонять дѣвки впереди,
Молодушки позади,
А и малы-то ребяты
Обтоптали бабамъ пяты.
Согоняли на лужокъ,
Становились во кружокъ.
Одна дѣвка весела,
Во кругу плясать пошла;
Она пляшетъ, рукой машеть,
Пастушка къ себѣ манить:
„Сюда, сюда, пастушокъ,
Сюда, миленькій дружокъ!“
Пастухъ часикъ поплясалъ,
Коровушку потерялъ,
Онъ другой-то поплясалъ—
И все стадо растеряль.

14.

Эту пѣсню отъ женщинъ переняли солдаты, и поютъ ее, какъ плясовую.

На горѣ-то калина, (2)
Подъ горою сиротина дивчина (2)
Калинушку ломала, (2)

Калинушку сиротина ломала (2),
Во пучечки вязала (2),
Во пучечки сиротина вязала (2),
Въ край дорожки бросала (2),
Въ офицера сиротина попала (2).
— „Куда ёдешь?“ — „Во походъ!“ (2)
— „Куда ёдешь, сиротина?“ — „Во походъ“ (2).
— „Возьми мёня съ собою!“ (2)
Возьми мёня, сиротину, съ собою (2),
А я тебѣ слугою (2),
А я тебѣ, сиротина, слугою (2).
Напою, да накормлю (2),
Напою я, сиротину, накормлю (2),
Постелюшку постелю (2),
Постелюшку, сиротина, постелю (2),
Подѣлую, обойму (2),
Подѣлую, сиротина, обойму (2).

На Дону, въ казачихъ станицахъ, эту пѣсню поютъ такъ:

На горѣ-то калина,
Подъ горою малина....

Припѣвъ: { Ну что жъ кому дѣло — калина!
И какое кому дѣло — малина!

Тамъ дѣвочка ходила,
Цвѣтъ-калину ломала,

Припѣвъ: { Ну что жъ кому дѣло — калина!
И какое кому дѣло — малина!

Во пучечки вязала,
Къ своему лицу ровняла.

(Припѣвъ).

Мое лицо такое,
Какъ калина алая,
Сама дѣвка бравая.

и. т. д.

Сама дѣвка бравая
На молодца глянула

и. т. д.

Чернымъ глазомъ моргнула,
Сама ему сказала:

и. т. д.

„Куда ёдешь?“ — „Во походъ!“
— „Возьми меня съ собою,
Тебѣ буду слугою,
Какъ вѣрною женою,
Коню сѣна накошу,
Во ясельки положу,
Постель бѣлу постелю
И подушку положу,
Сама съ тобой спать лягу,
Милымъ дружкомъ назову.

15.

Плясовая.

Распосѣю свое горе (2)
По чистому полю (2).
Уродися, мое горе (2),
Не рожь, не шеница (2),
Не рожь, не рожь, не шеница (2) —
Травой муравою (2) —
Все травушка мuroвая (2)
Съ алыми цвѣтами. (2)

Всѣ цвѣты мои алые (2),
Одинъ всѣхъ алѣе (2).
Всѣ дружки мои милые (2),
Одинъ всѣхъ милѣе (2).
— „Не ходи-ка, бѣлъ кудрявый (2),
Мимо мово саду (2);
Не топчи-ка, бѣлъ кудрявый (2),
Бѣлую разсаду (2).
Я не для тебя садила (2),
Не для поливала (2):
Я садила, поливала (2),
Животь-сердце надрывала (2),
Дружка поджидала!
Воротися, бѣлъ кудрявый (2),
Воротись налѣво!

16.

Также, какъ и обѣ предыдущія, эта пѣсня часто исполняется въ силу своего хороваго и веселаго, почти плясоваго строя, солдатами.

Солнце на закатѣ,
Время на утратѣ.
Сѣли дѣвки на лужокъ, } 2
Гдѣ муравка и цвѣтокъ, }
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,
Въ хороводахъ веселились.
Нутка примемся опять
Ту жъ игорку играть.
Собирались, разыгрались,
На лужкѣ всѣ расплясались,
Во пріятной тишинѣ
Подъ березкою однѣ.

Вдругъ сталь слышенъ голосокъ,
Раздавался во лѣсокъ:
„Гдѣ ты? гдѣ ты? ау! ау!
Безъ тебя я здѣсь умру“.
Всѣ тутъ дѣвки спохватились,
Всѣ домой тутъ торопились.
Свѣтикъ Аннушка дружокъ
Одна сѣла на лужокъ.
Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милага ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки
Свѣтикъ Аннушкинъ дружокъ.
Подошелъ къ рѣчкѣ, прилегъ,
У Аннушки сердце юкъ!
Сердце сердцу покорилось,
Щечки альцемъ покрылись.
Парень дѣвку полюбилъ,
Во высокъ теремъ вводилъ.

17.

Напевъ пѣсни тотъ же, какъ и всѣмъ известной: „Подъ яблонь-
кой подъ той“.

Никогда наша Машута не гуливала,
А какъ нонѣшій денекъ } 2
Разобралъ Машу хмѣлекъ; }
Разобралъ Машу хмѣлекъ,
Полюбилъ ее парнѣкъ:
Съ низу низовый купецъ,

Разудалый молодецъ.
Онъ за рученьки схватиль,
Во корабликъ посадиль, (2)
По Невой рѣчкѣ пустиль! (2)
И къ бережку приводилъ,
Къ бережку да къ бережку,
Ко зеленому лужку!
Возлѣ зѣлена лужка
Цѣлый день ждала дружка (2);
Насилушку дождалась (2),
За шеюшку хваталась:
— „Ты голубчикъ мой,
Ты красавчикъ дорогой (2),
Въ чемъ не хвастаешься мной,
Моей русою косой?
Моя русая коса
Всему городу краса!“

18.

Напѣвъ тотъ же, какъ и у предъидущей пѣсни.

Ахъ, матушка, кручина!
Государыня, печаль!
Не кручина изсушила,
Печаль высушила!
Изсушиль меня дѣтина
Молодчикъ молодой,
Чернобровый, черноглазый,
Чернокудреватый!
Съ поволокою глаза,
Со примашкой голова,

Рис. Гр. Ф. Л. Соллогубъ

Цѣлый день ждала дружка,
Насилушку дождалась (см. стран. 24).

Хромо-Лат. И. Д. Сытина и К° въ Москвѣ.

Съ прищелкою рука,
Ахъ съ притопкою нога.
— „Ты поди, мати, въ свѣтлицу,
Ты бери, мати, ключи (2),
Отмыкай сундуки,
Вынимай, мати, полтину
Или цѣлый рубль;
Ты зови, мати, дѣтину,
Кого я люблю!
Посылай на базаръ,
Купи мнѣ сарафанъ,
Чтобъ не дологъ очень быль,
Не короткимъ бы онъ слыль.
Мнѣ не по землѣ бродить,
А по лавочкѣ ходить“.
Ахъ, свѣтъ мои орѣшки,
Еще щелканцы,
Ахъ, вы рано расцвѣли,
Очень поздно вызрѣли;
Вы кусточкомъ велики,
А листочкомъ широки!
Ахъ, ты чарочка котоекъ,
Покатись ко мнѣ въ ротокъ!
Какъ во томъ ли во винѣ
Нѣть хмѣльного ничего,
Хоть и много его пьешь,
Вдвое хочется!
Со милымъ другомъ свыкаться,
Все кручиниться;
Хоть печалится сначала,
Послѣ слюбится.

19.

По преданию, эта пѣсня сочинена Нашей Государыней Елизаветой Петровной.

Чистый источникъ! Всѣхъ цвѣтовъ красивѣй,
Всѣхъ пріятнѣй мнѣ луговъ,
Ты и рощъ всѣхъ, ахъ, и меня счастливѣй,
Горъ, долинъ и кустовъ.

Но не тѣмъ, что лишь струйки тихо льются
По сыпучему песку,
И что птичекъ въ слухъ пѣсни раздаются
По зеленому лѣску:

Нѣть, не тѣмъ, но прекрасна умывала
Нимфа что лицо тобой,
Съ брегу бѣлыхъ ноги опускала
И токъ украшала твой.

Туть и алые розы устыдились,
Зря ланиты и уста,
И лилеи къ ней на грудь преклонились,
Что бѣлѣй ихъ—красота.

О, коль счастливы желтая песчинки,
Тронуты ея стопой!
О, коль пріятны легкія травинки,
Смѣтыя ея красотой!

Тише же нынѣ, тише протекайте,
Чисты струйки по песку,
И слѣдовъ съ моихъ глазъ вы не смывайте,
Смойте лишь мою тоску!

20.

По тому же преданию, эта пьеса также сочинена Государыней Елизаветой Петровной, когда она была Цесаревной.

Во селѣ-селѣ Покровскомъ,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна дѣвица душа,
Красна дѣвица душа
Авдотьюшка хороша.

* *

Разыгравшись взговорила:
„Вы подруженьки мои!
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь:
Я со радости, съ веселья
Поиграть съ вами хочу,

* *

„Пріѣзжалъ ко мнѣ дѣтина
Изъ Санктпитера сюда;
Онъ меня, красну дѣвицу,
Подговаривалъ съ собой;
Серебромъ меня дарилъ,
Онъ и золото сулиль.

* *

— „Поѣзжай со мной, Дуняша,
Поѣзжай, онъ говорилъ,
Подарю тебя парчою
И на шею жемчугомъ;
Ты въ деревнѣ здѣсь крестьянка,
А тамъ будешь госпожа:

И во всемъ этомъ уборѣ
Будешь вдвое пригожа“.

* *

„Я сказала, что поѣду,
Да опомнилась опять.“
— „Нѣтъ, сударикъ, не поѣду“,
Говорила я ему:
„Я крестьянкою родилась,
Такъ нельзя быть госпожой:
Я въ деревнѣ жить привыкла,
А тамъ надо привыкать!“

* *

„Я совѣтую тебѣ,
Имѣть равную себѣ.
Въ вашемъ городѣ обычай—
Я слыхала ото всѣхъ—
Вы всѣхъ любите словами,
А на сердцѣ никого.
А у насъ-то вѣдь въ деревнѣ,
Здѣсь прямая простота:
Словомъ мы кого полюбимъ,
Тотъ и въ сердцѣ вѣкъ у насъ!“

* *

„Вотъ чему я веселюся,
Чему радуюсь теперь:
Что осталась жить въ деревнѣ,
А въ обманѣ не отдалась!“

~~~~~

2) Пѣсни дѣвичьи на разлуку и разставаніе.

Всѣ пѣсни этого отдѣла поются протяжными напѣвами. Въ нихъ выливается грусть и тоска дѣвичьяго сердца, при размолвкахъ и разставаніяхъ съ возлюбленными.

21.

На гулянье хожу на радости,
Ужъ я жду къ себѣ дорога гостя,
Дорога гостя, дружка милаго,
Дружка милаго, хорошаго.
Какъ идетъ, идетъ ко мнѣ милый другъ:
„Здравствуй, дѣвица, раскрасавица!“
— „Добро жаловать, мой любезный другъ!“
— „Я не гость пришелъ, не гоститися,
Вашей милости доложитися,
Ты позволишь ли мнѣ женитися?“
— „Ты женись, женись, разбесовѣстный!
Я не чаяла отъ тебя того;
Ты-бъ сказалъ мнѣ такое словечушко,
Прострѣлилъ ты мое сердечушко;
Ты возьми, возьми саблю вост्रую,
Ты разрѣжь, разрѣжь мою бѣлу грудь,
Погляди мое ретиво сердце!
Не бѣлѣ чернаго бархата“.
— „Не плачь, дѣвица, раскрасавица!
Я ходить буду чаще этого,
И любить буду лучше прежняго“.
Я возьму дружка за рученьку,
Поведу его во зеленый садъ,
Мы по садику разгуляемся,

Мы подарочкомъ размѣняемся:
Ты возьми, возьми свой золотъ перстень,
Ты отдай, отдай, мой тальянскій платъ!
Тебѣ перстнемъ обручаться, другъ,
А мнѣ платочкомъ женишка дарить,
Женишка дарить, дружка прежняго,
Дружка прежняго, расхорошаго“.

22.

Что цвѣли-то цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики,
Цвѣли да поблекли, ахъ да поблекли!
Что любилъ-то, любиль, любилъ парень дѣ-
вицу,
Любилъ да покинулъ, ахъ да покинулъ!
Что покинувши парень красну дѣвицу,
Въ глаза насыпался, ахъ да насыпался!
Обезчестиль-то парень красну дѣвицу
При всемъ при народѣ, ахъ да при народѣ!
Что онъ снялъ-то сорвалъ парень съ крас-
ной дѣвицы
Шелковый платочекъ, ахъ да платочекъ!
Что зажаль-то, зажаль парень у красной
дѣвицы
Золотъ перстенечекъ, ахъ да перстенечекъ!
Что по городу было—городу Саратову—
Дѣвица гуляла, ахъ да гуляла;
Гербовой-то лѣ она листъ бумаженьки
Листокъ покупала, ахъ да покупала;
Молодаго себѣ писаря писать нанимала,
Писать нанимала, ахъ да нанимала;
Астраханскому она, она губернатору

Просьбу подавала, ахъ да подавала:
— „Ужъ ты, батюшка ли, ты князь губер-
наторъ,
Прими мою просьбу, ахъ да просьбу;
Ты суди-тка, суди ты нась, астраханскій
князь,
Суди по закону, ахъ да по закону!“
— „Не напрасно ли ты, красная дѣвушка,
На молодца просишь?
Что сама-ль ты, сама—сама, красна дѣвица,
Сама виновата, ахъ да виновата:
Безъ зари-ль-то зари — зари красно сол-
нышко,
Солнышко не всходитъ,
Безъ прилукки-то ли—добрый молодецъ
Къ дѣвушкѣ не ходить, ахъ да не ходить.

Эта старинная пѣсня поется по всей Россіи. Сочинена была очевидно на Волгѣ, близъ Астрахани. На тотъ же почти голосъ съ небольшимъ различіемъ, эта пѣсня поется еще такъ:

Какъ по городу, городу Саратову
Дѣвица гуляла,
Гербовой-то она листочекъ бумажечки,
Листокъ закупала,
На свово дружка, друга любезнаго,
Просьбу написала:
„Ты прими-ка, прими, астраханскій нашъ
Новый губернаторъ,
Ты суди-ка, суди, какъ законъ велитъ,
Суди вѣрой-правдой.
Какъ меня-ль, меня красну дѣвицу

Молодецъ обидѣль,
Какъ онъ мнѣ ли красной дѣвицѣ
Въ глаза насмѣялся“ и т. д., какъ въ прежней
пѣснѣ.

Въ иныхъ мѣстахъ эту же пѣсню поютъ иначе:

Цвѣли, цвѣли цвѣтики, да поблекли,
Любиль, любиль милый другъ, да поки-
нулъ;

Покинулъ душа моя не на долго,
Не на долгое времячко—на часочекъ:
Мнѣ часочекъ кажется за годочекъ.
Собирался мой миленький въ городочекъ,
А я за милымъ дружкомъ не гонюся,
Гонится душа моя, онъ за мною,
За моей за дѣвичьей красотою.

Спишу, спишу грамотку веселую,
Пошлю къ другу служиньку молодую;
Сама-бѣ пошла молоденька, да боюся.
Пойду, пойду къ батюшкѣ, я спрошуся,
Сударынѣ матушкѣ доложуся:

— „Пусти, пусти, матушка, меня погуляти;“
— „Гуляй, гуляй, дитятко, да не долго,
Не долгое времячко, ты часочекъ.

Вечоръ у насъ, дитятко, сваты были,
Хотять твою косыньку расплетати,
Буйную головушку расчесати“.

— „Въ сыромъ бору сосенка зелененъка,
А я у васъ, матушка, молоденька,
Руса моя косынька, коротенька;
Умомъ-то я разумомъ, да глупенька“.

28.

Я посю-ли млада младенька цвѣтиковъ
маленько,

Стали цвѣты разцвѣтати, сердце обмирати;
Я на цвѣтики взирала, сердцемъ обмирала,
Сердцемъ обмирала, друга дожидала;
Идетъ, идетъ моя радость, идетъ да не скоро;
Вижу, смѣчу, моя радость не хочетъ люби-
ти;

Люби, люби, моя радость, кого ты захочешь;
Я довольна, другъ, тобою, простися со мною;
Ужъ я съ горя, со кручины пойду во свѣт-
лицу.

У дѣвицы во свѣтлицѣ поютъ разны птицы;
Онѣ пѣли, распѣвали розны голосами.

Я бы записала голось-голосочекъ, голось-го-
лосочекъ на тонкій листочекъ,

Я послала бѣ голосочекъ къ любезному другу,
Что къ любезному другу, со миленькой пташкой.
Какъ велитъ моя надѣжа хорошо ходити.

Ходи, ходи, радость, ходи хорошенъко,
Не ходи, моя надѣжа, ко сосѣду въ гости:
У сосѣда во бесѣдѣ холость не женатый,
Холость на ногу ступаетъ и вонъ вызываетъ,
На дворъ, на дворъ, на часочекъ, на одну
минутку.

Эту пѣсню поютъ еще такъ:

Я посю-ли млада младенька
Цвѣтиковъ маленько.

Я садила цвѣты, поливала,—
Сердце замирало!
Замирай, мое сердечко,
По миломъ дружечкѣ!
Я по миломъ тосковала—
Дружкѣ горевала.
Стосковавшись, сгоревавшись,
Пойду во свѣтлицѣ
У дѣвицы во свѣтлицѣ
Хороша забава—
Мелки пташки пѣли;
Онѣ пѣли-распѣвали,
Розны голосами:
Однѣ пташки-канарейки—
Голосокъ тонѣнѣй;
Я списала бѣ голосочекъ
На тонкій листочекъ,
Отослала бѣ я листочекъ
Въ Питеръ городочекъ:
„Слышиу, вижу,
Сама догадалась,
Что любишь иную.
Люби, люби-чернобровый,
Люби кого хочешь,
Я тобой, душа, довольна,
Любить тебя полно,
Полно, полно—не хочу,
Съ кѣмъ гуляю—не скажу“.

24.

Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвѣть!
Лазоревый цвѣть!

Веселая бесѣдушка, гдѣ батюшка пьеть *),
Батюшка пьеть **),
Онъ пить не пьеть родимый мой, за мной
младой шлеть!
За мной младой шлеть!
А я млада младенька замѣшкалася,
Замѣшкалася:
За утками, за гусями, за лебедями,
За лебедями,
За мелкою, за пташечкой, за журушкию,
За журушкию.
Какъ журушка по бережку похаживаетъ,
Похаживаетъ;
Шелковую онъ травушку пошипываетъ,
Пошипываетъ,
Студеною водицею захлебывается,
Захлебывается;
За рѣченъку, за быструю поглядываетъ,
Поглядываетъ.
За рѣченъкой, за быстрою четыре двора,
Четыре двора:
Во этихъ ли во дворикахъ четыре кумы,
Четыре кумы:
„Вы, кумушки, голубушки, подружки мои!
Пойдете вы въ зеленой садѣ, возьмите меня;
Вы станете цвѣточки рвать, нарвите и мнѣ!
Вы станете вѣнки плести, сплетите и мнѣ;
Пойдете вы на рѣченъку, возьмите меня;
Вы будете вѣнки бросать, вы бросьте и
мой;

*) Поютъ также: гдѣ миленький пьеть.

**) Поютъ и: голубчикъ мой.

Какъ вѣнки поверхъ воды, а мой пото-
нуль;

Какъ вѣнцы друзья домой пришли, а мой не
бывалъ!“

25.

Никому-то я про горюшко свое не скажу,
Я ни батюшкѣ, ни матушкѣ своей родной (2);
Я скажу, скажу подружкѣ моей потайной (2):
Ты, подруженка, голубушка, радость моя (2),
Ты не знаешь, что за горе, пришла за
бѣда (2),

Со всего свѣту напасти напали на меня (2):
Осердился любезный дружокъ на меня (2),
Разсердился, не простился, пошелъ отъ
меня (2).

Онъ и ходить, и гуляетъ по широкому
двору (2),

Онъ и входить во конюшню новую свою,
Беретъ черкасское новое сѣдло,
Онъ сѣдлаетъ своего ворона коня,
Соѣзжаетъ со широкаго двора,
Не сказалъ: „прощай, любезная лапушка моя“!

Эту же пѣсню начинаютъ и такъ:

Вотъ прошли наши веселы, веселые дни,
Наступаютъ слезовыя на насть времена!
Поглядитко, моя радость, дружокъ на меня,
Сколь желанно твое сердце лежитъ до меня,
Слышу, вижу, милъ, досаду твою—
Никому жъ я про досаду эту не скажу.

26.

Что-то не павушка по дворику гуляла,
Красная дѣвушка по сѣничкамъ ходила.
Она нянюшекъ и мамушекъ будила:
„Вы вставайте, няньки, мамки пробуждай-
тесь;
Иль да вы ли, души, красныя дѣвицы!
Вы подумайте мнѣ младенькой, пригадайте,
Что за что меня вечеръ отецъ и мать бра-
нили
На весь то на родъ-племя, хорошую журили:
Не велѣли мнѣ по миленькомъ плакать,
Не велѣли мнѣ по хорошемъ тосковать.
Ужъ вы сами, добрые люди, разсудите (2):
И но какъ же мнѣ по миломъ не тосковать?
Ужъ какъ мнѣ по хорошемъ не плакать?
Какъ онъ хорошъ, пригожъ, мой миленький
уродился,
Вышелъ мой миленький родствомъ, пригоже-
ствомъ,
Вышелъ мой миленький всею красотою,
Вышелъ мой миленький всею молодецкою по-
ступкою.

27.

Никакъ не возможно мнѣ безъ печали жить,
Любить дружка можно мнѣ—нельзя по немъ
не тужить,
Нельзя не тужить...

Хорошъ, пригожъ миленький—всѣмъ сердцемъ
больно горячъ,
Всѣмъ сердцемъ горячъ...
Вздумаю про милаго—не милъ дѣвкѣ бѣлый
свѣтъ,
Не милъ бѣлый свѣтъ...
Немилъ дѣвушкѣ бѣлый свѣтъ—бѣжала-бѣ я
въ лѣсъ,
Бѣжала-бѣ я въ лѣсъ...
Въ лѣсу пользы нѣту мнѣ—все листья шу-
мять,
Все листья шумятъ...
Шумятъ, шумятъ листики, пошумливаютъ,
Пошумливаютъ...
А намъ съ тобой, милый другъ, разлуку они
даютъ,
Разлуку даютъ...
Разлука разлучница—чужая дальняя сторона,
Чужая сторона...
Чужая сторонушка—незнакомая,
Незнакомая...
Ходилъ, гулялъ молодецъ по темнымъ лѣ-
лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ...
Стрѣляль разудаленький по частымъ по кус-
тамъ,
По частымъ кустамъ...
Застрѣлиль онъ дѣвицу въ ретивое во сердце,
Въ ретиво сердце...
Не гнѣтайся, дѣвушка, любя тебя застрѣ-
лиль,
Любя застрѣлиль...

Не стой, не стой, красная, подъ частымъ подъ
кустомъ,

Подъ частымъ подъ кустомъ...

Подъ частымъ кустомъ, съ инымъ молодцомъ,
Съ инымъ молодцомъ...

Не то-то мнѣ тошно-то, что ты съ нимъ стоишь,
Что ты съ нимъ стоишь:

А больше досадно мнѣ—про что говоришь,
Про что говоришь...

Клялася ему, божилася—право, его не люблю,
Его не люблю...

Право, не люблю—за тебя замужъ пойду.

Пѣсни отъ 28 до 35 все поютъ о разлукѣ съ любезнымъ, увѣжающимъ на чужую сторону. Въ иныхъ прямо указывается, что любезный увѣжаетъ на „царскую службу“. Большинство такихъ пѣсенъ образовалось въ царствованіе Петра Великаго, когда строились крѣпости, новые города, и когда Великимъ Государемъ впервые въ Россіи создавались армія и флотъ.

28.

Ты злодѣй-злодѣй, чужая-далъна сторона!
Ужъ сколько мнѣ не жити,—все тужити,
Мнѣ родимыя сторонки не забыти.

Ты злодѣй-злодѣй, ретивое мое сердце!
Къ чему ты, сердце мое, ноешь—унываешь?
Не скажешь ты ни радости, ни кручины;
Не можешь ты мила друга забыти,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.
Съ той ли тоски великія, злой кручины,
Пойду-пойду младѣшенька, погуляю,
Я найду-найду два камушка алмазны,

Я камушекъ о камушекъ ударю.
Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра;
Не во всякомъ добромъ молодцѣ любовь-
правда.
Любилъ меня милъ сердечный другъ, да по-
кинулъ.

Я на шуточки милу другу отказала:
„Тебѣ полно, милъ сердечный другъ, гуляти!
Ужъ пора ли, милъ сердечный другъ, жениться,
Что на душечкѣ, на красной на дѣвицѣ“.
Что у душечки у красной у дѣвицы
Не дождичкомъ бѣлое лицо смочило,
Не морозомъ бѣлое лицико озничило:
Смочило бѣлое лицо слезами,
Озничило ретиво сердце кручиной.
Тужить-плачеть по миленькомъ дружечкѣ,
По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ:
Хорошъ-пригожъ мой миленький уродился;
Онъ не долго со мною, съ дѣвицей поводился,—
Какъ сказана милу другу царская служба,
Показана широкое путь-дорожье
Ко славному ко городу Петербургу.
Со всѣми милъ-сердечный другъ простился,
Со мной съ одной дѣвицей не простился,
Съ половины пути-дороженьки воротился,
Подъ косящетымъ окопечкомъ колотился:
— „Ты прости, прости, душа моя дѣвица,
Наживай ты себѣ друга милаго;
Если лучше наживешь, меня забудешь,
Если хуже наживешь, меня вспомянешь,
Вспомянешь,—сама, красная дѣвица, слезно
заплачешь“.

29.

Говорилъ-то мнѣ сердечный другъ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
Со инымъ гулять не приказывалъ:
„Посмирнѣе живи, любушка,
Моя бѣлая лебедушка“.
Я наказу его не послушалась,
Со инымъ дружкомъ поводилась,
Поводившись разбранилась,
Во слезахъ слово промолвила:
„Поглядитко, мой сердечный другъ,—
У насъ на дворѣ туманъ, туманъ,
Что густой туманъ съ частымъ дождич-
комъ,
Во чистомъ полѣ буйны вѣтры,
Что буйны вѣтры со вихрями;
На синѣмъ морѣ погодушка.
Есть у дѣвушки зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши онъ въ походѣ пошелъ,
Что во путь во землю Турецкую“ *).

30.

Смысль этой пѣсни: прощаніе съ возлюбленнымъ, отправляю-
щимся въ походъ за Дунай. Дѣвица боится, что ея милый бу-
детъ убитъ, а онъ надѣется на благополучное возвращеніе.

Ахъ! ты не пой, соловей, въ зеленомъ во саду,
Ахъ!
Не буди моего дружка.

*) Иногда: въ Шведскую.

Не буди моего дружка,
Ахъ!

Да я сама дружка разбужу.

Я сама дружка разбужу,
Ахъ!

— „Ты встань, проснись, пробудись, душа.

Ахъ, ты встань, проснись, пробудись,
душа“,

Ахъ!

— „Да я не могу увстать, головки поднять.

Я не могу увстать, головки поднять,
Ахъ!

Со вчерашняго похмѣльца,

Я вчёрашній день очень хмѣленъ былъ“.

— „Какъ вчёрашній день всѣ полки во по-
ходъ пошли (2);

Какъ Московскій полкъ заставается,

Чрезъ Дунай рѣку перправляется,

Какъ тебя, мой другъ, дожидаются;

Твоего коня во рукахъ ведутъ,

Твое сѣдельце на рукахъ несутъ,

А тебя, мой другъ, во мертвыхъ пишутъ“.

— „Не пиши во мертвыхъ, пиши въ жив-
ности“.

31.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не шумите вы, лѣса темные,
Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не слези лицо прекрасное.

— Ужъ я рада бы не плакала,

Сами плачутъ очи ясныя,
Возрыдаешь ретиво сердце,
Все тужа-плача по миломъ дружкѣ;
Что одинъ у меня былъ свѣтъ во очю,
Да и тотъ вонъ выкатается;
Что одинъ у меня былъ милый другъ,
Ахъ! и тотъ отъ меня отлучается,
И тому ли служба сказана,
И дороженька широкая показана.
Ты дородный добрый молодецъ,
Удалая твоя головушка,
Ты куда, мой свѣтъ, снаряжаешься,
Во которую дальну сторону,
Во которую незнакомую?
Ты въ Казань-городъ, или въ Астрахань,
Или въ матушку въ каменну Москву,
Или въ Новгородъ, или въ Петербургъ?
Ты возьми, возьми меня съ собой,
Назови ты меня родной сестрой,
Или душечкой молодой женой.
Что въ отвѣтъ сказалъ добрый молодецъ:
— „Ахъ, ты свѣтъ моя красна дѣвица,
Что нельзя мнѣ взять тебя съ собой,
Мнѣ нельзя назвать тебя сестрой,
Или душечкой молодой женой.
Про то знаютъ люди добрые,
Всѣ сосѣди приближенные,
Что нѣтъ у меня родной сестры;
Нѣтъ ни душечки молодой жены;
Что одна у меня матушка,
Да и та уже старѣхонька!“

32

33

Бѣлый день проходитъ, ночка наступаетъ,
Ночка наступаетъ, зоря потухаетъ,
Ко мнѣ молоденькѣ милый присыпаетъ,
Милый присыпаетъ и самъ пріѣзжаетъ.
„Дома ли, милая, радость дорогая?
Вышлабѣ на крылечко, молвила словечко!“

А я молоденька была тороплива,
Съ постели вставала, башмачки вздѣвала,
На дворъ выходила, съ другомъ говорила.
Спрошу я милова про его здоровье,
Скажу я милому про свое несчастье:
„Соколь ты мой ясный, молодецъ прекрасный,
Куда отъѣзжаешь, меня покидаешь“?
А мой-то дружечекъ, сплеснувши руками,
Сплеснувши руками, залился слезами.
„Ты прости, милая, радость дорогая!
Знать, что намъ съ тобою долго не видаться,
Долго не видаться, нигдѣ не съѣзжаться!“

Или такъ:

Соколь мой ясный,
Молодецъ прекрасный,
Голубчикъ мой бѣлый,
Дружечекъ мой милый,
Куда отъѣзжаешь,
Меня бѣдную въ горѣ оставляешь,
Грамотокъ не пишешь,
Съ слугою не пришлешь?
— „Радъ бы я писати—
Некому читати.
Сама не умѣешь,
„Другимъ не повѣришь!“
Съ тоски, съ кручиной не могу ходити
Зима проходитъ, весна наступаетъ,
А мнѣ бѣдной печаль прибываетъ.
А какъ зима та пройдетъ,
Сине море вскроетъ,
Корабли пойдутъ,

Меня слезы проймутъ;
Шарусы надуваетъ,
Мое сердце обмираетъ;
Мой другъ сердечный
По корабличку ходитъ,
Шляпою махаетъ,
Поклонъ отдаваетъ.

„Прости, милая,
Прости, дорогая,
Прости, моя радость,
Мой соколъ яснѣйшій!
Хоть въ злой кручинѣ
И въ морской пучинѣ,
Я вѣренъ буду до самой кончины!“

34.

Я вечеръ свою милова провожала далеко;
Проводивши я милова, воздохнула тяжело;
Воздохни-ка ты, любезный, въ чужой-дальней
сторонѣ;
А я по тебѣ, мой милый, сокрушаюсь завсегда,
Сокрушаюсь, вздыхаю, обливаюся слезами.
Во слезахъ я молоденька не знала, куда
идти,
Темнымъ лѣсомъ проходила—не казался алый
цвѣтъ;
Не шелкова въ полѣ травка застилала за мной
слѣдъ.—
Застилала за мной слѣдъ полынь-горькая
трава.

Изъ-за горъ ли, горъ высокихъ выкаталась туча-
громъ,
Выкаталась туча-громъ, со сильнымъ частымъ
дождемъ;
Отъ того ли отъ дождя течетъ рѣченъка
быстра,
А по той-то быстрой рѣчкѣ легка лодочка плы-
веть,
Что во той ли легкой лодочкѣ два молодца си-
дятъ,
Два молодца сидять, про разлуку говорятъ:
„Ты злодѣй, злодѣй разлука, чужа дальна,
сторона!
Разлучила ты, разлучила съ отцомъ, съ матерью
меня,
А еще же разлучила съ молодою со женой,
Только горче разлучила съ красной дѣвицей
душой,
Все бы, все бы я несчастный подъ оконеч-
комъ сидѣль,
Все бы, все бы, горемычный, въ свою сто-
рону глядѣль.

35.

Снѣжки бѣлые пушисты
Принакрыли всѣ поля,
Одного-то не покрыли
Горя лютаго мово.
Какъ во полѣ кусточекъ
Одинѣшненекъ стоять,
Онъ не клонить къ землѣ вѣтки,

И листочковъ нѣтъ на немъ;
А я горька, разнесчастна
Все горюю по миломъ;
День горюю, ночь тоскую,
Понаапрасну слезы лью.
Пойду съ горя въ чисто поле,
Сяду я на бугорокъ,
Погляжу я въ ту сторонку,
Гдѣ мой миленький живетъ.
Что живетъ-то мой размилый
Въ чужой-дальней сторонѣ,
Во матушкѣ во Москвѣ.

Въ слѣдующихъ пѣсняхъ говорится объ измѣнѣ любезнаго, вслѣдствіе охладѣвшей любви, о разлукѣ вслѣдствіе подневольнаго брака, и наконецъ о смерти и горѣ.

36.

Не спится мнѣ, красной дѣвушкѣ, не спится,
Подушечка въ головушкахъ вертится,
Соболино одѣялице не грѣеть!
Я сама себя, красная дѣвушка, сгубила!
Что холостаго добра молодца полюбила:
Задумалъ мой любезный другъ жениться;
Наряжусь же я, сиротинушка, въ чорно платье,
Пойду, пойду ко милу другу на свадьбу;
А я сяду противъ милаго на скамейкѣ.
Частѣхонько мой милый другъ взглядаетъ,
Тяжелѣхонько, душа моя, вздыхаетъ...
— „Напойте же вы сиротинушку, проводите!
Собаками сиротинушку не стравите!“

37.

Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту,
Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту трава росла,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я въ три косы косила,
И я въ три косы косила, ради гостя;
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогаго;
Слышитъ, чуетъ мое сердце,
Слышитъ, чуетъ мое сердце, ретивое,
Какъ задумалъ моя радость,
Какъ задумалъ моя радость - другъ же-
ниться:
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей,
Онъ не хочетъ со мной дѣвицей водиться.
Какъ поѣдешь, душа радость,
Какъ поѣдешь, душа радость, другъ, вѣн-
чаться,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ,
Заѣзжай ко мнѣ дѣвицѣ, другъ, проститься;
Черезъ рѣченъку поѣдешь,
Черезъ рѣченъку поѣдешь, захлебнешься.
Черезъ быструю поѣдешь,
Черезъ быструю поѣдешь, ты утонешь.
Про меня красну дѣвицу,
Про меня красну дѣвицу, воспомянешь,
Какова-то я младенька,
Какова-то я младенька бывала,
По утру ранымъ-раненько

По утру ранымъ-раненько вставала,
На босу ногу башмачки,
На босу ногу башмачки надѣвала.
И на плечики салопчикъ,
И на плечики салопчикъ накидала,
На головушку платочекъ,
На головушку платочекъ повязала.

38.

Охти горюшко, охъ бѣда!
Скучно, батюшка, безъ тебя!
Злую скучу я терплю,
Тебя, батюшка, люблю.
Я терпѣла и рвалась,
Много горя набралась.
Вспомни, мой батюшка,
Какъ клялся, божился.
Клялся батюшка и божился
Небомъ и землею,
А нынеча мой батюшка
Клятву преступаешь,
Иныхъ возлюбляешь!
— „Полно, Машенька, душа, браниться,
Время помириться“.
— Я въ тѣ поры помирюсь,
Когда свѣта я лишусь.
Какъ подломятся у Маши
Ея скоры ноги,
Опустятся у души Маши
Ея бѣлы руки;
Подкатятся ясны очи

Подъ черныя брови:
Призову свою подружку,
Настишенъку душу:
„Ты любимая подружка
Настишенъка душа!
Положи, душа моя Настиша,
Въ дубову гробницу,
Въ дубову гробницу;
Ты накрой, душа Настиша,
Розовой тафтою,
Съ серебряной бахромою;
Повези, душа Настиша,
Во чистое поле;
Опусти, душа Настиша,
Во мать во сырь землю.
Ты засыпь, душа Настиша,
Желтыми песками“.
Заростай моя могила
Травой муравою,
Еще травкой муравою,
Розовыми цвѣтами—
Ужъ какъ всѣ цвѣты аленъки,
Одинъ всѣхъ цвѣтовъ алѣе,
Ужъ какъ всѣ дружки миленьки,
Одинъ всѣхъ милѣе,
Какъ одинъ-то всѣхъ милѣе,
Милѣе, дороже!

39.

На восходѣ красна солнышка,
На закатѣ свѣтла мѣсяца

Не соколь леталъ по поднебесью,
Молодецъ ходилъ по бережку,
Что по бережку Невы рѣки;
Онъ не скоро шель, споаравливаль,
Во зеленый садъ заглядывалъ,
Самъ кручинясь, приговаривалъ:
„Ужъ вѣтъ пташечки проснулися,
Другъ со другомъ повидалися,
Сизымъ крыльямъ обнималися,
Лишь одна моя голубушка,
Лебедь бѣла, красна дѣвица,
Что прилуга молодецкая,
Крѣпко спитъ теперь во теремѣ;
Знать не грезится ей, милый другъ,
Знать не мыслить обо мнѣ она.
Мое сердце разрывается,
Что съ надеждой не встрѣчается!“
Идетъ дѣвица изъ терема,
Что бѣло лицо заплакано,
Ясны очи помутилися,
Бѣлы руки опустилися;
Не стрѣла сердце поранила,
Не змѣя его ужалила,
Красна дѣвица промолвила:
„Ты прости, прости, мой милый другъ,
Ты прости душа, отецкій сынъ,
Въ вечеру меня помолвили,
Завтра будуть поѣзжалые
Повезутъ ли ко Божьей церкви:
Я достануся иному, другъ,
И вѣрна буду по смерть мою“.

40.

Туманно красное солнышко, туманно,
Что въ туманѣ краснаго солнышка не видно:
Кручинна красная дѣвица, печальна,
Никто ея кручинушки не знаетъ,
Ни батюшкa, ни матушка родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.
„Печальная душа красна дѣвица, печальна,
Не можешь ты злу горю пособити,
Не можешь ты мила друга забыти,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.“.
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
„Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скорыя ноги,
Когда опустятся мои бѣлые руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками!“

41.

Вы рѣченъки, рѣченъки, холодныя водонъки,
Вы дѣвушкi, сударушки, пособите плакати,
Пособите плакати, мила друга кликати,
Что мой милый не бѣжитъ, или кто его дер-
житъ?

Его прежняя любава за рученьку держала,
А другая-та любава въ уста цѣловала,
Его третія любава съ двора провожала:

— „Пиши, пиши грамотки, миленький другочекъ,

Либо грамотки пиши, аль служанку пришли“. Ты ни грамотъ ни писалъ, ни служанки не прислалъ.

Знать у моего милова дома не здорово,
Скрыты, скрыты у милова косящаты окна,
Занавѣшены окошки черною тафтою;
На косящатомъ окошкѣ примѣты не стало,
Хрустальна вороночка съ алыми цвѣтами.
Есть у моего милова три зелёныхъ сада,
Въ первомъ саду кукушка жалобно кукуетъ,
Въ другомъ саду соловейко громко воспѣваетъ,

Въ третьемъ саду груша вельми зеленая.
Подъ тою ли подъ грушю дѣвица стояла,
Дѣвица стояла, друга ожидала,
Миткалинымъ рукавочкомъ слезы утирала.

42.

По шелковой по муравушкѣ
Торный слѣдъ пробить къ могильничку,
Пробивала слѣдъ тотъ дѣвушка,
Протоптала дѣвка красная,
Не къ отцу, да что не къ матери!
Тамъ лежить путекъ-дороженька
Къ разудалу добру молодцу,
Ко могилушкѣ мила дружка.
Ходить, ходить туда дѣвушка,
Полетѣть, полетѣть тамъ крапивушку,
Земляничку со клубничкою,

Поливаетъ все слезой своей.
Ахъ, расти, расти ты ягода,
Земляничка со клубничкою
Вокругъ камня, вокругъ бѣлаго,
На могилѣ друга милаго!
Ахъ, скажи ты ему, ягода,
Что взрастила тебя мать земля,
Полила тебя слезою я,
Слезой горькой, слезой дѣвичьей!
Вспомни, вспомни, другъ, въ сырой землѣ
Про свою сударку милую.
Встань ты, встань, другъ, изъ могилушки,
Глянь на ягоды на красныя,
На свою ты разсударушку,
На мое лицо на бѣлое.
Ахъ, не встать тебѣ, сердечный другъ!...
Разступись же ты, сыра земля,
Дай хоть глянуть на милаго,
На его кости, на бѣлыя.

43.

Промежду двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудревата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ,
Только крупными дождями уливаютъ,
Еще буйными вѣтрами подуваютъ:
Промежду то было нашими сосѣдями
Выростала тутъ красоточка,
Прославлялась красотою и опрятствомъ,

Еще родствомъ, дородствомъ и пригожествомъ.

Всѣхъ вольностью она была вольнѣе,
И поступками она всѣхъ веселѣе.
Гдѣ собирались сосѣди веселиться,
Тутъ не былъ милъ другъ ея надежа.
Стала тутъ красоточка грустить,
Ей домой тутъ надо было воротиться
И въ постелюшку съ кручинушкі ложиться;
Тамъ не спится красной дѣвушкѣ корпится,
Подъ головушкой подушечка вертится,
Одѣяльце соболино съ плечъ катится;
Какъ не грѣютъ ее соболи куницы,
Ни сибирски чернобурыя лисицы—
Только грѣть ее миленькій дружечекъ,
Молодецкою, сердечною любовью.
Взговорила она съ грусти и съ печали,
Со великия тоски злой, со кручины.
Какъ не ласточка къ ней вѣсть приносила,
Что лежитъ моя надежа труденъ-боленъ,
Труденъ - боленъ милъ, моя надежа, во
постелѣ,
Что на мягкой, на пуховой на перинѣ,
Подъ собольимъ, камчатнымъ одѣяломъ;
По правую руку тутъ стоять отецъ и мать,
По лѣву руку тутъ стоять братъ съ сестрою,
Въ головахъ стоять друзья и братья,
Супротивъ сердца—красна дѣвица.
Со слезами она Богу молится:
Что подай, Боже, милу другу здоровья,
Хоть на единый, на малѣйшей часочекъ,
Хоть на единый, на лишній на денечекъ!

Ужъ какъ бы я съ милымъ другомъ погуляла,
Я бы травушки, муравушки потоптала,
Я бы цвѣточковъ лазоревыхъ нарвала,
Я бы вѣночекъ милу другу собирала,
На головку надѣжъ надѣвала;
Веселясь, проводила бы до дому,
Я сказала бы: „Надежа мой любезный!
Мы пойдемъ съ тобой, любезный, въ одно
мѣсто,
Не разлучимся, надѣжа, мы до смерти,
Мы простимся со бѣлымъ свѣтомъ на вѣки.
Какъ останутся такія про нась вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою другъ вѣрененько!“

44.

Вы раздайтесь, разступитесь добрые люди,
Что на всѣ ли на четыре на сторонки;
Пока батюшка сударь замужъ не выдалъ,
За того ли за дѣтину, за невѣжу,
На кабакъ идеть невѣжа—скачетъ, пляшетъ,
Съ кабака идеть невѣжа—свищетъ, гарчитъ,
Къ широку двору подходитъ —кричитъ, во-
питъ;

За колечушко берегть, да восклицаетъ:

„Еще дома ли жена да молодая?

Отпирала бы широкіе вороты!“

Я скорѣшенько съ постелюшки вставала,

Я покрѣпче вороты запирала,

Посмѣлѣе съ невѣжей говорила:

„Ты ночуй, ночуй невѣжа за вороты:

Тебѣ мягкая перина—снѣгова пороша,
А высокое зголовье—подворотня,
Тебѣ тепло одѣяло—темна ночка,
Шитый браный положекъ—буйной вѣтеръ,
Каково тебѣ, невѣжа, за вороты,
Таково-то мнѣ младенькѣ за тобою,
За твою за дурацкой головою“.

45.

Встрепенется соколъ,
На дубу сидючи—
Какъ расплачется дѣвица
Во терему сидючи:
„Не давай, сударь-батюшко,
Замужъ за Волгу рѣку,
Государыня матушка,
Ты меня за Волжанина!
Какъ захочется, батюшко,
Мнѣ у тебя побывать,
Государыня матушка,
Мнѣ у тебя погостить—
Я на Волгу приду
Я суденца не найду;
Хоть суденцо найду,
Весельца не сыщу;
Хоть весельцо сыщу,
Я гребца не найду;
Хоть гребца я найду,
Волга рѣка протечеть,
А меня младешеньку
Внизъ по рѣкѣ понесеть..

Ахъ, свѣтъ мой красный день,
Ужъ мнѣ тебя не видать;
Ты, надѣжа сердечный другъ,
Мнѣ у тебя не бывать.
Я пойду молодешенька
Въ зеленые луга,
Закричу млада громко:
То-то мнѣ злая бѣда!
Ахъ вы, лютые звѣри,
Собирайтесь ко мнѣ,
Воть вамъ сладкая пища—
Терзайте меня;
Хоть только оставьте
Ретиво сердце,
Вы отдайте милу другу
Во бѣлыхъ руки.
Ахъ, пускай милъ посмотритъ,
Какъ я его любила!“

46.

Ужъ ты день, ты мой денечекъ,
День прекрасный дорогой,
Проходи день поскорѣе,
Унеси мою тоску...
Охъ! да ужъ я съ той тоски,
Со кручины пойду въ темные лѣса;
Охъ! да ужъ я вскрикну своимъ
Громкимъ, тонкимъ голосомъ своимъ:
Охъ! да ужъ вы лѣсы, вы дубравы,
Наклоняйтесь ко мнѣ!
Охъ! да ужъ вы пташки, вы пернаты,

Всѣ слетайтесь ко мнѣ;
Охъ! да ужъ вы звѣри, вы лютые,
Собирайтесь ко мнѣ!
Охъ! да вы терзайте мое тѣло
И дѣлите по частямъ.
Охъ! да вы оставьте во мнѣ, звѣри,
Ретиво сердце одно.
Охъ! да вы несите мое сердце
Кого я вѣрно люблю;
Охъ! да пусть мой миленький голубчикъ
Пожалѣеть обо мнѣ.

47.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтъ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтять по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь
Обвѣнчаюсь я съ иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!

Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
„Ахъ, ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надѣженка!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ друж-
камъ!“—

Не сидить она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

48.

Сахарному деревцу
Богъ листа не даль,
Мнѣ ли молоденкѣ
Ни въ чемъ доли не даль.
Пойду я младѣшенька
Въ зеленый садъ гулять;
Тоскою, кручиною
Весь садъ засушу,
Горючими слезами
Весь садъ потоплю.
Услышала матушка
У заутрени молючи.
„Не мое ли это дитятко
Въ темномъ лѣсѣ заблудилося
Въ травѣ она запуталася,
Въ ростъ она замочилася?“

— Заплуталася я матушка
На чужой-далней сторонушкѣ,
Запуталася я матушка
Межу міру крещенова,
Замочилася я матушка
Своими горючими слезми,
Въ чужихъ людяхъ живучи,
На чужихъ дѣтей глядючи!

49.

Какъ говорить преданіе, эту пѣсню сочинила крестьянка подмосковнаго села Кускова Брасковья Ивановка, (впослѣдствіи графиня Шереметева).

Вечоръ поздно изъ лѣсочки
Я коровъ домой гнала.
Лишь спустилась къ ручеёчку
Возлѣ нашего села,
Вижу,—баринъ Ѳдетъ съ поля,
Двѣ собачки впереди.
Поровнявшись со мною,
Онъ привѣтливо сказалъ:
„Здравствуй, милая красотка,
„Изъ какого ты села?“
— „Вашей милости крестьянка“,
Отвѣчала ему я.
— „Не тебя ли, моя радость,
„Егоръ за сына просилъ?
„Онъ тебя совсѣмъ не стоитъ,
„Не къ тому ты рождена:
„Ты родилася крестьянкой,
„Завтра будешь госпожа!“

— Вы голубушки, подружки
— Посовѣтуйте вы мнѣ!—
А подружки усмѣхнулись:
„Его воля, его власть!“

II.

ПѢСНИ ЖЕНСКИЯ.

(Пѣсни замужнихъ женщинъ поютъ вообще о семейномъ бытѣ, отношеніяхъ къ роднѣ мужа, и т. п.)

50.

Лучина, лучинушка березовая!
Что же ты, моя лучинушка, не ясно горишь,
Не ясно горишь, не всыхиваешь?
Али ты, лучинушка, въ печи не была,
Въ печи не была, не высушена?
— Я была въ печи вчерашней ночи:
Лютая свекровушка въ печку лазила,
Меня, горькую лучинушку, всеё залила.
Дѣвушки-подруженъки, ложитесь спать,
Ложитесь спать, вамъ некого ждать,
А мнѣ, молоденькой, всю ночку не спать,
Всю ночку не спать—мила друга ждать.

51.

Вылетала голубина на долину,
Выроняла сизо перо на равнину.

Тяжко лежати сизу перу на равнинѣ:
Тошно жити сиротинѣ во чужбинѣ!
Не сизой голубъ по воздуху летаетъ.
Не сизу свою голубушку шукаеть:
Добрый молодецъ по улицѣ гуляетъ,
Ко терему высокому подъѣзжаетъ,
Свою радость дорогую пробуждаетъ:
— „Ой, ты спиши ли, моя радость, или
слышиши?
Ни словечка со мной, радость, не промол-
вишъ!“
— „Ахъ, я рада-бъ съ тобой, милый, гово-
рити:
Лежитъ нелюбъ на моей на правой ручкѣ“.
— „Отвернися, моя радость, отъ нелюба,
Я убью его изъ тугова изъ лука“...
— „Охъ! хоть убьешь, моя радость, самъ не
уйдешъ,
Никакой себѣ корысти не получишъ;
А получишъ, моя радость, злой напасти—
А отъ этой ли напасти намъ пропасти!“

Эта пѣсня сочинена А. Ф. Мерзляковымъ, профессоромъ Московскаго университета. Теперь она сдѣлалась народною. Вотъ какъ сочинилъ ее Мерзляковъ:

52.

Вылетала бѣдна пташка на долину,
Выроняла сизы перья на долинѣ.
Быстрый вѣтеръ ихъ разносить по дуб-
ровкѣ,
Слабый голосъ раздается по пустынѣ!

Не скликай, уныла птичка, бѣдныхъ пташекъ,
Не скликай ты родныхъ дѣтокъ по-на-
прасну:
Злой стрѣлокъ убилъ малютокъ для забавы,
И гнѣздо твое разсѣяно подъ дубомъ.
Въ бурѣ ноченьки осеннія, дождливой,
Бродить по полю несчастна горемыка,
Одинехонька съ печалью, со кручиной;
Черны волосы бѣдняжка вырываетъ,
Бѣлу грудь свою лебедушка терзаетъ!
Пропадай ты, красота моя, злодѣйка!
Онѣмѣй ты, сердце нѣжное, какъ камень!
Растворися, мать сыра земля, могилой!
Не рости въ пустынѣ хмѣлю безъ подпоры,
Не цвѣсти цвѣтамъ подъ солнышкомъ осен-
нимъ,
Мнѣ не можно жить безъ милаго тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою:
Я не думала, что есть въ любви измѣна;
Я не знала, что притворно можно плакать.
Я въ слезахъ его читала клятву сердца;
Для него съ отцомъ я съ матерью разсталась,
За бѣдой своей летѣла на чужбину,
За позоромъ пробѣжала долы, степи,
Будто дома жениховъ бы не сыскалось,
Будто въ городѣ любовь совсѣмъ другая,
Будто радости живутъ лишь за горами....
Иль чужа земля теплѣе для могилы?
Ты скажи, злодѣй, къ кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвить?

О безродной, о презрѣнной кто потужить?
Кто изъ милости бѣдняжку похоронить?

53.

Калинку съ малинкою вода поняла,
На ту пору матушка меня родила,
Не собравшись съ разумомъ, замужъ от-
дала,
Замужъ отдала за неровнююшку,
За неровнююшку въ чужу сторону,
Во чужу сторонушку—во лиху семью.
Чужая сторонушка—безъ вѣтру сушить,
Чужой отецъ съ матерью—безъ дѣла бра-
нять;
Посылаютъ меня молоду, молоду—во пол-
ночь по воду;
Зябнутъ, зябнутъ ноженьки, у ключа стоя,
Прищипало рученьки къ коромыслицу,
Текутъ, текутъ слезоньки по бѣлу лицу,
Утираю слезоньки бѣлымъ платкомъ.
Не буду я къ матушкѣ ровно три года;
На четвертомъ годикѣ—пташкой полечу,
Горькою я пташечкой-кукушечкою,
Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
На любиму яблоньку на матушкину:
Горькими слезами я весь садъ потоплю,
Тяжелыми вздохами весь садъ посушу,
Закукую въ садикѣ жалобнѣхонько,
Горькими причетами я мать разбужу.
Матушка по горенкѣ похаживаетъ,
Любезныхъ невѣстушекъ побуживаетъ:

„Вставайте, невѣстушки, голубки мои!
Что это за чудо у насъ случилось?
Что у насъ зеленый садъ безъ вѣтру посохъ,
Безъ дождя безъ сильнаго садикъ пото-
нулъ?

Что у насъ во садикѣ за пташка поетъ,
Жалобною пѣсенкою сердечушко рветъ,
Ретиву сердечушку назолу даетъ?
Большая невѣстушка возговорила:
„Что эта за пташечка—пойдемъ, поглядимъ!“
Середня невѣстушка: „пойдемъ, изловимъ!“
А милый-то братецъ: „пойдемъ, застрѣлимъ!“
Жена ему молвила: „пташечки не бей:
Пташечка-кукушечка—сестрица твоя,
Прилетѣла горькая съ чужой стороны,
Съ чужой сторонушки изъ лихой семьи!“
— „Али ты безумная! Сестрица моя
Бѣлая, румяная, всегда весела,
А эта, хозяюшка, худа и блѣдна“.
— „Отъ того худа—блѣдна—въ чужой сто-
ронѣ,
На чужой сторонушкѣ плохое житье“.

54.

На разставаніе жены съ мужемъ от-
даннымъ въ солдаты.

Ахъ да размолодчики,
Ахъ да вы молоденькие
Вы дружки мои!
Ваши ласковы привѣтливы слова
Безъ огня-то мое сердце изожгли,

Что безъ вѣтру мои мысли разнесли
По всѣмъ чистымъ полямъ, по зеленымъ
лугамъ,
По зеленымъ лугамъ, по шелковымъ тра-
вамъ.

Ахъ! и кто бы кто бы мому горю помогъ,
Ужъ и кто бы великому пособилъ,
Со пути бы со дороженьки милаго воротиль!
Воротися мой размиленъкій, воротися на-
задъ!

Наглядитесь мои очи на милѣ дружка!
Я сидѣла, молода, въ новой горницѣ одна,
Я лежала, молода, бѣлой грудью на окнѣ,
Я глядѣла, молода, въ чисто поле далеко,
Я роняла, молода, горьки слезы за окно
Я бранила, молода, чужу- дальну сторону:
„Ты злодѣйка, ты злодѣйка, чужа- дальня
сторона!

Разлучила сторона съ отцомъ съ матерью
меня!
Да еще ли развела съ молодымъ мужемъ
меня!“

55.

Вдовья участь.

Какъ на дубчикѣ два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколь,
Онъ ушибъ-убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова;
Онъ кровь пустилъ по сырому дубу,

Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ:
О голубчикѣ, мохноногињкомъ,
Какъ возговорить младъ ясенъ соколь:
Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка, по своемъ голубчикѣ.
Полечу ли я на сине море,
Пригоню тебѣ голубей стадо:
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети, соколь, на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо.
Виши то мнѣ будетъ ужъ другой вѣ-
нецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

56.

Вдовья участъ.

Высоко я сижу,
Далеко я вижу.
Ой я вижу, вижу
Бѣль шатерь во полѣ,
А вѣ томъ во шатрѣ
Молодая вдова
Съ вѣтромъ рѣчъ говорить:
— „Ой ты вѣтеръ, вѣтеръ—
Тонкій буйный вихорь!

Обиль ты росу
Со темнаго лѣсу:
Обей ты съ меня
Не былыхъ слова!
Обидны въ полѣ
Горохъ да рѣпа;
Насмѣшны въ мірѣ
Вдова да дѣвка:
Красную дѣвушку
Златъ-вѣнецъ очистить,
А меня, вдову,
Мать-сыра земля
Гробовая доска“.

57.

Молодка, молодка молодая,
Разлапушка, свѣтикъ дорогая!
Перестань молодка по улицѣ ходити,
Перестань ты, молодка, черну грязь топтати.
Какъ же мнѣ, молодкѣ, мимо не ходити?
Такого милова еще не нажити!
Хорошъ-пригожъ милый, милый уродился,
Онъ ростомъ, дородствомъ, своей красотою,
Своей молодецкою все-ли онъ поступкой.
Бечбръ я со милымъ, съ милымъ побранилась,
Побранка была съ нимъ у насъ небольшая.
А какъ бы съ милымъ, съ милымъ помириться,
Самой покориться—будто не годится;
Людей засылати—словно мнѣ не кстати,
Дождусь я молодка, дождусь поры-время,
Поры-время время, самой темной ночи,

Сама я къ милому, къ нему побываю,
Сама я милому дружку попеняю;
Не слушайся, милый, разума чужаго;
Чужи люди, милый, только насъ смущаютъ,
А насъ съ тобой, милый, милый, разлучаютъ.

58.

Эхъ! сѣни, мои сѣни!
Сѣни новыя мои,
Сѣни новыя, кленовыя
Рѣшетчатыя;
Ужъ какъ мнѣ по васъ, по сѣнямъ,
Не хаживати,
Мнѣ мила дружка за рученьку
Не важдивати.
Выходила молода
За новыя ворота,
За новыя кленовыя
За рѣшетчатыя.
Выпускала сокола
Изъ правова рукава;
На полетикѣ соколику
Наказывала:
„Ой лети, лети, соколь
Высоко и далеко,
И высоко и далеко
На родиму сторону;
На родимой на сторонкѣ
Грозенъ батюшка живеть,
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ,
Да не милостивъ:
Не велитъ младой ходить

Поздно вечеромъ одной.
Я не слушала отца,
Спотѣшала молодца,
Я за то его спотѣшу,
Что одинъ сынъ у отца,
Зародился въ молодца;
Зовутъ Ванюшкою,
Пивоварушкою.
Пивоваръ пиво вариль,
Зелено вино куриль,
Красныхъ дѣвушекъ маниль:
„Вы пожалуйте, дѣвицы,
Въ пивоварню во мою;
На моей пивоварнѣ
Пиво пьяно на ходу,
Сладка водка на меду“.

59.

Куманекъ, побывай у меня,
Душа сердце, побывай у меня.
—И я радъ у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ у тебя, голубушка, бывать:
У тебя ли, кума, улица грязна.
—Я сама тому горю помогу,
Я на улицѣ мосточекъ намошу;
Куманекъ, побывай у меня,
Животокъ, побывай у меня.
—И я радъ бы у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ бы у тебя, голубушка, бывать:
У тебя, кума, вороты скрипучи.
—Я самали тому горю помогу,
Подъ вороты стаканъ масла подолью;

Куманекъ, побывай у меня.

—И я радъ у тебя, кумушка, бывать,
И я радъ у тебя, голубушка, бывать:
У тебя, кума, собаки лихii.

—Я сама тому дѣлу помогу,
Я собакамъ часть мяса размечу.

60.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.

Люли, люли, стояла!

Люли, люли, стояла!

Не кому березу заломати,
Не кому кудряву заломати.

Люли, люли, заломати!

Люли, люли, заломати!

Я пойду, погуляю,

Я пойду, погуляю.

Люли, люли и т. д.

Бѣлую березу заломаю,
Бѣлую березу заломаю.

Срѣжу съ березы три пруточка.
Срѣжу съ березы три пруточка.

Сдѣлаю три гудочки,

Сдѣлаю три гудочки.

Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку.

Вы, гудки, не гудите.

Вы, гудки, не гудите.

Стара мужа не будите,
Стара мужа не будите.

Старой спить съ похмѣлья,
Старой спить съ похмѣлья.

Пойду-ль я на новы сѣни,
Пойду-ль я на новы сѣни.

Стану-ль старова будити,
Стану-ль старова будити.

Встань, мой старой, пробудися,
Встань, мой старой, пробудися.

Ой, борода сѣдая, пробудися,
Ой, борода сѣдая, пробудися.

Вотъ тебѣ помои, умойся,
Вотъ тебѣ помои, умойся.

Вотъ тебѣ рогожка, утрыся,
Вотъ тебѣ рогожка, утрыся.

Вотъ тебѣ борона, разчешися,
Вотъ тебѣ борона, разчешися.

Вотъ тебѣ лапотки, обуйся,
Вотъ тебѣ лапотки, обуйся.

Вотъ тебѣ шубенка, одѣнься,
Вотъ тебѣ шубенка, одѣнься.

Вотъ тебѣ дорожка, прогуляйся,
Вотъ тебѣ дорожка, прогуляйся.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.

Не кому березу заломати,
Не кому кудряву заломати.

Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю.

Бѣлую березу заломаю,
Бѣлую березу заломаю.

Срѣжу съ березы три пруточка,
Срѣжу съ березы три пруточка..

Сдѣлаю три гудочки,
Сдѣлаю три гудочки,

Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку.

Пойду-ль я на новы сѣни,
Пойду-ль я на новы сѣни.

Вы, гудки, загудите,
Вы, гудки, загудите.

Встань, мой милой, пробудися,
Встань, мой милой, пробудися..

Вотъ тебѣ водица, умойся,
Вотъ тебѣ водица, умойся.

Вотъ тебѣ полотенце, утрися,
Вотъ тебѣ полотенце, утрися.

Вотъ тебѣ гребень, разчешися,
Вотъ тебѣ гребень, разчешися.

Вотъ тебѣ башмачки, обуйся.
Вотъ тебѣ башмачки, обуйся.

Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одѣнься,
Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одѣнься.

Войди въ теремъ, веселися,
Войди въ теремъ, веселися.

61.

Сколько мнѣ бражки ни пiti,
Съ бражки мнѣ пьяной не быти.

Люли, люли, не быти (2).

Кабы чарочка горѣлки,
Я бы пьяна напилася.

Люли, люли, напилася (2).

Я бы пьяна напилася,
Вдоль по улицѣ прошлася.

Люли, люли, прошлася (2).

Я бы по лугу гуляла,
Тroe чеботовъ стоптала.

Люли, люли, стоптала (2).

Чёкъ, чёкъ, чёкъ, чеботочки,
Здравствуйте, миленъки дружочки.

Люли, люли, дружочки (2).

У нась дома не здорово,
Свёкорь съ печи свалился.

Люли, люли, свалился (2).

Свёкорь съ печи свалился,
За корыто повалился.

Люли, люли, повалился (2).

Кабы было мнѣ вѣстимо,
Я бъ повыше подмостила.

Люли, люли, подмостила (2).

Я бъ повыше подмостила,
Свёкру-бъ голову сломила.
Люли, люли, сломила (2).

62.

Поѣхалъ зять къ тещѣ
По зеленой рощѣ
На жену просити:
Здорово, ты, теща!
— Здорово ты, зятикъ,
Здорово, касатикъ!
— Не совсѣмъ здоровъ я:
Жена меня била,
Больно колотила;
Ничѣмъ не тяжелымъ,
Полѣномъ дубовымъ.
— За что же тя, зятикъ,
За что же, касатикъ?
— Залѣзъ я во погребъ,
Поѣль всю сметану,
Ни мало маленько,
Двѣнадцать горшечковъ.
— Дочь моя дура
Мало тебя дула.
— Прощай же ты, теща,
Прощай, не милая!
— Прощай же ты, зятикъ,
Прощай же, сметанникъ!

63.

Ходили дѣвушки по бережку,
Съяли красныя ярыи хмѣль,
Съяли хмѣль, приговаривали,
Съяли хмѣль, приговаривали:
Рости, нашъ хмѣль, по тычинкамъ вверхъ:
Безъ тебя хмѣлюшки не водится,
Пьяное пивушко не варится,
Пьяное пивушко не варится,
Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ.
Вздумала Дуняша, замужъ пошла,
Вздумала Дуняша, замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ испекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару да изюму на восемь рублей,
Сахару да изюму на восемь рублей;
Сталъ весь пирогъ-то двѣнадцать рублей.
Думала теща пятерымъ не съѣсть,
Зять-то сѣль, за присѣстомъ сѣль,
Зять-то сѣль, за присѣстомъ сѣль.
Теща по горницѣ похаживаетъ,
Тихонько зятюшку побраниваетъ:
Какъ тебя, зятюшку, не розорвало?
Какъ тебя, зятюшку, не розорвало?
—Спасибо, тещенька, на хлѣбъ на соли
Да на сладкомъ пирогѣ!
Что ты, тещенька, употчиваля
Что ты, тещенька, употчиваля.

—Милости прошу объ великомъ посту;
Я жъ тебя тещенька отпотчиваю,
    Я тебѣ всю честь воздамъ,
    Я тебѣ всю честь воздамъ:
Въ четыре дубины березовыя,
Пятый кнутъ по заказу свить:
    Ходи, гуляй, тещенька!
    Ходи, гуляй, тещенька!..
Рвалась теща, чуть вырвалась;
Бѣжала теща, насилу ушла:
    Прибѣжала теща ко двору,
    Прибѣжала теща ко двору,
Бросилась теща въ избѣ средь полу!
Гляньте, ребята, не зять ли идетъ,
    Зять у воротъ, на похмѣлье зоветъ,
    Зять у воротъ, на похмѣлье зоветъ.
Скажите зятю: со вечеръ хмѣльна,
Съ пива да съ вина болитъ голова,
    Съ сладкаго меду, я вся де больна,
    Съ сладкаго меду, я вся де больна.

64.

По напѣву близка къ „Яблонькѣ“.

Какъ со вечера пороша
Со полуночи снѣжокъ;
Какъ по той ли по порошѣ
Трои саночки бѣгутъ
Къ Акулинину двору.
Акулинушка душа,
Отворяй ворота,

Акулинушка бѣжитъ,
И шумитъ и гремитъ,
И по лѣстницѣ стучитъ.
Еще погодя не множко,
Акулининъ мужъ на дворъ,
Акулининъ мужъ,
Онъ догадливъ былъ,
На широкій дворъ взошолъ,
До конюшеньки дошелъ,
До конюшеньки дошелъ,
Онъ сѣра коня нашелъ.

„Акулина это что?“

— „А тебѣ, сударь, на что?
Вчерась по торгу ходила,
Я сѣра коня купила:
Я не дорого дала
За свою цѣну взяла“.
Акулининъ мужъ,
Онъ догадливъ былъ,
Онъ во свѣтлицу вошелъ,
До кроватушки дошелъ,
До кроватушки дошелъ,
Сиротинку нашелъ.

„Акулина, это что?“

— „А тебѣ, сударь, на что?
Вчерась по торгу ходила
Сиротинку подняла:
Еще надо сиротинку
Напоить, накормить,
Напоить, накормить
И обуть и одѣть,
И обуть и одѣть,

И съ двора спустить.
Какъ тебѣ, другъ, на здоровье,
А мнѣ тягости нѣть.
Ты живи, моя надежда,
Другъ мой людямъ и себѣ.

65.

Ахъ! Ванюшка Иванъ,
Ваня миленький дружокъ.
Ахъ! полно Ваня пить,
Пора умъ-разумъ копить,
Станутъ дѣвушки любить (2)
И молодушки хвалить.
Ахъ! я ли молода
Одинокая была, (2)
Въ одиночествѣ жила;
Затопила я избушку
Сама по воду пошла.
На Фонтанку на рѣку (2)
По ключевую воду;
Размахнула, почерпнула,
Подняла, млада, пошла,
Ко милу другу зашла.
Я не долго посидѣла,
И домой пошла;
На встрѣчу мнѣ, младенкѣ,
Подокстовая кума (2)
Насмѣялася въ глаза.
Подь, кумушка, домой,
Подь, голубушка, домой,
У тебя ли у кумы

Протопилася изба (2),
Переуглились дрова,
Надеялся горшечекъ,
Въ печи кипучи,
Твое милое дитя
Пробудилось ото сна,
Ахъ! твой миленький дружокъ
Насмѣхается тебѣ.

66.

Сочиненіе этой пѣсни преданіемъ приписывается актрисѣ Е. С.
Сандуновой.

„Еслибъ завтра да ненастье,
То-то бъ рада я была,
Еслибъ дожжикъ, мое счастье,—
За малинкой въ лѣсь пошла;
Я бы милому сказала,
Чтобы онъ за мною шелъ“.
Вотъ какъ Маша разсуждала,
Съ поля идучи домой.
„Завтра съ свѣтомъ я проснуся
И въ окошко погляжу;
Если дожжикъ,—попрошуся,
Вотъ что матушкѣ скажу:
„Идеть дожжикъ, нельзя въ полѣ
Намъ сегодня работать;
Мѣшкать нечего намъ болѣ,
Пойдемъ въ лѣсь малину братъ.
Отпусти меня, родная,
Я малинки наберу:“

Тутъ дорожка есть большая,
Я продамъ всю къ вечеру“.

„Лишь отпустить, въ мигъ сберуся,
Я умоюсь, побѣгу;
Лишь на часъ остановлюся
Возлѣ рѣчки на лугу.
Наберу цвѣточковъ въ полѣ.
За собой буду бросать:
Чтобы миленькій не доль
Меня могъ, какъ въ мигъ, сыскать.
А не то аукну въ горѣ:

„Ты ау, ау, мой свѣтъ!
Долети мой голосъ вскорѣ,
Гдѣ мой миленькой живеть!“

А намедни мой любезный
Разсердился на меня,
Но увида взоръ мой слезный,
— „Поцѣлуй, сказалъ, меня!“—
Я сама проста не буду
И надѣлаю проказъ:
Если миленькій захочетъ,
„Поцѣлуй, скажу, сто разъ!“

Такъ мечтавши пріуснула,
Будто на крутой горѣ;
Вдругъ проснулась, встрепенулась;
Ясно, ясно на дворѣ.
Изголовьице смочила,
Давъ обильно течь слезамъ:
„Не увижусь, говорила,
Ахъ, сегодня съ милымъ я!“

III.

МУЖСКИЯ ПѢСНИ.

Въ девичьихъ и женскихъ пѣсняхъ поется главнымъ образомъ про любовь и семейную жизнь. Мужскія пѣсни поютъ также про любовь и семейную жизнь, но этихъ пѣсень вообще было сложено мужчинами менѣе, чѣмъ женщинами. Мужчины часто отвлекались отъ семьи отхожими промыслами, извозомъ, военной службой, и слагали пѣсни про эту жизнь, далекую отъ дома и домашнихъ. Первая пѣсня, которую мы тутъ помѣщаемъ, одна изъ самыхъ старинныхъ, въ ней разсказывается о древнемъ воинѣ, а можетъ быть и разбойнику, далеко зашедшемъ отъ дома на Саратовскую, въ старинное время дикую и безлюдную степь, гдѣ скитались разбойники и куда наѣзжали дикие восточные кочевники.

67.

Ужъ вы, горы мои, горы Воробьевскія,
Ничего вы, горы, не породили!
Породили горы бѣль горючъ камень;
Изъ подъ камушка течетъ быстра рѣченка,
На рѣкѣ стоитъ кустъ ракитовый,
На кусту сидѣтъ младъ сизой орелъ,
Во когтяхъ держитъ черна ворона.
Онъ и бить его не бѣть, все выспрашиваетъ:
„Гдѣ ты воронъ былъ, гдѣ полетывалъ?“
—Быль я на дикихъ степяхъ на Саратовскихъ
Тамъ видѣль я, видѣль чудо дивное:
Тамъ лежитъ, лежитъ тѣло бѣлое;
Никто къ тому тѣлу не подступится;
Вокругъ тѣла вьются лишь три ласточки.
Какъ и первая ласточка—его родна матушка
А вторая—сестра его родная,
Какъ и третья ласточка—его молода жена.

Какъ и мать по немъ кричить, что рѣка быстра
течетъ,
А сестра по немъ кричить, что съ горы ручьи
текутъ,
А жена по немъ кричить, словно утрешня роса:
Какъ (и) солнышко взойдетъ—роса высохнетъ.

68.

Вы туманы мои туманушки, разосеніе вы ту-
маны мои!
Ты печаль ли моя кручинушка, зла мучитель-
на тоска!
Не поднаться вамъ, туманушки, со синя мо-
ря долой:
Не отстать тебѣ, кручинушка, отъ ретива
сердца прочь.
Мнѣ noche-сь-то, noche-сь добру молодцу ма-
лымъ мало спалось;
Мнѣ малымъ-мало спалось — много видѣлось
во снѣ:
Будто я убитъ, добрый молодецъ, на Бухар-
ской сторонѣ,
Будто я лежу, разудаленькій, на дикой степѣ:
Мнѣ постелюшка, добру молодцу, ковыль-
травка постлана,
Изголовьице мнѣ, разудалому, бѣль горючъ
камень лежитъ,
Одѣялице мнѣ, добру молодцу, темна очка
надо мной.
Мои рѣзвы ноженьки лежать вдоль дороженьки,
Мои бѣлы ручушки—врозь разложены,

69

Ахъ какъ далече, далече въ чистомъ полѣ
Раскладенъ тамъ былъ огонечекъ малешенекъ,
Отъ огничка толь дымочекъ тонешенекъ,
Подлѣ огничка разостланъ шелковый коверъ,
На ковричкѣ лежить добрый молодецъ,
Припекаетъ свои раны кровавыя;
Въ головахъ его стоитъ животворящій крестъ;
По праву руку лежить сабля вострая,
По лѣву руку его крѣпкой лукъ,
А въ ногахъ стоитъ его добрый конь.
При смерти добрый молодецъ сокрушается
И самъ добру коню наказываетъ:
Ахъ! ты конь мой, конь, лошадь добрая,
Ты видишь, что я съ бѣлымъ свѣтомъ разлу-
чаюся,
И съ тобой однимъ прощаюся;
Ты зарой мое тѣло бѣлое
Среди поля, среди чистова,
Средь раздольища, среди широкова.
Побѣги потомъ во святую Русь,
Поклонись моему отцу и матери,
Благословенъ отвези малымъ дѣтушкамъ,
Да скажи моей молодой вдовѣ,

Что женился я на другой женѣ,
Во приданы взялъ я поле чистое,
Свахою была калена стрѣла,
А спать положила пуля мушкетная;
Тяжки мнѣ раны палашовыя,
Тяжчѣе мнѣ раны свинцовые;
Всѣ друзья-братья меня оставили,
Всѣ товарищи разбѣжалися,
Лишь одинъ ты, мой добрый конь,
Ты служилъ мнѣ вѣрно до смерти,
И ты видишьъ, мой добрый конь,
Что удалый добрый молодецъ кончается!

70.

Ты скажи-ка, скажи родному батюшкѣ,
Поклонись-ка ты родной матушкѣ,
Ты скажи-ка, скажи молодой женѣ,
Какъ жениль-то меня бѣлъ-горючъ камень,
Обвѣнчала меня сабля вострая,
Молодая жена пуля быстрая!“

71.

Извощичья пѣсня.

Ужъ ты степь ли моя, степь Моздокская!
Широко ли ты далеко, степь, протянулася:
Протянулася ты степь вплоть до Царицына.
Ужъ и чѣмъ же, степь, степь, ты изукрашена?
Изукрашена степь лѣсами, болотами,
Да еще же степь большою дорогою.
Что никто-то по ней, никто не проѣзживалъ.
Только ъхали тамъ молоды извощики (все
Коломенски),
Какъ случилось у нихъ въ извозѣ несчастье:
Заболѣль-то-захворалъ молодой извощикъ:
Заболѣла у него буйная головушка,
Отъ головушки у него—его ретиво сердце.
Заболѣвшіи-то онъ, сталъ онъ имъ наказывать:
„Ужъ вы, братцы ли мои, вы братцы товарищи,
Не попомните вы моей прежней грубости!
Отведите-ка вы моихъ вороныхъ коней мому
батюшкѣ,
Золотую ли казну моей родной матушкѣ,
Челобитьице вы моей молодой женѣ,
Благословенъице вы моимъ малымъ дѣтушкамъ.

Рис. Гр. О. Л. Соллогубъ.

Случилось у нихъ въ обовѣ несчастье:
Занемогъ да захворалъ у нихъ добрый молодецъ.
(„Степь Моздокская“).

Хромо-Лит. И. Д. Сытина и К° въ Москвѣ.

72.

Ахъ не одна-то-ль, не одна во полѣ дорожень-
ка—одна пролегала;
Она ельничкомъ, мелкіимъ березничкомъ—она
заростала,
Ахъ и частымъ ли частымъ, горькимъ осен-
ничкомъ ее застипало...
Ахъ что нельзя-то-ли мнѣ, нельзя мнѣ къ су-
дарушкѣ нельзя въ гости ѹхать.
Такъ поѣду ли я къ любезной сударушкѣ, да
все стороною.
Ахъ ты прости, прощай, милъ сердечный другъ,
прощай, будь здорова!
Коли лучше ты меня найдешь, меня поза-
будешь,
Коли хуже ты меня найдешь, меня воспом-
нишь!

73.

Вспомни, вспомни, эхъ мой любезный,
Нашу прежнюю любовь!
Какъ мы съ тобой мой любезный погуливали,
Эхъ погуливали,
Погуливали!
Осеннія темныя ноченьки просиживали,
Ахъ просиживали,
Просиживали!
Любовныя, тайныя рѣчи говоривали;
Ахъ говоривали,
Говоривали!

Тебѣ, тебѣ, доброму молодцу, не жениться ни
на комъ,
Ахъ, не жениться ни на комъ!
Не жениться ни на комъ,
А мнѣ красной дѣвицѣ за мужемъ не быть!
Ахъ да за мужемъ не быть,
За мужемъ не быть.
Передумала красная дѣвица въ одну темную
ночь,
Ахъ въ одну темную ночку,
Въ одну темную ночку:
Женись, женись, мой любезный, я замужъ
иду,
Ахъ я замужъ иду!
Въ чистомъ полѣ при долинѣ,
Въ чистомъ полѣ при долинѣ стоялъ новъ
высокъ терёмъ,
Ахъ, новъ высокъ терёмъ,
Новъ высокъ, новъ высокъ терёмъ.
Въ томъ ли новомъ теремочкѣ красны дѣ-
вицы поютъ,
Знать-то знать мою любезную сговаривають!
Среди двора стоитъ крыльцо раскрашенное;
Съ того ли крыльца
Вели къ вѣнцу красну дѣвицу душу.
Одинъ ведеть за рученьку, другому жаль,
Третій стоитъ слезы ронить—любилъ, да не
взялъ,
Кормилъ, поилъ свою любезную, все про-
чили себѣ,
Доставалась моя любезная, иному—не мнѣ.
Хорошая, пригожая, простися со мной.

— Я бы рада простилась, воля не своя!
Какъ жила у батюшки, мнѣ воля была.
Помнить буду, другъ любезный, всѣ ласки
твои,
Какъ сойдемся, обоймемся дружечекъ съ тобой!
Расходившись слезы льются, радость дорогой.
Эту же пѣсню поютъ и такъ: „вспомни, вспомни, моя любезная...“

74.

Не соколъ летитъ по поднебесью,
Не соколъ ронитъ сизы перушки:
Скачетъ молодецъ по дороженькѣ,
Горьки слезы льеть изъ ясныхъ очей.
Распрошался онъ съ своей родиной,
Со сторонушкой понизовою,
Гдѣ течетъ въ краѣ Волга матушка.
Распрошался онъ съ красной дѣвицей,
Онъ оставилъ ей на поминъ себѣ
Дорогой перстень со алмазами,
На обмѣнѣ же взялъ отъ красавицы
Золото кольцо обручальное,
При размѣнѣ самъ приговаривалъ:
„Не забудь меня, моя милая,
Не забудь меня, задушевный другъ!
Чаще взглядывай ты на перстень мой,
Чаще стану я цѣловать кольцо,
Къ ретиву сердцу прижимаючи,
Объ тебѣ, мой другъ, вспоминаючи.
Коль помыслю я о другой любви,
Золото кольцо распаяется,
Если ты съ другимъ подъ вѣнецъ пойдешь,—
Камень выпадетъ вонъ изъ перстеня“.

75.

Изъ-подъ камушка, изъ-подъ бѣлова,
Не огонь горить, не смола кипить:
Что кипитъ сердце молодецкое—
Не по батюшкѣ, не по матушкѣ,
Не по душечкѣ молодой женѣ:
Что кипитъ сердце молодецкое
Ужъ по душечкѣ, красной дѣвицѣ,
По своей прежней полюбовницѣ.
Перепалася ко мнѣ вѣсточка:
Красна дѣвица разнемогалася,
И за вѣсточкой скоро граматка:
Красна дѣвица переставилась.
Ужъ пойду я съ горя на конюшенный
дворъ,
Ужъ я выведу коня доброва
Что ни доброва самолучшаго
И пойду я ко Божьей церкви,
Привяжу коня къ колоколенькѣ,
Самъ ударюся объ сырѣ землю:
Разступися ты, мать сыра земля!
И откроися ты, гробова доска!
Развернися ты, золота парча!
Пробудися ты, красна дѣвица,
Красна дѣвица, прежняя полюбовница!

76.

Ходилъ Ваня по базару—
Онъ искалъ себѣ товару:
Не нашелъ себѣ товару—
Купилъ себѣ косу.

Онъ чужое сѣно косить,
А свое-то сохнетъ;
Онъ чужую жену любить—
Своя стоитъ плачетъ;
Стоитъ плачетъ и рыдаетъ
Своего мужа ругаетъ,
Что съ другой гуляетъ,
Жену забываетъ:
„Не по промыслу, Ванюша,
Заводы заводишь:
Ты заводушки заводишь—
Трехъ дѣвушекъ любиши“.
Онъ Груняшу да Дуняшу,
Любушку Ульяшу;
Онъ Груняшъ купилъ ленту,
Дунѣ голубую,
Своей любушкѣ—Ульяшѣ
Шалевый платочекъ:
„Ты носи, моя Ульяша,
Носи, не хвалися!
Если жь будешь хвалиться,
Не буду любити;
Я любить тебя не стану,
Сходиться не стану,
Сходиться не стану—
Отъ тебя отстану“.

77.

Ужъ я пашенку пашу,
Самъ на солнышко гляжу:
Высоко ли мое солнце,
Красно солнышко взошло?

Какъ чужія-то жены
Мужьямъ ъесть принесли,
А моя шельма жена
Долго хлѣба не несла;
Знать не устряпалася,
Не уварахталася!
Ужъ я выпрягу лошадку,
Дугу объ землю хвачу,
Ужъ я вырѣжу лозу
На мою шельму-жену.
Подъѣзжаю ко двору—
Жена ходить по двору
Набѣленая, нарумяненая,
Набѣлена—бѣло.
Нарумянена—ало,
Въ кокошничкѣ рогачкѣ,
Въ коноватной фаточкѣ,
Въ парчевыхъ рукавахъ,
Во кумачномъ сарафанѣ,
Во бумажныхъ чулкахъ,
Въ переплетахъ башмачки.
Ужъ я брошу лозу—
Поцѣлую жену
Поцѣлую обойму.
Разлапушкой назову.

78.

Эта пѣсня одна изъ самыхъ старинныхъ. Въ ней поется о молодцѣ, который жалѣть о прежней холостой жизни, соскучившись съ своей женой, но сознаеть, что разрушить брака нельзя, что надо жить такъ, какъ приказала судьба.

Ахъ ты молодость, моя молодость,
Ахъ ты молодость веселая!

Износиль то я тебя, молодость,
Ни въ корысти, ни въ радости,
Да къ тому же горю худа жена:
Ни продать нельзя, ни промѣнять ее,
Ни слугѣ своему пожаловать.
Ахъ со горя, со кручинушки
Я пойду гулять на быстру рѣку,
На быстру рѣку, Волгу матушку.
Я куплю женѣ легку лодочку,
Я найму, найму молодыхъ гребцовъ,
Молодыхъ гребцовъ, удалыхъ молодцовъ
Я пущу жену внизъ по матушкѣ,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
И я самъ взойду на круту гору,
Погляжу то я за худой женой,
За худой женой некорыстною,
Каково плыветъ моя жена.
Какъ мое сердце сожалѣлося,
Закричу-то я громкимъ голосомъ:
„Воротись, ты, моя худа жена!
Воротись, мое горе бѣдное!
Ужъ какъ мнѣ тебя жаль стало!
Доживать ужъ вѣкъ съ худой женой—
Съ худой женой, некорыстною.

79.

Охочь былъ молодецъ по пирамъ ходить,
По пирамъ онъ ходить, пѣсенъ слушати;
Охочь былъ смѣяться чужимъ женамъ,
Чужимъ онъ женамъ, молодымъ вдовамъ,

Молодымъ онъ вдовамъ, краснымъ дѣвшимъ
камъ.

А нонече молодецъ самъ женатъ;
Женитъба его неудачная,
Жена у него не корыстная,
Куда онъ ее ни пошлеть—не дошлется,
Хотя дошлется—такъ не дождется;
Хотя дождется—не допросится;
Хоть допросится—такъ не все скажетъ!

80.

Сказали про молодца, будто не живъ, не здоровъ.

Сказали про удалаго: совсѣмъ безъ вѣсти пропалъ.

Вечоръ-то мой милый другъ поздно вечеромъ прошелъ,

Любимую пѣсенку шибко - громко просвисталь,

Ко мнѣ къ красной дѣвицѣ въ теремъ голосъ подаваль:

„Ай! спиши ли ты, дѣвица, или такъ съ горя лежишь?“

— „А что же ты, молодецъ, ко мнѣ долго не бывалъ?“

— „Съ худою женой побранка была,
Тебя красну дѣвицу очень дурно назвала!
Ужъ я ль ее билъ шельму, чуть живу на свѣтъ пустилъ.“

— „Не бей, не бей, молодецъ, ты свою худу жену:

Съ худою ль женой тебѣ вѣсъ вѣкъ вѣко-
вать,
Со мной, съ красной дѣвицей лишь ночь оче-
вать“.

81.

О горюшкѣ.

Отчего ты, Горе, зародилося?
Зародилося Горе отъ сырой земли,
Изъ подъ камешка изъ подъ сѣрова,
Изъ подъ кустика, изъ подъ ракитова;
Во лаптишечки Горе пообулося,
Въ рогозиночки Горе понадѣлося,
Понадѣлося, тонкой лычинкой подпоясалось.
Приставало Горе къ добру молодцу.
Видитъ молодецъ—отъ Горя дѣться некуда.
Молодецъ вѣдь отъ Горя во чисто поле,
Во чисто поле сѣрымъ заюшкомъ,
А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, тенета несетъ,
Тенета несетъ все шелковыя:
„Ужъ стой, не ушелъ, добрый молодецъ!“
Видить молодецъ: отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя во быстру рѣку,
Во быстру рѣку рыбой-щуковою.
А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ
Вслѣдъ идетъ, невода несетъ,
Невода несетъ все шелковыя.
„Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!“
Видить молодецъ: отъ Горя дѣться некуда.

Молодецъ вѣдь отъ Горя во огневушку
Во огневушку да во постелюшку.
А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ, въ ногахъ сидѣтъ:
„Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!“
Видитъ молодецъ, отъ Горя дѣться некуда,—
Молодецъ вѣдь отъ Горя въ гробовы доски.
Въ гробовы доски, во могилушку,
Во матушку во сырь землю.
А за нимъ Горе вслѣдъ идетъ,
Вслѣдъ идетъ со лопаткою,
Со лопаткою, да съ телѣжкою.
„Ужъ ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!“
Только добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Загребло Горе во могилушку,
Во могилушку, во матушку сырь землю.

82.

Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ Горя бѣжать?

Пойду отъ Горя въ темный лѣсъ—
За мной Горе съ топоромъ бѣжитъ:
„Срублю, срублю сѣры дубы,
Сыщу, найду красну дѣвицу“.
Бѣгу отъ Горя въ чисто поле—
За мной Горе съ косой бѣжитъ:
„Скошу, скошу чисто поле,
Сыщу, найду красну дѣвицу“.
Куда жъ мнѣ отъ Горя бѣжать?
Я отъ Горя брошусь въ сине море—

За мной Горе бѣлой рыбцей:
„Выпью, выпью сине море,
Сыщу, найду красну дѣвицу“.
Я отъ Горя замужъ уйду—
За мной Горе въ приданое.
Я отъ Горя въ постелюшку слегла—
У меня Горе въ головахъ сидить;
Я отъ Горя въ сырь землю пошла—
За мной Горе съ лопатой идетъ;
Стоитъ Горе выхваляется:
„Вогнало, вогнало я дѣвицу въ сырь
землю“.

83.

Ахъ никто, братцы, про хмелюшка не
знаеть,
Да гдѣ-то я хмель зародился.
Зародился хмель въ чистомъ полѣ,
Въ чистомъ полѣ зародился въ косогорѣ.
Какъ провѣдался про хмѣлюшка,
Исповыкопалъ хмелевое коренье,
Перенесъ мое коренье во деревню,
Посадилъ меня мужикъ въ огородѣ,
Обрывалъ меня мужикъ черной грязью,
Еще тою ли щепою, перегноемъ.
Вотъ тутъ-то мнѣ хмелюшку тошно,
Веселой головушкѣ тяжеленько.
Да однако жъ я хмель догадался,
Я за сырью за землю принимался,
По тычиночкамъ вверхъ взвивался;

Какъ въ заутрѣ у насъ, братцы, торжина,
Ужъ какъ всѣ люди пива заварили.
Какъ ходитъ мужикъ по огороду,
Во рукахъ онъ носить вострый ножикъ;
Онъ порѣзаль мои скорые ноги,
Опустиль мои хмелевые всѣ шишкы,
Перенесъ меня мужикъ въ черную избу,
Посадиль меня мужикъ на полати;
Онъ коптиль меня, мужикъ, трои сутки,
Вотъ тутъ-то мнѣ хмелошку тошно,
Веселой головушкѣ тяжеленько;
Посадиль меня мужикъ въ водочанецъ,
Облюбовалъ меня мужикъ сладкимъ сус-

ломъ:

Вотъ тутъ-то мнѣ хмелошку любо,
Веселой головушкѣ веселенько.
Да однако я хмель догадался,
Я за сладкое за сусло принимался,
По дубовымъ по бочкамъ разливался,
Ужъ какъ напился мужикъ пива до пьяна,
Вотъ тутъ-то я мужику насыпался,
Я ударилъ его во въ тынъ головою,
Я посунулъ его въ грязь бородою.

84.

Старинная волжская пѣсня. Ее поютъ часто и солдаты.
При началѣ этой пѣсни запѣвало изображаетъ атамана шайки,
а кто нибуль изъ хора, обыкновенно съ басистымъ голосомъ,
есаула.

Атаманъ.

Не шумъ шумить, не громъ гремить:
Сильный атаманъ съ своей шайкой валить;

Что здѣсь за шумъ, что здѣсь за веселье?
Что за притонъ—не питейный тутъ домъ?
Нельзя-ль намъ добрымъ молодцамъ разгу-
ляться въ немъ?

Вотъ здѣсь не одинъ я гуляю—
Есть у меня подручный Есаулъ.
Есаулъ, есаулъ, подходи ко мнѣ скрѣй,
Говори со мной смѣлѣй.
Если не пойдешь ко мнѣ скоро,
Не будешь говорить со мной смѣло—
Усы твои оборву, во полонъ тебя возьму,
Двадцать пять тебѣ въ спину вкачу
Мало тебѣ?—сто:
Пропадеть твоя служба ни за что!

Е саулъ.

Что изволите, господинъ атаманъ?

А т а м а нъ.

Вотъ тебѣ подзорная моя труба.
Стой прямѣй, гляди вѣрнѣй
На всѣ на четыре стороны,
Не увидишь ли гдѣ пеньевъ, кореньевъ, ров-
ныхъ мѣсть,—
Какъ бы намъ добрымъ молодцамъ на мель не
сѣсть!
Судна не проломить,
Души не погубить!

Е с а у л ъ.

Вижу, господинъ атаманъ!

А т а м а н ъ.

Что ты видишь?

Е с а у л ъ.

Въ горахъ черви, въ водѣ черти;
Въ городахъ сучки, полицейские крючки;
Въ деревняхъ богатые мужички—
Нигдѣ намъ добрымъ молодцамъ разгуляться
не дадутъ.

А т а м а н ъ.

А ну-ка, ребята, грянемте мою любимую
пѣсню:

Внизъ да по матушкѣ по Волгѣ,
По широкому внизъ раздолью
Взбушевалася внизъ погодунка,
Погодушка не малая,
Не малая, волновая!
Ничего въ волнахъ не видно:
Только лодочка чернѣеть;
Паруса на ней бѣлѣютъ,
На гребцахъ шляпы чернѣютъ,
Кушаки на нихъ алѣютъ;
Самъ хозяинъ во нарядѣ,
Въ черномъ бархатномъ кафтанѣ;
Ужъ какъ взговорить хозяинъ:

Ну-те грянемъ-те, ребята,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ.
Приворачивай, ребята,
Ко крутому бережечку,
Ко Аленину подворью,
Ко Ивановой здоровью.
Аленушка выходила
Таки рѣчи говорила:
„Не прогнѣвайся, хозяинъ:
Въ чёмъ ходила, въ томъ и вышла,—
Въ одной тоненькой рубашкѣ
И въ кумачной тѣлогрѣйкѣ“.

85.

Эту пѣсню поютъ и солдаты.

Внизъ да по рѣчкѣ,
Внизъ по Казанкѣ
Сизый селезень плыветь!
Ай да люли, ай да люли!
Сизый селезень плыветь *).

—
Вдоль да по бережку,
Бережку крутому
Добрый молодецъ идетъ!

—
Онъ со кудрями,
Онъ со русыми
Разговариваетъ:

---

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждого куплета.

„Кому мои кудри,
Кому мои русы
Достанутся расчесать?“

—
Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабѣ расчесать!

—
Она не умѣеть,
Она не горазда:
Только волосы дереть!

—
Доставались кудри,
Доставались русы.
Красной дѣвицѣ чесать!

—
Она ихъ и чешетъ,
Она ихъ и гладитъ,
Волосъ къ волосу кладетъ!

86.

Пѣсня веселая, плясовая.

Здравствуй, милая, хорошая моя,
Чернобровая, похожа на меня.
Разъ-два-три, люли, люли, люли!
Чернобровая, похожа на меня! *)

—
Чернобровая похожа на меня
Твои брови почернѣй чудоекъ **) моихъ.

*) Пріпѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

**) Чудокъ-чуючку.

Твой брови почернѣй чудокъ моихъ.
Не полюбишь ли молодчика меня?

— Ужъ и какъ же мнѣ тебя не любить
По тебѣ мое сердечушко болитъ.

Сердце ноетъ, кровь пылаетъ во мнѣ,
Что жъ ты, миленький, не вспомнишь обо мнѣ?

Срѣбилъ, срубилъ милый горенку нову,
Посадилъ меня во горенку одну.

— Я сидѣла не недѣлюшку, не двѣ;
Милъ метался черезъ рѣченъку ко мнѣ.

Ты не рвися, не мечися, мой милой:
Теперь кончилась любовь наша съ тобой.

Ужъ и кто жъ ты, бѣлъ кудрявый молодецъ,
Ужъ и кто жъ тебя породилъ молодца?

— Породила меня матушка,
Вспоилъ, вскормилъ рѣдный батюшка.

— Возле лѣяла чужая сторона;
Завила кудри сударушка моя.

Завивала приговаривала,
Меня молодца выхваливала.

87.

На этотъ же напѣвъ поютъ:

Вдоль по улицѣ метелица мететъ,
За метелицей мой милый другъ идетъ *)

—
За метелицей мой милый другъ идетъ,
За собою пару кониковъ ведеть.

—
Здравствуй, здравствуй, раскрасавчикъ душа
мої,
Неразлучная любовь наша съ тобой.

—
Неразлучная любовь наша съ тобой,—
Почему же не пришелъ гулять со мной?

—
Почему же не пришелъ гулять со мной?
У меня ли всѣ садочки разцвѣли.

—
У меня ли всѣ садочки разцвѣли,
Во садочкахъ мелки пташечки поютъ.

—
Во садочкахъ мелки пташечки поютъ,
Съ куста на кустъ перелетываютъ.

—
Миловались, цѣловались каждый часъ;
У Машеньки покатились слезы съ (изъ) глазъ.

—
Почему Маша смутна стала така,
Почему Маша смѣнилася съ лица?

---

*) Припѣвъ тотъ же, какъ въ предыдущей пѣснѣ.

Почему Маша смыnilася съ лица?

— „Почему?—что жизнь докучила меня!“

Во деревнѣ все мужики-вохлаки,
Неучтивы со мной рѣчи говорять.

Неучтивы со мной рѣчи говорять,
Меня Машу все ругаютъ и бранятъ“.

(Записана отъ солдатъ).

88.

Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ,
Въ темномъ лѣсѣ,
Залѣсье (Да во залѣсьи) (2).
Вырублю я *)
Пасѣку (2).
Распашу-ль я
Пашенку (2).
Я посѣю
Конопель (2).
Уродися,
Конопель (2),
Тонокъ дологъ,
Бѣль, волокнистъ!
Повадился
Воръ-воробей,

*) Каждый первый стихъ повторяется четыре раза.

Въ мою конопельку
Летати,
Мою конопельку
Клевати!
Я ужъ его
Изловлю.
Я ужъ тому
Воробью
Крылья, перья
Перебью.
Чтобы пересталъ онъ
Летати!
Закажу-ль я
Северинку,
Чтобы приходилъ
Почаше,
Чтобы приносилъ
Послаще,
Меду, пива
И бражки;
И мы выпьемъ
Бражинку,
Мы поздравимъ
Хозяина,
Хозяинъ, здравствуй
Съ хозяйствой!

89.

Противъ краснова солнышка стояла сосёнушка,
Ой лёй-лёли, лёй-лёли—стояла сосёнушка.

Подъ той подъ сосёнушкой стояла кроватушка,
Ой лёй-лёли, лёй-лёли—стояла кроватушка.

Кроватушка, кроватушка, кроватушка тесовая,
Ой лёй-лёли, лёй-лёли кроватушка тесовая *).

На той на кроватушкѣ перина пуховая,
Изголовье высокое, одѣяло соболиное.

Подъ тѣмъ одѣяличкомъ лежитъ душа дѣвица,
Лежитъ душа дѣвица, плачетъ что рѣчка
льется,

Плачетъ, что рѣчка льется; слезы, что волны бьются.

Пришелъ добрый молодецъ, онъ сталъ уговаривать:

„Не плачь, не плачь, дѣвица, не плачь душа красная!

Пойдемъ, пойдемъ, дѣвица, во поле во чистое,
Сорвемъ, сорвемъ, дѣвица, ковылушки-травушки.

Стели, стели, дѣвица, постелюшку мягкую;
Ложись, ложись, дѣвица, отъ солнца отъ краснова:

А я, добрый молодецъ, отъ лѣсу отъ темнаго,
Отъ лѣсу отъ темнаго, отъ звѣря отъ лютаго.

90.

Ахъ! грустно мнѣ
На чужой сторонѣ!

---

*) Пріпѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

Все немило,
Все постыло:
Со мной милой нѣть.

—
Здѣсь милой моей нѣть,
Мнѣ постылъ бѣлый свѣтъ!
Что бывало
Утѣшало,
Теперь плачу о томъ.

—
Ахъ! милая моя!
Осталася отъ меня;
Противъ воли
Въ тяжкой долѣ
Буду жити безъ тебя.

—
Куда ни пойду,
Я тебя не найду;
Мнѣ постылы
И не милы
Всѣ мѣста безъ тебя.

—
Нѣть другой никакой,
Равнялась бы съ тобой;
Вздыхаю
Вспоминаю,
Какъ была ты со мной!

—
Представляю себѣ:
Говоришь будто мнѣ;

Забываюсь,
Откликаюсь
Часто на голосъ твой.

Мнѣ во всякой день
Твоя мнится тѣнь;
Обернуся,
Оглянуся,
Ахъ! нѣтъ никого!

Здѣсь милой моей нѣть,
Пойду за ней во слѣдъ:
Гдѣ-бѣ ни крылась,
Ни таилась,
Сердце скажетъ мнѣ путь.

Не мило ужъ нигдѣ,
Грусть равна мнѣ вездѣ.
Поражаетъ,
Разлучаетъ
Рокъ жестокій меня!

Совершилось все со мной,
Разлучился съ дорогой;
Сердце рвется,
Мысль мятется,
Миновался покой!

На своей сторонѣ
Не забудь обо мнѣ;
Вздыхавши
Вспоминавши,
Будь мнѣ также вѣрна.

91.

Эту пѣсню обыкновенно причисляютъ къ цыганскимъ, ибо она у Цыганъ особенно хорошо выходитъ и часто ими поется. Пѣсня эта старинная народная.

Ивушка, ивушка зеленая моя!
Что же ты, ивушка, не зелена стоишь?
—Какъ же мнѣ ивушкѣ зеленої бытъ?
Меня ивушку солнышкомъ печеть!
Солнышкомъ печеть, частымъ дождичкомъ
сѣчеть!

Ѣхали бояре изъ Новагорода;
Срубили ивушку подъ самый корешокъ,
Стали они ивушку потесывать,
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;
Сѣли во лодочку, поѣхали домой,
Взяли, подхватили, красну дѣвицу съ собой,
Стали они дѣвшку спрашивати:
Дѣвица, дѣвица, красавица моя,
Что же ты, дѣвица, не весела сидишь?
—Какъ же мнѣ дѣвицѣ веселой бытъ?
Какъ же мнѣ красной не задумываться?
Что это у батюшки выдумано,
У родной у матушки выгадано:
Меньшую сестру прежде замужъ выдаютъ.
Меньшая сестра, чѣмъ же лучше меня?
Чѣмъ же лучше меня, чѣмъ же вѣжливѣй?
Меньшая сестра вѣдь ни ткать, ни прѣсть,
Ни ткать, ни прѣсть,—только по воду ходить,

По воду ходить, съ горы ведра катить,
Качу я, покачу съ горы ведра,
Станьте вы, ведерочки, полны! полны!
Полны! со краями равны!

92.

Также пѣсня народная, хотя называется цыганской.

При долинушкѣ калинушка стоитъ;
На калинѣ соловей-птица сидить,
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
А малиною закусываетъ.
Прилетѣли къ соловью да соколы;
Они взяли соловья да съ собою,
Посадили соловья да во саду,
Во серебряную клѣтку,
Въ позолоченую рѣшеточку;
Накормили соловья они пшеномъ,
Напоили молодова сытой;
Какъ заставили пѣсенъ пѣть:
— „Эхъ пой, воспой, соловей,
При кручинѣ утѣшай молодца,
При печали красну дѣвицу-душу“.
Соловей во всю ночь свисталъ,
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Во звончатые гуслички игралъ,
Все душу красну дѣвицу утѣшалъ,
Чтобы дѣвица любила молодца,
И любила и жаловала,
И ни въ чемъ не отказывала.

IV.

РЕКРУТСКИЯ.

93.

Что вились-то мои русы кудри, вились, за-
вивались.
Какъ заслышали мои русы кудри на себя
невзгодье:
Что ужъ быть-то мнѣ, доброму молодцу, во
солдатахъ,
Что стоять-то мнѣ, доброму молодцу, въ ка-
раулѣ.
Вотъ стоялъ я, добрый молодецъ, въ ка-
раулѣ,
Пристоялись у доброго молодца мои скоры
ноги;
Какъ задумалъ я, добрый молодецъ, задумалъ
бѣжати;
Что бѣжалъ я, добрый молодецъ, не путемъ до-
рогой,
А бѣжалъ я, добрый молодецъ, темными лѣ-
сами;
Въ темныхъ лѣсахъ, добрый молодецъ, весь
я ободрался,
Подъ дождемъ я, добрый молодецъ, весь обмо-
чился;
Прибѣжалъ я добрый молодецъ ко своему
подворью,

Прибѣжавши, добрый молодецъ, подъ окномъ
я постучался:
„Ты пусти, пусти, сударь батюшка, пусти
обогрѣться,
Ты пусти, пусти, моя матушка, пусти обсу-
шиться“.
„Я-бъ пустила тебя, мое дитятко, боюсь го-
сударя;
Ты поди, поди, мое дитятко, во чистое поле,
Что буйнымъ вѣтромъ тебя, дитятко, тамъ
обсушить,
Краснымъ солнышкомъ, мое дитятко, тебя
обогрѣть“.
Что пошелъ я добрый молодецъ, пошелъ, самъ
заплакаль:
„Ужъ возьмись, загоритесь вы, батюшкины
хоромы,
Ужъ ты сгинь, пропади, матушкино подворье!“

94.

Ночи мои темныя,
Вечера осенне.
Ужъ я все нощи просиживаю;
Ужъ я все-то думы передумываю.
Какъ одна дума съ ума нейдетъ:
Кабы были у меня сизы крыльшки,
Еще были-бы у меня золотыя перышки,
Вспорхнулъ бы, вспорхнулъ бы высоко,
Полетѣлъ бы далекохонько,

Я слеталъ бы на свою сторону,
Ужъ я сѣлъ бы на широкій на свой дворъ,
Поглядѣлъ бы, посмотрѣлъ бы я
Что на свой ли на высокъ на теремъ:
Какъ въ томъ-то терему стоять три стола:
За первымъ-то за столомъ родной батюшка
сидитъ,
За другимъ за столикомъ родна матушка,
За третьимъ за столикомъ молода жена
Со малыми-то со дѣтушками.
Ужъ вы дѣти мои, дѣти сирья!
Еще нѣть-то у васъ родна батюшки!

95.

Собирайтесь-ка, братцы, ребятушки,
На квартирушку на мою,
Сокладайтесь-ка, братцы ребятушки,
На полштофчика на вино.
—Какъ у насъ удалыхъ на косушку не достаетъ.
Одинъ мальчикъ выпилъ вина шкальчикъ,
Самъ ко дѣвушкамъ гулять пошелъ,
Къ хороводу мальчикъ подошелъ:
„Прощай, дѣвки, прощай, бабы,
Намъ теперь не надо васъ!
Во солдаты везутъ насъ,
Во солдаты, во рекрутство,
Подъ невольное житье,
Подъ тяжелое ружье“.

Гис. Гр. Ф. Л. Соллогубъ.

Хромо-Лит. И. Д. Сытина и К° въ Москвѣ.

V.

ПѢСНИ СОЛДАТСКИЯ.

Въ войскахъ поются солдатами пѣсни про войны, походы, военачальниковъ. Эти пѣсни слагались въ походахъ солдатами. Но промѣт того поются ими и все народныя пѣсни, которыя удобно пѣть на ходу; таковы: „Не бѣлы снѣги“, „Си-зенькій голубчикъ“, „Здравствуй милая“, „На горѣ валина“, „Молодка“ и много другихъ.

96.

Не бѣлы-то ли снѣги, снѣги въ чистомъ полѣ
забѣлѣлися—

Ахъ, да забѣлѣлися.

Забѣлѣлися мово милаго любезнаго каменны
палаты—

Ахъ, и палаты.

Во палатахъ-то ли стоять, стоять два сто-
лика, столы дубовые—

Ахъ, дубовые!

За столами сидять, сидять два молодчика,
парня молодые—

Ахъ, и молодые!

Во рукахъ они держать, держать перышки,
перья лебедины—

Ахъ, лебедины!

Около нихъ-то ли стоитъ, стоитъ красна дѣ-
вица, сама горько плачетъ—

Ахъ, и горько плачетъ!

Что одинъ-то ли одинъ, одинъ добрый моло-
децъ плакать унимаетъ—

Ахъ, и унимаетъ!
Ты не плачь-ка ли, не плачь, не плачь, крас-
на дѣвица, не плачь, не печалиться—
Ахъ, не печалиться!
Что не быть—то ли не быть твоему дружку
милому, не быть во солдатахъ—
Ахъ, во солдатахъ!
А что быть--то ему быть во донскихъ казакахъ—
Ахъ и во казакахъ.

97.

Эта пѣсня много пѣлась въ Кавказской арміи и потому часто-
называется Кавказскою:

Запѣвало { Сизенѣкій голубчикъ
                  Сидѣль на дубочкѣ.
Хоръ   { Oczy его ясны, брови его черны,
                  Личико его бѣленъко!
Запѣвало { Тутъ летѣла пава,
                  Середь двора пала;
Хоръ   { Она про то знаетъ, она про то
                  вѣдаетъ,
                  Что мой милый дружокъ робить!
Мой миленькій робить,
Самъ по двору ходить;
Мой миленькій робить, самъ по двору
                  ходить,
                  Своего коня сѣдлаетъ!
Осѣдлавши коня,
Коня воронаго,
Осѣдлавши коня, коня воронаго,
Со двора сѣзжаетъ.

Какъ сказала Маша:
„Гдѣ ты, радость наша?“
Шила, вышивала золоты узоры,
Свому милому рубашку.
Плакала рыдала,
Слезы утирала;
Плакала рыдала, слезы утирала
Своей русою косою,
Русою косою
Лентой голубою;
Русою косою, лентой голубою,
Своей правою рукою.

98.

Посѣю лебеду на берегу (2),
Мою крупную разсадушку,
Мою крупную зеленую.

Погорѣла лебеда безъ воды (2),
Моя крупная разсадушка,
Моя крупная зеленая!

Пошлю казака по воду,
Пошлю казака по воду:
Ни воды нѣть, ни казаченька (2).

Какъ бы мнѣ, младѣ, ворона коня,
Какъ бы миѣ, младѣ, ворона коня—
Я бы вольная казачка была,
Я бы вольная молоденъкая.

Скакала, плясала по лугамъ (2),
По зеленымъ лѣсъ-дубравушкамъ (2).

Съ Донскимъ молодымъ казакомъ (2).
Со удалымъ, добрымъ молодцемъ!

Эта пѣсня заимствована солдатами отъ Донцовъ.

99.

Развеселые солдаты, однимъ словомъ молодцы,
И на вѣс слова проворны,
Царю Бѣлому покорны,
Сколь на службѣ ни трудятся
Послѣ службы веселятся.
Солдатъ нужды переносить
За здоровье Бога просить:
Создай, Боже, намъ здоровье,
Командирамъ нашимъ тоже!
Батарейный (эскадронный) командръ
Нашъ полковникъ господинъ,
Онъ не спалъ, не дремалъ,
Баттарею (эскадронъ свой) обучалъ (2)
Для прибытія Царя.
Вдругъ пріѣхалъ нашъ наставникъ
Всей бригады отецъ,
(Здѣсь поется фамилия начальника) молодецъ.
Вдругъ пріѣхалъ Бѣлый Царь
Александръ Государь.
Съ права фланга заѣзжалъ,
Слово ласково сказалъ (2);
Сказалъ Генералу,
Чтобъ приемы показалъ.

Генераль нашъ не сробѣлъ,
Показалъ храбрость, примѣръ;
На средину выѣзжалъ,
Всѣ пріемы показалъ.
Мы пріемы промотали,
Получили честь-хвалу,
Мы съ радости такой
Пошли съ плацу всѣ домой.
Не успѣли мы раздѣться,
Становились въ ротный строй,—
Батарейный командиръ
Яснымъ соколомъ летѣлъ,
Веселиться намъ велѣлъ:
Веселитесь, ребята,
Пока волюшка дана;
Когда волюшки не станетъ,
Веселиться перестанемъ.

100.*)

Шли солдатушки слободой,
Манять дѣвушекъ за собой;
„Вы пойдемте-ка, дѣвушки, съ нами,
Съ нами добрыми молодцами
Не далече, до Казани:
Во Казани-то жить привольно,
Жить привольно, гулять охотно.
У насъ денежекъ предовольно;
У насъ домики пребогаты,—

---

^{*}) Эта же пѣсня начинается такъ: „Соловей кукушку подговаривалъ“ и относится ко времени покоренія Казани Царемъ Иоанномъ Грознымъ.

Бѣлокаменныя стоять палаты;
Межъ домами-то течеть рѣчка,
Течеть рѣченъка медовая,
По ней струечка золотая!“
Что за рѣченъкой стояль кустикъ
Стоялъ кустикъ, кустъ ракитовый;
На кусточекъ соловейко;
Соловьюшко сидѣть, громко свищетъ,
Громко свищетъ онъ, воспѣваетъ,
Красныхъ дѣвушекъ унимаетъ:
„Не сдавайтесь вы, дѣвки красныя,
На солдатскія на обманки:
У солдатушекъ домы—горы,
Домы—горы каменисты,
Межъ домами-то течеть рѣчка,
Течеть рѣченъка да кровяная;
По ней струечка слезная“.

101.

Цѣснѧ временъ Петра Великаго про Шведскій походъ.

По дороженькѣ по Московскѣй
Шли-прошли три полка солдатъ,
Три полка солдатъ, молодыхъ ребяты.
Впереди-то идутъ—въ барабаны бьютъ;
За ними-то идутъ со знаменемъ;
А во всемъ полку артикуль мечутъ.
Замкѣ крѣпко бьютъ, ружьица свѣтлѣютъ;
Замки взбрѣкали, солдаты всплакали:
„Гдѣ намъ день дневать, ночь коротать?
Намъ денекъ дневать—во чистомъ полѣ,

Во чистомъ полѣ, подъ яснымъ небомъ:
Ночь коротати—во темномъ лѣсу,
Во темномъ лѣсу, во сыромъ бору;
Намъ постеличка—мать сыра земля,
Намъ изголовьеце—зло корѣньеце,
Умывальнице—частый-мелкій дождь,
Утираньеце—шелкова трава!“
Позади полка идутъ—коня ведутъ,
Лошадь добрую, сизогривую:
На конѣ сидитъ самъ полковничекъ,
Самъ полковничекъ—Шереметевъ Графъ.
Во рукахъ держить саблю вострую,
Во устахъ держить рѣчъ хорошую:
„Сряжается мой батюшка изъ Москвы въ
походъ,
Какъ во ту ли землю Шведскую, за границу
Государеву;
Меня, добра молодца, съ собой беретъ:
Не хотѣлось мнѣ добру молодцу изъ Москвы
идти;
Хотѣлось мнѣ добру молодцу, при Москвѣ
пожить,
При Москвѣ пожить, во дворцѣ служить,
Московскимъ чудоторцамъ помолиться.
Остался у доброго молодца сиръ зеленый садъ;
Во садикѣ остался три деревца:
Первое дерево—кипарисовое,
Другое деревцо—яблонь кудрявая,
Третье деревцо остается—груша зеленая.
Кипарисъ ростеть—родной батюшка,
Яблонь кудрявая—Богоданная матушка,
Груша зеленая остается—молода жена.

Отъ того мнѣ-ка не хотѣлось изъ Москвы
идти,

А хотѣлось мнѣ при Москвѣ пожить,
При Москвѣ побыть, при дворцѣ служить,
Чудотворцамъ Московскимъ поклонятыся,
Отца роднаго на старости печаловать,
За матерью въ немогутъ ухаживать,
Молодой женой любоватися!“

102.

Пѣсня про знаменитую Полтавскую битву 27 іюня 1709 года,
когда русскія войска подъ предводительствомъ самого Царя
Петра Великаго разбили на голову дотолѣ непобѣдимыхъ
Шведовъ.

Въ тысяча семьсотъ первомъ году,
Во мѣсяцѣ было во іюль,
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣстки, ни граматки съ Руси нѣту!
Въ три годочки перепала скоро вѣстка:
Что отцовъ и матерей въ живыхъ нѣту;
Молодыя жены замужъ вышли,
Малы дѣточки ходятъ—сиротають.
Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?

Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Пол-
тавой

Туть постояль-стояль король Шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
— „Ахъ ты, батюшка, король земли Шведской!
Колько подъ городомъ ни стояти,
Намъ Полтавы города не взяти:

Во Полтавѣ есть Московская пѣхота.
Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
Онъ со конницей со драгунами,
Съ регулярной силой, со пѣхотой“.

Онъ походъ держитъ на землю Шведску,
Походъ держитъ подъ праву руку,
Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
Не дошѣдъ Красной Мызы становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ испостроилъ.
Пушки-мартирушки изоставилъ.
„Ахъ вы гой еси, мои генералы,
Храбрые мои кавалеры!
На службѣ кавалеры не бывали,
Пушечнаго грома не слыхали?“
„Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
Что изъ славнаго города изъ Пскова
Подымается царевъ Большой Бояринъ,
Князь Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
Походъ держитъ во Шведскую землю“.
Не дошелъ Красной Мызы, становился,
Напередъ казаковъ разсылаетъ.
Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
Наѣзжаютъ на Шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили,
Много Шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большаго Маіора,
Шереметевъ взялъ Маіорушка въ допросы:
— Ты скажи-ка, Маіоръ, Божью правду,
По крестному Божему цѣлованью:
Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
Гдѣ стоитъ благодеръ вашъ?
Много ли у васъ силы у генерала?

Много ли у васъ силы у благодера?
Много ли силы за самимъ королемъ?
— „У генерала у насъ силы тридцать тысячъ,
У благодера силы сорокъ тысячъ,
А съ самимъ королемъ смѣты нѣтъ“.
— Врешь, Маиръ, врешь, плутуешь!
Я этого не боюся,
Въ Псковъ назадъ не вернуся.
Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати,
Ко этой рѣкѣ ко Момжѣ,
Чтобъ король не догадался,
За Москву рѣку не перебрался.
А король догадался,
За Москву рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погнался,
Состигаля короля средь поля,
Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой.
Подымалась Полтавска бatalia.
Запалить Шведская сила
Изъ большаго снаряда изъ пушки;
Запалить Московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснокъ разсыпался—
Смѣшалася Шведская сила;
Распахана Шведская пашня,
Распахана солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронена Шведская пашня
Солдатскими руками;

Посъяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

103.

Въ этой пѣснѣ поется вообще о походахъ.

Въ селѣ-селѣ во Верейскомъ,
Тутъ расписанныя квартирушки,
Разоставленныя солдатушки,
Что солдатушки полку Преображенского,
Полку Преображенского, роты первыя.
Что любили-то солдатушки
Во селѣ гулять съ красными дѣвками,
Съ красными дѣвками со Верейскими,
Съ молодками деревенскими.

Имъ со вечера приказъ отданъ былъ—
Со полуночи ружья чистили,
Ко бѣлѣ свѣту во строю стоятъ;
Во строю стоять, во походъ итти.
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
Маиръ стоитъ посреди полку,
Младъ полковничекъ на конѣ ъздить,
На конѣ ъздить по всей арміи.
Капитанъ скричалъ: „На плечо ружья!“
Маиръ скричалъ: „Во ремни ружья!“
Младъ полковничекъ: „Во походъ пошли!“
Во походъ пошли, ружья сбрякали,
Ружья сбрякали, дѣвки сплакали:
„Вы прощайте, наши любезные!“

Изъ-за горъ-то горъ изъ-за высокихъ,
Изъ-за лѣсу-то лѣсу темяного
Не бѣла заря знаменуется,
Не красно солнце выкаталося:
Выходила тутъ сила армія,
Сила армія Царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Петра Великаго.
Напередъ несутъ знамя царское,
А подъ знамечкомъ молодой сержантъ—
Молодой сержантъ, генеральскій сынъ.

Онъ не пьянъ идетъ—шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцомъ съ матерью онъ прощается;
Съ молодой женой не прощается
Отъ нея спозналъ чужу сторону:
„На чужой-то мнѣ сторонушкѣ
Положить будеть головушку,
Не видать-то мнѣ отца и мать
Не видать-то весь и родъ-племя!“

104.

Не сонъ меня клонить, не дремота долить:
Сыпить-валить кручина добра молодца,
Стоючи на караулѣ государевомъ,
Смотрючи, братцы, на Азовъ-городъ,
Что на тѣ ли на раскаты на широкіе,
Что на тѣ ли на стѣны на турецкія.
Какъ со вечера солдатамъ приказъ отданъ
былъ,
Чтобы ружья были чисты и кремни остры,
Палази отпущены, пгтыки примкнуты,

Чтобы перевязи-португей были навохрены,
Манишки-рубашки и щиблеты были бѣлые;
Что за єутра намъ, солдатамъ, на приступъ идти
Съ генераломъ Левашевымъ и Фельдмарша-
ломъ,

Съ любимыми полками—со пѣхотою,
Съ бѣлокаменной стѣною—съ гренадерами,
Со большими лбами—со Калмыками
Съ широкими бородами—со казаками.

105.

Пишеть-пишеть король Шведскій свое гроз-
ное письмо,

Свое грозное письмо къ Государынѣ нашей
въ Синодъ:

„Ты, Россійская Государыня, замиримся мы
съ тобой!

Замиреньице положимъ на трехъ славныхъ
городахъ:

Отдай Ригу, отдай Ревель, отдай славный
городъ Коронштать.

Не отдашь ты мнѣ этихъ городочковъ, я не
честію возьму,

Я не честію возьму, батальцу сочиню,
Батальцу сочиню, Петербургъ съ Москвой
возьму:

Я въ Питерѣ переднюю, въ Москву приду
ночевать.

Распиши-ка ты мнѣ квартирушки по всей ка-
менной Москвѣ:

Моимъ славнымъ бригадирамъ по господскимъ
домамъ,
Моимъ славнымъ всѣмъ солдатушкамъ по всей
каменной Москвѣ;
Вотъ и мнѣ ли, королю Шведскому, въ госу-
даревомъ дворцѣ!“

Испугалася, оробѣла государыня наша,
Закричала же государыня громкимъ голосомъ
своимъ:

— Охъ вы гой еси, мои слуги, слуги вѣрные
мои!

Вы подите приведите Суворова графа ко мнѣ!
Вотъ приходитъ графъ Суворовъ къ государынѣ
самой:

„Ужъ ты гой еси, государыня, не страшися
ничего!

У насъ есть чѣмъ принять, есть чѣмъ потчи-
вать его:

У насъ есть ли пироги—они въ Тулѣ печены;
Они въ Тулѣ печены, въ Москвѣ макомъ чи-
нены;

У насъ есть ли сухари—они въ Тулѣ крошены;
Они въ Тулѣ крошены, въ Москвѣ высушены.
Еще есть ли у насъ похлебочка—у солдата на
бедрѣ;

У солдата на бедрѣ, да что на лѣвой сторонѣ“.

106.

По Московской по широкой по дороженькѣ
Не ковыль трава братцы зашаталася,
Не алѣ цвѣты, братцы развивалися:
Зашаталася тутъ сильная армія,

Сильна армія Царя Бѣлаго,
Идучи братцы въ землю Прусскую,
На чужу дальню на сторонушку,
На чужу дальню незнакомую.
Раздувалися знамёны бѣлые;
Напередъ идутъ новокорпусы,
Впереди везутъ артиллерію,
Позади ёдетъ сильна конница,
Славна конница кирасирская.
Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ принапудрены.
Что одинъ изъ нихъ не весель идетъ,
Не весель идетъ, призадумавшись;
Что за нимъ идетъ красна дѣвица:
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ключи кипятъ.
Ужъ какъ взговорить удалый добрый молодецъ:
„Ты не плачь, не плачь, красна дѣвица,
Не слези лица румянаго,
Не взыхай, моя разумная!
Не одной-то вѣдь тебѣ тошно—
И мнѣ молодцу грустнехонько:
Что иду-то я на чужую сторону,
На чужу-дальнюю незнакомую,
Что на службу я государеву“.

107.

Вы солдатушки военны, командиры наши
вѣрны,
Полковнички-адъютанты, гдѣ вы были побы-
вали?

— Мы во Пруссіи стояли, много горя принимали;
Много горя принимали: во рукахъ ружья держали,
Крѣпко къ сердцу прижимали и патроны вынимали,
Мы заряды заряжали, шомполами прибивали,
Въ чисто поле выступали въ непріятеля стрѣляли.
И мы начали стрѣлять,—а Французъ отъ насть бѣжать.
Кои въ поле, кои въ лѣсъ, побрасались въ рѣку внизъ.
И мы билися-рубилися ровно суточки,
На вторыя-то на сутки стали тѣла разбирать;
Стали тѣла разбирать, свою армію смекать.
Вы смекнули свою силу, что побито смѣты нѣть:
Что нашли же мы убитыхъ—генераликовъ до трехъ,
Полковничковъ до пяти,—офицеровъ девяти.
Во Россію съ маршемъ шли,—всѣ веселости нашли,
Во Москву городъ вступили—по фатерамъ становили,
По фатерамъ-слободамъ, по купеческимъ домамъ.
Какъ Московскіе купцы, сказать право, что глупцы:
Дочерей своихъ скрывали, во чуланы запирали;
Дѣвки плакали рыдали, что солдатъ мало видали;

Подъ оконечкомъ сидѣли, во стеколушко глядѣли,

Во стеколушко глядѣли, да отцовъ своихъ браили:

„Дураки наши отцы, солдатушки молодцы!

Лицо бѣло, глаза сѣры, на поступку идуть смѣло“.

Мы кивнемъ дѣвкѣ бровями: пойдемъ въ лагери за нами—

Поглядишь наши палаты, тамъ премилые солдаты!

108.

Какъ далече-далеконъко во чистомъ полѣ,

Еще того подалѣ во раздолыицѣ,

Какъ не бѣлая березынька къ землѣ клонится,

Не бумажныя листочки раздуваются,

Не шоковая ковыль-травынька разстилается:

Еще стелется-разстилается полынь горькая.

Охъ и нѣтъ тебя горчѣе во чистомъ полѣ:

А еще того горчѣе—служба царская!

Что ни день-то, ни ночь намъ солдатушкамъ угомону нѣту:

Темна иоченька приходитъ—

Намъ солдатушкамъ на караулѣ быть;

Бѣль денечекъ наступаетъ—

Намъ солдатушкамъ во строю стоять,

Во строю стоять намъ солдатушкамъ

По ружью держать;

Пристоялися рѣзвы ноженъки ко сырой землѣ,

Придержалися бѣлы рученьки къ строеву ружью,

Приглядѣлися наши глазыньки на часты звѣзды!

109.

Въ этой пѣснѣ поется о турецкой войнѣ, бывшей при Императрицѣ Екатеринѣ II.

Еще кто у насъ, ребята, въ каменной Москвѣ бывалъ,
Въ каменной Москвѣ бывалъ, про визиря кто слыхалъ,
Про того ли про визиря, про Турецкую войну?
Мы подъ городомъ стояли, много горя принимали,
Много горя принимали, стѣну каменну пробивали;
Мы стѣнушку не пробили, только Турка разсердили.
Турки изъ пушекъ запалили, нашихъ дымомъ завалили:
Каково есть красно солнце,—не видать его въ дыму.
Князь Румянцевъ генералъ свою силу утверждалъ,
А Суворовъ подскакалъ ко Донскимъ казакамъ:
„Ой вы братцы, молодцы, вы Донские казаки,
Вы Донские, Гребенские, Запорожски молодцы! Сослужите таку службу, каку я вамъ велю,
Каку я вамъ велю и какую прикажу:
Вы пейте-ка безъ мѣры зеленое вино,
Берите безъ расчету государевой казны!
Не можно ли, ребята, караулы Турски снять?“
„Не велика, сударь, страсть караулы Турски скрасть!“

Тихо ночью подъѣзжали, караулы Турски скрали.

Закидался, забросался самъ Турецкій визирь:
Черзлень рѣку перешель, во постелюшку слегъ.
— Не чаяль своей силушки въ погибели бы-
вать.

А топеря моя силушка побитая лежить,
Вся побитая лежитъ, вся порубленная.
Побили-порубили все Донскіе казаки!
Донскіе, Гребенскіе, Запорожски молодцы!

110.

Вышеприведенная пѣсня вѣроятно была сложена казаками, а вотъ пѣсня чисто солдатская:

Мы Очаковъ штурмомъ брали,
Велій городъ осаждали;
Мы Очаковъ штурмомъ брали
Велій городъ осаждали.
Крѣпкій городъ Измаиль } 2*)
Очень сильно досадилъ.
Мы подъ нимъ долго стояли
Много горя принимали;
Много горя принимали,
Ночи темныя не спали.
Темны ноченьки не спали
Стѣны крѣпки разбивали.
Но стѣны-то не пробили,
Только Туровъ разсердили.

*) Каждый куплетъ повторяется два раза.

То намъ Турки не сдались:
Очень сильно мы дрались.
Остра сабля и кинжалъ—
Насъ никто не испужалъ.
Мы по лѣстницамъ полѣзли,
Ну и Турки всѣ исчезли.
За Дунай пошли гулять,
Мы Суворова искать.
Какъ Суворова найдемъ,
Города всѣ заберемъ;
Города всѣ заберемъ
И пашей всѣхъ въ плѣнъ возьмемъ.

111.

Поле чистое Турецкое
Все раздольице широкое,
Все раздольице широкое,
Все раздольице широкое;
А мы когда тебя, полѣ, пройдемъ,
А мы когда тебя, полѣ, пройдемъ,
Когда, чистое, перевалимся,
Всѣ бугры твои дороженьки,
Всѣ бугры твои дороженьки,
Всѣ мѣста славныя прекрасныя.
На томъ полѣ, на томъ чистоемъ
Мы сойдемся съ непріятелемъ,
Со такой ордой невѣрною,
Со такой ордой невѣрною,
На турецкій большой праздникъ;
На турецкій большой праздникъ,
Во несчастный день, во середу.

Злые Турки соѣзжалися,
Вина пьяны напивались;
Вина пьяны напивались,
Россеюшкой восхвалялися:
„Мы Россеюшку насквозь пройдемъ,
Каменную стѣну копьемъ пробьемъ,
Графъ Паскевича въ полонъ возьмемъ;
Графъ Паскевича въ полонъ возьмемъ“!

Графъ Паскевичъ возговаривалъ,
Солдатушкамъ выговариваль:
„Вы не бойтесь-ка, ребятушки,
Наши храбрые солдатушки;
Наши храбрые солдатушки,
Послужите вы Царю Бѣлому,
Царю Бѣлому,
Александру Благовѣрному *).

112.

Пѣсня про Потемкина, полководца Екатерины II.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не спѣши зима съ морозами,
Не защита вы Очакову,
Не спасенье врагамъ нашимъ!
Сыны храбрые Россійскіе,—
Въ нихъ сердца горятъ любовію
Ко премудрой своей матери
И ко храброму начальнику.
Какъ возговорить Потемкинъ князь:

---

*) Позднѣйшая прибавка.

„Охъ вы, дѣтушки-солдатушки,
Сыны храбрые Россійскіе!
Побѣдимъ врага невѣрнаго.
Намъ пришла пора сорвать луну
Со съ окоповъ бѣлокаменныхъ,
Разметать башни турецкія!“
Не успѣлъ онъ слово вымолвить,—
Повалились башни гордыя,
Полилась рѣкой кровь турецкая.
Гдѣ бунчукъ стоялъ,
Тутъ штандартъ блеститъ;
Сераскиръ упалъ предъ Потемкинымъ.
Преклоняючи свою голову,
Умоляючи жизнь янычарамъ.
Какъ возговоритъ Потемкинъ князь:
„Не тебѣ, царю воевать съ нами!“

113.

Ужъ какъ нутка, кавалеры,
Расположимъ свои мѣры,
Про Мачинъ пѣсню сложить
И побѣду подтвердить.
Князь Рѣпнинъ повелѣваетъ,
За Дунай переправляеть
И кареи *) учредилъ,
Генераламъ поручилъ;
Онъ тѣмъ планъ свой объявляетъ,
Во баталію вступаетъ.
Визирь съ войскомъ нась встрѣчаль,
Туркамъ онъ „Алла“ кричаль;

*) Карея (карре)—четырехъ-угольный строй лицомъ на всѣ четыре стороны.

Въ дракѣ же стоялъ упорно,
Защищаясь проворно.
Турки были храбродушны,
Визирю во всемъ послушны;
Штыкъ Голицына сверкаетъ,
Турокъ смѣлыхъ поражаетъ;
Что ихъ каменные горы?
Нѣтъ Кутузову упоры!
Визирь видя ослабленье,
Насыпаетъ повелѣнье,
Чтобы музыка играла,
Собой Турокъ ободряла.
Турки вновь тутъ укрѣпились
И на сабляхъ всѣ пустились:
Дерзость ихъ Рѣпнинъ замѣтилъ,
Князь Волконскій тотчасъ встрѣтилъ,
Двумъ кареямъ закричалъ:
„Стой, разгнайся“, и наступалъ.
Съ ними въ гору поспѣшаетъ,
Себя словно отличаетъ.
Рибасъ ловить ихъ на уду
И кидаетъ въ одну груду.
А визирь не унываетъ,
Только свѣжихъ подсыпаетъ.
Всѣ кареи подвигались,
Крѣпко съ Турками сражались:
Турки билися упорно,
Мы кололи ихъ задорно.
Изъ Браилова десантъ
Вздумалъ тутъ же помочь.
Три кареи отправлялись,
Со десятомъ тѣ сражались.

Что вступили во сраженье,
Такъ пошло вдругъ пораженье:
Ихъ три судна потопили,
А другіе въ прахъ разбили.
Турки жару не стерпѣли.
Ну бѣжать, куда успѣли;
Во Дунай стали бросаться,
Чтобы тѣмъ отъ насъ спасаться.
Турки шесть часовъ стояли
И надежду потеряли:
Своего пашу кидаютъ,
Съ поля лыжи навостряютъ.
Князь Волконскій поспѣшаетъ,
Лагерь Турской занимаетъ:
Ставки, пушки забираеть
И добычу раздѣляетъ.
Такъ побѣду одержали
И „ура“ мы закричали.
День, пресчастливый сынамъ,
Еще радостнѣй быль намъ!
Пусть въ томъ всякий разсуждаетъ,
Какъ Россія и обѣждаетъ:
Да никакъ это не дико—
Ослушаніе велико.
Командиры наши хваты,
Да и сами мы, ребяты—
Въ насъ къ Отечеству любовь.
Мы прольемъ до капли кровь!
Что жъ теперя затѣвать?
Станемъ-ка вѣнки свивать.
Мы ихъ множество навьемъ
Командирамъ разнесемъ,

Рѣпнину жъ князю вѣнецъ
Сработаемъ изъ сердечъ!
Его славныя дѣла!
Закричимъ ему „ура!“

114.

Пѣсня про Полтавскій бой, сочиненная Молчановыемъ.

Было дѣло подъ Полтавой,
Дѣло славное, друзья:
Мы дрались тогда со Шведомъ
Подъ знамёнами Петра.
Нашъ могучій Императоръ
(Память вѣчная ему)
Самъ, родимый, предъ полками
Словно соколь онъ леталъ,
Самъ ружьемъ солдатскимъ правилъ,
Самъ и пушку заряжалъ.
Бой горѣлъ. Герой Полтавы,
Нашъ державный великанъ
Ужъ не разъ грозою грянулъ
На могучій, вражій станъ.
Пули облакомъ неслися,
Кровь горячая лилась.
Вдругъ одна злодѣйка пуля
Въ шляпу царскую впилась.
Видно Шведы промахнулись:
Императоръ усидѣлъ,
Шляпу снялъ, перекрестился,
Въ битву снова полетѣлъ.
Много Шведовъ, много Русскихъ

Подъ Полтавою легло.
Вдругъ еще злодѣйка пуля
Въ его царское сѣдло.
Не смущился Императоръ:
Взоръ какъ молнія блисталъ;
Конь не дрогнулъ отъ удара,
Но быстрѣе поскакалъ.
И какъ разъ и третья пуля
Повстрѣчалася съ Петромъ:
Прямо въ грудь ему летѣла
И ударилась какъ громъ.
На груди его высокой
Чудотворный крестъ сіялъ.
Пуля съ визгомъ отскочила
Отъ чудеснаго креста,
И спасенный побѣдитель
Славилъ Господа Христа.
Было дѣло подъ Полтавой,
Сотни лѣтъ еще пройдутъ:
Эти царскія три пули
Въ сердцахъ Русскихъ не умрутъ.

115.

Гренадеры молодцы,
Други, братья, удалцы!
Ой калина, ой малина!
Станемъ, братцы, въ круговую,
Грянемъ пѣсню удалую.
Грянемъ пѣсню въ добрый часъ,
Благо хлѣбъ-солъ есть у насть!
Запоемъ мы прытко-хватко

Про житье бытье солдатско.
Что подъ дождичкомъ трава,
То солдатска голова:
Весело цвѣтеть, не вянеть,
Службу царску бойко тянетъ.
Жизнь мужицкая прости,
Рады службу мы нести;
По позыву иль по волѣ,
Умереть готовы въ полѣ.
Въ комъ хоть мало есть ума,
Не страшна тому судьба:
Онъ ружье, патронникъ, лямку,
Какъ ребенокъ любить мамку.
А бывало, братцы, встарь,
Хоть дубиной приударь,
Ни изъ чести, ни изъ платы,
Не пойдетъ мужикъ въ солдаты.
Пальцы рубить, зубы рвать,
Въ службу царскую нейдетъ.
А когда служить сберется,
То какъ съ жизнью разстается,
Тамъ жена, и братъ, и сватъ,
Гришка, Сидоръ и Кондратъ
Какъ по мертвомъ зарыдаютъ,
До кружала провожаютъ,
Всей деревней заревутъ:
„Ваньку въ рѣкруты даютъ!“
Ахъ, прости на вѣки, Ваня:
Вотъ ужо тѣ будетъ бания!“
А теперь чего тужить?
Какъ съ охотой не служить?
Слава Богу: есть отставка,

По два рублика прибавка.
Ой, спасибо, наша Мать!
Рады въ полѣ умирать,
Жизнь солдатска, какъ забава,
Польза, счастье намъ и слава!

116.

Долго-ли снѣжочкамъ во чистомъ полѣ лежать,
Долго-ли солдатушкамъ горе горевать?
Оставимъ тоску - печаль во темныхъ во лѣсахъ,
Станемъ привыкать ко Турецкимъ ко стра-
намъ.
Забывай, солдатушки, отца, мать, жену,
Вспомните, служивые, тесакъ, ружье, суму!
Плащъ, кафтанъ съ камзоломъ намъ не надо
скидавать,
Стоя въ караулѣ, намъ не надобно дремать.
Съ дѣвками, съ молодками полно намъ гулять,
Мягкія перинушки пора намъ забывать.
Чортъ возьми того, кто не хвалитъ его,
Солдатско житье, право, лучше всего!
Ходя наѣдимся, стоя выспимся,
Поутру слезами умоемся,
Утремся полой, Богу помолимся:
Дай, Воже, солдатушкамъ пожить, да послу-
жить,
На чужой сторонушкѣ головки положить!
Есть у насъ, братцы, мука и крупа;
Хлѣбовъ напечемъ, еще каши наваримъ,

Сложимся по денежкѣ, да купимъ мы винца,
Выпьемъ мы по чаркѣ, позавтракаемъ,
Выпьемъ по другой, разгуляемся,
Выпьемъ мы по третьей, сами пѣсни запоемъ.
Трахъ, трахъ, трахъ, тарапушечки!
Гдѣ наши дѣвочки прежни душечки,
Душечки красны дѣвушки.

117.

Пѣсня про Румянцова, полководца при Императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ одержалъ надъ Турками блестящую победу при Ларги и потомъ при Кагулѣ.

Намъ нельзя того оставить,
Чтобъ Румянцова не славить.
Графъ Румянцовъ намъ отецъ;
Мы сплетемъ ему вѣнецъ
Изъ своихъ, братцы, сердецъ.
Пѣсню нову запоемъ,
Какъ въ лагерь мы живемъ,
Провіантъ мы получаемъ
И ни въ чемъ нужды не знаемъ.
Близъ Дуная мы стоимъ
И безъ страсти говоримъ;
Той надеждой обольстимся,
Что мы Турокъ не боимся.
Какъ Бендеры штурмомъ взяли,
Крымъ съ покорностью отдали;
И Фокшаны и Браилъ
Взяли такъ, какъ Измаиль.
Букаресть, Журжа, Килія—
Тамъ баталья была сильна.
Графъ Румянцовъ генералъ

По арміи разъѣзжалъ,
Турокъ съ шанцовъ выгонялъ,
Гренадерамъ подтверждалъ:
Гренадеры! вы не бойтесь,
Поскорѣе фрунтомъ стройтесь;
Я велю васъ подкрѣпить,
И изъ пушекъ выстрѣлить.
Канонеры, бамбондеры,
Знаютъ разные примѣры,
Когда время имъ стрѣлять
И когда пообождать;
Полковники во строю
Наблюдаютъ честь свою,
Приказъ главный исполняютъ,
Вамъ солдатамъ подтверждаютъ:
Вы, солдатушки военны!
На васъ все значки почтены,
Заслужили честь отмѣнну,
Удивили всю вселенну.

118.

Пѣсня про нашествіе Наполеона на Москву.

Ночь темна была и не мѣсячна,
Рать скучна была и не радостна;
Всѣ солдатушки призадумались,
Призадумавшись, горько всплакали.
Велико чудо совершилося:
У солдатъ слезы градомъ сыпались;
Не лята змѣя кровожадная
Грудь сосала ихъ богатырскую:
Что тоска грызла ретивы сердца,

Ретивы сердца молодецкія;
Не отцовъ родныхъ оплакивали,
И не женъ младыхъ, и не дѣтушекъ:
Какъ оплакивали родимую,
Мать родимую, мать кормилицу,
Златоглавую Москву милую,
Разоренную Бонапартіемъ.
Но не долго же они плакали:
Тутъ какъ вдругъ они встрепенулися,
Словно вихрь, орлы взоръ окинули
Во всѣ стороны и воскликнули
Всѣ въ одинъ голосъ, какъ въ злату трубу:
„Молодцы братцы! удалы друзья!
Неизмѣнныя чада Русскія!
Что дадимъ братцы, клятву кровную,
Клятву кровную, задушевную:
Чтобъ не взвидѣть намъ ни домовъ своихъ,
Ни отцовъ родныхъ, ни младыхъ намъ женъ,
Малыхъ дѣтушекъ, роду-племени,
Ни самой души, красной дѣвушки,
Не побивъ силы Бонапартовой,
Не отмстивъ врагу за родну Москву.
Отсѣчемъ ему мы возвратный путь,
И мы примемся по старинному,
По старинному, по Суворовски,
Закричимъ ура! и пойдемъ впередъ,
На штыкахъ пройдемъ силы вражія,
Перебьемъ мы ихъ, переколемъ всѣхъ:
Кто пятокъ убьетъ, кто десяточекъ,
А лютой боецъ до пятнадцати;
Не дадимъ, друзья, лята промаху,
Постараемся вѣй, ребятушки,

Чтобы самъ злодѣй на штыкѣ погибъ,
Чтобъ вея рать его костьми легла,
Ни одна-бѣ душа невѣрная
Не пришла назадъ въ свою родину;
А народы всѣ матерой земли
Чтобъ повѣдали, каково идти
Со оружіемъ во святую Русь.
И тогда, братцы! закричимъ, друзья:
Еще дай, Боже, сто лѣтъ царствовать
Александру Царю на бѣломъ свѣтѣ!

119.

Не въ лузахъ-то вода полная разливалася:
Тридцать три кораблика во походъ пошли,
Съ дорогими со припасами—свинцомъ-поро-
хомъ.

Французскій король Царю Бѣлому отсылается:
„Припаси-ка ты мнѣ квартиръ - квартиръ,
ровно сорокъ тысячъ,
Самому мнѣ, королю, бѣлыя палатушки“.
На это нашъ православный царь призаду-
мался,
Его царская персонушка перемѣнилась;
Передъ нимъ стоялъ генералушка самъ Ку-
тузовъ;
Ужъ онъ рѣчъ-то говорилъ генералушка,
Словно какъ въ трубу трубилъ:
„Не пужайся ты, нашъ батюшка, православ-
ный царь!

А мы встрѣтимъ злодѣя середи пути,
Середи пути, на своей земли;
А мы столики поставимъ ему—пушки мѣдныя,

А мы скатерти ему постелемъ—вольны пули,
На закусочку поставимъ—каленыхъ картечъ,—
Угощать его будутъ—канонерушки,
Провожать его будутъ всѣ казачушки“.

120.

Походъ Наполеона.

Разорёна путь дороженька
Отъ Можайска до Москвы:
Ужъ и кто эту дорожку
Кто дорожку разорилъ?
Разорилъ-то путь дорожку
Непріятель воръ-Французъ.
Разоримши путь-дорожку,
Въ свою землю жить пошелъ;
Въ свою землю жить пошелъ,
Ко Парижу подошелъ;
Не дошедши до Парижа,
Сталъ хвалиться Парижомъ.
Ты Парижъ мой, Парижъ,
Парижъ, славный городокъ,
Нѣту лучше, нѣту краше
Во всемъ свѣтѣ тебя.
Не хвались-ка, воръ Французъ,
Своимъ славнымъ Парижомъ!
Какъ у насъ ли во Россіи
Есть получше Парижѣ:
Есть получше, есть покраше
Не великъ городъ—Москва,
Не великъ городъ—Москва:
Москва чисто убрана;
Москва чисто убрана,

Дикаречкомъ выстлана;
Дикимъ камнемъ выстлана,
Желтымъ пескомъ сыпана;
Желтымъ пескомъ сыпана.

121.

Полно, полно намъ, братцы, крушиться;
Перестанемъ тосковать;
Лучше будемъ, братцы, веселиться,
Съ горя пѣсню запоемъ.
Запоемъ мы съ горя пѣсню
Про солдатское житье;
Про солдатское, братцы, житье,
Про походы про свои;
Про солдатское, братцы, житье,
Про походы про свои.
Немножко мы, братцы, прошли,
Много побитыми нашли.
Офицеровъ, братцы, до пяти,
Полковничковъ—десяти;
Полковничковъ—десяти,
Генераловъ—двадцати.
Насъ на горку, братцы, выводили,
Во шеренгу становили;
На вѣсѣ стороны Богу молились,
Съ отцомъ, съ матерью простились;
На вѣсѣ стороны Богу молились,
Съ отцомъ, съ матерью простились.
Воинъ, воинъ Константинъ
По армїи проѣзжалъ;
Воинъ, воинъ Константинъ
По армїи проѣзжалъ,

Намъ приказы отдавалъ:
Бейте, братцы, не робѣйте!
—Рады, рады воевать,
За тебя кровь проливать!

122.

Во двѣнадцатомъ году
Объявилъ Французъ войну!
    То-то любо, любо да люли,
    Объявилъ Французъ войну!
На матушку на Москву,
На всю Россіюшку!
    То-то любо, любо да люли,
    На всю Россіюшку!
Ужъ ты, матушка наша Россія,
Всему міру голова!
    То-то любо, любо да люли,
    Всему міру голова!
Торжествуетъ наша матушка Россія,
Александринъ громъ гремитъ.
    То-то любо, любо да люли!

Александръ сидить на тронѣ,
Въ рукахъ держитъ вострый мечъ.
    То-то любо, любо да люли и т. д.

Александра-тъ нашъ отецъ,
Мы совьемъ ему вѣнецъ,
Отъ своихъ кровныхъ сердецъ.
    То-то любо, любо да люли!

На головушку надѣнемъ,
Нову пѣсню запоемъ.
То-то любо, любо да люли!

Во каретушку посадимъ,
Дадимъ ему вострый мечъ.
То-то любо, любо да люли!

На всѣ стороны мечомъ бросаетъ,
Онъ страшаетъ всѣхъ враговъ (2)
И Ноляковъ дураковъ.

То-то любо, любо да люли!

123.

Похвалялся воръ-Французъ
Всю Россію разорить:
„Разарѣмши Россіюшку,
Къ быстрой рѣчкѣ подойду!“
Подошедши къ быстрой рѣчкѣ,
Сталъ хвалиться табуномъ:
„Запружу я рѣчку Березу
Своимъ польскимъ табуномъ;
Запруженши рѣчку Березу,
Словно по мосту пройду,
Самъ на-отстань прочь пройду,
Къ Государю подойду:
Государь ты, князь,
Главный императоръ нашъ,
Александръ Бѣлой пары!“
Во Смоленскомъ городи
Стояли по колѣнь въ крови.
Сухаревъ намъ, хлѣба выдавали,

Платья всякаго спущали:
„Надѣвайте, русскіе солдаты,
Цвѣтно платье на себя!“
Да не полно-ль вамъ, солдаты,
Во невѣрной землѣ жить?
Не пора-ли вамъ, солдаты,
Во Россію выходить?
Мы снѣгами шли въ колѣна,
Показались три версты;
По полѣну дровъ напшли,
Находили по полѣну дровъ,—
Со всей радостью беремъ,
Огонечекъ разведемъ,
Нову моду заведемъ:
Изъ соломы строить домъ,
Утѣшенье было бъ въ немъ.

124.

Какъ повыше было Смоленска-города,
Что пониже было села Краснаго,
Что подъ рощею подъ зеленою,
Подъ березою кудрявою,
На большомъ зеленымъ лугу,
Стоялъ тутъ лагерь русской арміи,
Русской арміи, гвардейскихъ солдатъ.
Призадумавшись сидять, на Смоленскъ го-
родъ глядятъ;
Овладѣли славнымъ городомъ непріятельски
полки,
Ужъ досталось все святое непріятельскимъ
рукамъ.

„Какъ-бы, братцы, намъ приняться Смоленскъ
городъ свободить,
Смоленскъ городъ свободить, непріятеля по-
бить?“

Вдругъ послышалась тревога
У палатки командирской:
Всѣ солдаты встрепенулися,
Ружья взявши, въ ряды становилися.
Какъ и вышелъ предъ войско Волконскій
князь:

„Охъ вы, храбрые солдаты, Государю вѣрные,
Государю вѣрные, командиру послушные!
Мы пойдемъ-ко къ непріятелямъ гостить,
Къ непріятелямъ гостить, Смоленскъ городъ
свободить!“

Какъ пошли-то солдатушки Смоленскъ городъ
свободить,
Смоленскъ городъ свободить, Французовъ вы-
гонять,
Ко Смоленску приступили--они ружья зарядили;
Они ружья зарядили, въ непріятеля палили;
Много били, истребили, остальныхъ-то по-
лонили;
Полонивши ихъ, топили во Березынъкѣ рѣкѣ;
Потопивши, отдыхали на зеленомъ на лугу;
На зеленомъ лугу пѣсни пѣли во кругу.

125.

Пишетъ, пишетъ Султанъ Турецкій царю
Бѣлому,
И хочетъ Султанъ Турецкій Русскую землю
взять:

„Отберу я всю Русскую землю,
Въ кременну Москву стоять пойду,
Поставлю всѣхъ благовѣровъ по кучеческимъ
домамъ,
А самъ я, Турецкій Султанъ, стану въ Ни-
колаевскомъ дворцѣ!“
Затужился-загоревался Александрушка,
И пошелъ въ кручинѣ по кременной Москвѣ,
И сталъ спрашивать нашъ Александрушка
посланца турецкаго, маюрина:
„Ты скажи-скажи, маюринъ, всю правду—
Много ли вашей силушки турецкой собралось?“
— Сорокъ тысячъ баталіоновъ, а эскадроновъ
смѣты нѣтъ“.
Тутъ его царская персонушка съ лица измѣ-
нилася,
Его бѣлые руки и ноги подломилися.
Тутъ Матвѣй Ивановичъ Платовъ приподнялся
И возговорилъ онъ своимъ громкимъ голосомъ:
„Врешь ты, врешь, маюринъ, облыгаешься,
Ты, маюринъ, дюже выхваляешься!
Я вашей силушки не боюся
И во славный Царь-градъ уберуся!
Ты не бойся, нашъ православный царь:
Встрѣчать его пошли grenадерушковъ,
Потчивать его заставь кононерушковъ,
Столь поставь изъ мѣдныхъ пушечекъ,
А скатерти постели—все лафетушки,
Закусочки имъ поставь—мелки пулечки,
А провожать ихъ пошли донскихъ казаковъ!“

126.

Генералъ Платовъ былъ известный начальникъ казаковъ въ 12-мъ году, во время нашествія на Россію Наполеона.

Ужъ ты, матушка моя, Россія *)!
Много нужды принялъ,
Много нужды, много страсти—
Не возможно вспомянуть!
Нашъ Платовъ генералъ
По всей арміи гуляль,
Ко Французамъ заѣжалъ.
Французъ Платова встрѣчалъ,
И ворота отворялъ,
Вѣлу скатерь разстилалъ,
За дубовый столъ сажалъ,
Съ ноги на ногу ступалъ,
Рюмку водки наливалъ,
На подносѣ подавалъ:
„Выпей рюмку, выпей двѣ,—
Скажи правду всеё мнѣ!
Всѣхъ въ Россіи знаю я,
Сенаторовъ и господъ,—
Одногого-то я не знаю,—
Платова казака:
Много бы я казны далъ,
Кто бъ Платова указалъ!“
— „Вамъ начто казну терять?
Его такъ можно узнать:
Его лицико бѣленъко,—
Спохоже на мене:

^{*)} Начинаютъ эту пѣсню и такъ:

Ты Россея, мать Россея,

Мать Российской земля!

Далеко-ли, широко-ли

Про тебя слава легла!

Про тебя слава легла,

Про Платова казака.

Русыя кудри—
Какъ на брату на моемъ.“—
У Француза дочь Арина
Таки рѣчи говорила:
„Вы, казаки, вы, казаки,
Вы, донскіе казаки!
Вы подайте, приведите
Его ворона коня;
Онъ и сядеть и поѣдетъ
Во святую свою Русь!
— Ужъ ты, ворона, ворона,
Зашеленный черный грачъ!
Не умѣла ты, ворона,
Во своихъ когтяхъ держать:
Ты уиѣй, ворона,
Во чистомъ полѣ поймать!

127.

Пѣсня про взятие Варшавы.

Ночи темныя, тучи грозныя
По поднебесью идутъ:
Наши храбрые солдаты
Тихимъ маршикомъ идутъ;
Они идутъ, маршируютъ,
Промежъ себя говорять:
„Трудно, трудно намъ, братцы, солдатамъ,—
Намъ Варшаву городъ взять:
Что труднѣй того не будегъ—
Намъ подъ пушки подбѣжать!“
Какъ пріѣхалъ графъ Паскевичъ,
Сорокъ пушекъ заряжалъ;
Закричалъ графъ Паскевичъ

Своимъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ вы бейте, не робѣйте,
Поддаются стѣны намъ!
Распроклятые Поляки,
Покоритеся вы намъ!
Если вы не покоритесь,
Пропадайте, что трава:
Вась порубимъ, посѣчемъ,
Во полонъ съ собой возьмемъ!“

128.

Старинная солдатская пѣсня: въ ней поется о долгой разлукѣ солдата съ своей семьей. (Прежде солдаты служили 30 и 25 л.)

Вы, солдатики уланы,
У васъ лошади бураны!
Ужъ и гдѣ же вы, уланы,
Гдѣ вы были-побывали?
—Подъ Можайскомъ воевали,
Мы Москвою проѣзжали,
Камень мостикъ перѣзжали,
Во слободку заѣзжали,
У вдовушки становились,
Просилися ночевать:
„Ты вдова, вдова Аксинья!
Укрой, вдова, темной ночи,
Пусти, вдова, ночевати,
Ночевати, простояти!
Насъ немножко, не маленько:
Полтораста нась на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ“.
А вдовушка не пущала,
Воротички запирала,

Солдатушкамъ отвѣчала:
„У меня дворикъ маленекъ,
А горенка не величка,
А дѣтушекъ четверичка!
И горенка не топлена,
И щи съ кашей не варены“.
А мы силой ворвалися,
Во горенку вобралися,
Разсѣлися всѣ порядкомъ:
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣль,
Впереди сѣль подъ окошкомъ,
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Ко ретивому сердечку.
Стоитъ она, слезно плачетъ,
А большой гость унимаетъ:
„Не плачь, вдова молодая,
Ты давно-ль, вдова, вдовѣешь,
Давно-ль горько сиротѣешь?“
— Живучи въ горѣ, забыла.—
„Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ?—
— У меня ихъ четверичка:
Три сыночка, одна дочка.—
„Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?“
— У меня хлѣба осьмина.—
„Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?“
— У меня денегъ полтина.—
„Подойди, вдова, поближе,
Поклонися мнѣ пониже.
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ;

Во киверѣ есть нлаточекъ,
Во платочекъ узелочекъ,
Въ узелочекѣ перстенечекъ,
Не твово ли обрученъя?“
Какъ вдовушка догадалась,
И на шеюшку бросалась,
Горючими слезми заливалась;
Во новы сѣни выходила;
Малыхъ дѣтушекъ будила:
„Вы вставайте, мои дѣтки,
Вы вставайте, мои малы!
Не свѣтель-то мѣсяцъ свѣтить,
Не красное солнце грѣеть—
Пришелъ батюшка родимый.“
А большой гость отвѣчаетъ:
„Не буди ты малыхъ дѣточекъ;
Я пришелъ къ вамъ на часочекъ;
Не годъ мнѣ тутъ годовати,
Одну ночку простояти,
Съ бѣлой зарей выступати!“

129.

Пѣсня про бѣгство Наполеона. Голосъ тотъ же, какъ „За горами, за долами“.

Французъ себя прославлялъ,
Много войска набиралъ,
Грозился войной (2).
Онъ войну-то объявлялъ,
Самъ себя-то изнурялъ,
Многимъ былъ царемъ (2).
Онъ царемъ былъ не надолго,
По наслѣдствію престола,
Каково было начало (2).

Онъ евреевъ облагалъ,
Злата, серебра давалъ,

Драться нанималъ (2).

Стаканъ спирту, другой рому,
Для веселаго походу,

Денегъ не жалѣль (2).

Онъ ужъ много крови пролилъ,
А самъ себя удостоилъ—

Въ Россію зашелъ (2).

Онъ въ Россію ворвался,
Къ нашей Москвѣ подбрася,

Въ ней немного жиль (2).

Онъ не много въ Москвѣ жиль,
Изъ ризъ платья понашилъ,

Войско снарядилъ (2).

Ободралъ въ церквахъ иконы,
Понаполнилъ всѣ обозы,

Разжиться хотѣлъ (2).

Всего мѣсяцъ миновался,
По старому одѣвался,

Изъ Москвы бѣжалъ (2).

Безъ портвъ бѣжалъ, безъ шляпы,
Босы ноги, какъ собака,

Радъ бы кто пригрѣлъ (2).

Мушкаторы со штыками,
Гренадеры съ тесаками,

Стали провожать (2).

До Парижа провожали,
Путь дорогу очищали,

Очень хорошо (2).

Ко Парижу подходили,
Французъ рѣчи говорилъ,

Мириться просилъ (2):
Съ нами, съ нами Русскій царь,
Александра Государь,
Давай мирно жить (2).
— „Загоню тебя, злодѣя,
И Француза Палеона,
За твой за Парижъ (2).
Я заставлю тебя злодѣя,
И Француза Палеона
Стадо свиней пасть—
Будешь ты пастухъ (2).

180. •

За высокими горами,
Между быстрыми рѣками,
Ахалцихъ стоитъ.
Вдругъ, несмѣтными толпами,
Съ регулярными полками,
Турокъ къ намъ валить.
Ахалцихъ атаковали,
Штурмомъ взять его мекали,
Заняли Суплисъ,
И султану доносили,
Русскихъ будто бы разбили,
И берутъ Тифлисъ;
Князь Андроникъ съ егерями,
Да съ гурійскими князьями,
Во время поспѣлъ.
Приготовился онъ къ бою,
Взялъ и Виленцевъ съ собою
Да идти велѣлъ.

Тутъ-то пушки заревѣли,
Пули, ядра засвистѣли,
Затряслась гора.
Вдругъ отважно, молодцами,
Наши бросились штыками,
Гаркнули: „Ура!“
Турки дрогнули, бѣжали,
Пушки, ружья побросали,
Еле уплелись.
Всѣ пожитки побросали
И бѣжавши повторяли:
„Вотъ те и Тифлісъ!“

132.

Пѣсня про покореніе Кавказа.

Проходили тихій Донъ,
Гдѣ Шамиль стоялъ съ ордой,
Пройдемъ сады и ливады,
Горы, скалы и лѣса.

Пройдемъ сады и ливады,
Горы, скалы и лѣса,
Вспомнимъ Бога и присягу,
Намъ помогутъ небеса.

Что не съ бритыми башками,
То татарскіе муллы,
Возлѣ берега бѣжали,
По ту сторону Лабы.

Если будете мириться,
То вамъ мѣсто отведемъ

За Кубанью поселиться,
На арканахъ отведемъ.

И Чеченцы-оборванцы,
И Шмеля не защитятъ;
Пули, ядра и картечи
На нихъ роемъ полетятъ.

Сумароковъ генералъ,
Ведеть горцевъ за Кубань,
И съ арбами, и съ дѣтьми,
И съ худыми лошадьми.

На этотъ же напѣвъ на Кавказѣ была сложена еще пѣсня:

Двадцать третьяго апрѣля,
На разсвѣтѣ бѣла дня,
Съ горя пѣсенки запѣли
Про невѣрнаго Шамиля.

Вы, Черкесы, не бранитесь,
Мы вамъ мѣсто поберемъ,
За Кубанью за рѣкой
Мы прошли стажки-дорожки,

Прошли темные лѣса—
Намъ помогутъ небеса!
Мы туда путь пролагали
По деревнямъ, по горамъ,

По деревнямъ, по горамъ.
Гдѣ мы проходили—
Теперь тамъ генералъ
Грицынъ со отрядомъ.

Онъ проводилъ весь отрядъ
По лѣсамъ и по горамъ,
Онъ проводилъ такъ отрядъ,
Чтобы войско не терять.

Генералъ нашъ Ушаковъ
Повелъ Егеревскъ полкъ.
Онъ не любить перестрѣлки,
Прямо ломить на штыки!

Прямо ломить на штыки,
Рано на зорѣ
Соловейко просвисталь,
Намъ дорожку указалъ.

Къ каждому куплету пѣсни припѣвъ хоромъ:

Гремитъ слава трубой,
Мы дралися за Лабой!
По горамъ твоимъ, Кавказъ,
Раздалась слава про нась!

На этотъ же напѣвъ пѣлось много пѣсень въ послѣднюю Ту-
рецкую войну съ припѣвомъ:

Гремить слава трубой,
Мы дрались, Турокъ, съ тобой,
По горамъ твоимъ Балканскимъ
Раздалась слава про нась.

132.

Дѣвъ пѣсни про походъ въ Малую Азію въ 1877 году.

Какъ задумалъ Турукъ скверный
Православныхъ обижать;
Онъ забылся такъ невѣрный,
Что не сталъ насъ уважать.

Нутка, русские солдаты,
Гренадерские полки!
Расколотимъ супостата,
Разнесемъ его въ штыки!

Обожди же, басурманинъ,
Мы набьемъ тебѣ бока:
Не спасеть тя Англичанинъ
Отъ россійского штыка.

Нутка, русские солдаты, и проч..
Но сначала Князь Великій
Имъ туману напустилъ,
А когда пора настала
Онъ ихъ славно угостиль.

Нутка, русские солдаты, и проч..
Октября на трети сутки,
Князь устроилъ Туркамъ балъ,
Вместо музыки, для шутки,
Громъ орудій не смолкалъ.

Нутка, русские солдаты, и проч..
Знать Османамъ угощенье
Не пришлося по нутру,
Семь пашей къ намъ прибѣжали
Съ извиненьемъ поутру.

Нутка, русские солдаты, и проч..
И въ полонъ намъ отдавали,
Тридцать таборовъ въ полонъ,
Сорокъ пушекъ прибавляли,
Чтобъ уважилъ князь поклонъ.

Нутка, русские солдаты, и проч..
Знаменитаго Мухтара—
Здѣсь давно его ужъ нѣтъ,

Онъ умчался съ Авліяра,
И простыль его здѣсь слѣдъ.

Нутка, русскіе солдаты, и проч.
Онъ умчался съ Авліяра,
Какъ узналъ, что здѣсь бѣда;
Остальные гололобы
Разбѣжались кто куда.

Нутка, русскіе солдаты, и проч.
Вѣдь Османамъ въ угощенье
Русскій штыкъ не сахаръ быль:
Онъ оставилъ всѣ высоты
И оружіе сложилъ.

Нутка, русскіе солдаты, и проч.

183.

Изъ Москвы въ походъ собрались
По Рязанской мы помчались.

Славно, ребята, славно Барклаевцы
Браво, браво, молодцы!
Во Ростовъ городъ примчались,
Со Россіюшкой прощались.

Славно, ребята, и проч.
Полетѣли на Кавказъ,
Гдѣ ожидали только нась.

Славно, ребята, и проч.
Когда брали мы Ягны,
Турки фейерверкъ зажгли.

Славно, ребята, и проч.
Сильнымъ встрѣтили огнемъ
Мы полѣзли на проломъ.

Славно, ребята, и проч.

Мы недолго здѣсь бились,
На горѣ вдругъ очутились.

Славно, ребята, и проч.
За горой мы гору брали,
Турокъ какъ овецъ гоняли.

Славно, ребята, и проч.
Къ Карсу Турокъ мы погнали,
Много въ плѣнъ ихъ тутъ забрали.

Славно, ребята, и проч.
Дѣти храбраго Барклай
Добрались до Карса-Чая
Славно, ребята, и проч.
Кругомъ Карсъ мы обложили,
Туркамъ выходъ сторожили.

Славно, ребята, и проч.
Ноября жъ шестаго утромъ
Славный балъ задали Туркамъ.

Славно, ребята, и проч.
Крѣпость Карсъ у нихъ отняли,
А самихъ всѣхъ въ плѣнъ забрали.
Славно, ребята, и проч.

134.

Кавказская весна.

За Гайдакомъ, за рѣкой
Тамъ стрѣлки гуляли,
И всегда готовы въ бой
Горцевъ ожидали.
Припѣвъ: Трай, рай, тра-та-тай,
Горцевъ ожидали. (2).
И Гайдаки тамъ гуляли,

Горцы со значками;
Налетѣли молодцы
Всѣ стрѣлки орлами.

Трай, рай и проч.

Какъ поручикъ намъ сказалъ:
„Становись, ребята!“
Мы ударимъ на штыки
Русскіе солдаты.

Трай, рай и проч.

А полковникъ намъ сказалъ:
„Мы ихъ не дождемся;
А пойдемъ-ка къ нимъ въ аулъ,
Славно подеремся“.

Трай, рай и проч.

Какъ взвизгнула пуля,
Взвизгнула змѣю
И ударила въ плечо
Нашего героя.

Трай, рай и проч.

Закипѣла кровь въ сердцахъ!
Мы платить умѣемъ
За начальниковъ-отцовъ,
Всѣхъ побьемъ злодѣевъ.

Трай, рай и проч.

„Встань, ты, Магъ-Магометъ
Встань, ты, вдоль долины!
Не тебя-ли въ гости ждетъ
Живой лѣсь въ могилу?

Трай, рай и проч.

Въ рукахъ Русскихъ ты помреши
Мы платить умѣемъ,

За начальниковъ отцовъ
Всѣхъ побьемъ злодѣевъ.

Трай, рай и проч.

135.

Шуточная.

Зародилася Доня
Ни ткаха, ни пряха,
Ни чему не умѣха.
Поѣхала Доня
Во торгъ торговати,
Веретена покупати.
Сустрѣлися съ Доней
Четыре солдата:
„Садись-ка, Доня,
Ты съ нами у сани,
Поѣдемъ-ка, Доня,
У нашу казарму!
У нашей казармѣ
Есть всему прозванье:
Курочка—Маша,
Пѣтушокъ—Ромаша,
Кошки—Малашки,
Коты—Николашки,
Утки—Марфутки,
Селезни—Ласутки,
Свиньи—Аксиньи,
Боровья—Васильи,
Овцы—Олѣны,
Бараны—Иваны,
Коровы—Матрёны.
А быки—Хритоны,

Кобылушка лыса—
Зовутъ Василисой
Меренъ соврасый—
Зовутъ его Власомъ.

VI.

СВАДЕБНЫЯ.

136.

Матушка! что въ полѣ пыльно?
Сударыня моя, да и что жъ запылилось?
— „Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ милое мое, кони вороные!“
— Матушка, да и чьи жъ эти кони,
Сударыня моя, да и чьи жъ вороные?
— „Дитятко, Ивановы кони,
Николаевича, кони вороные“.
— Матушка, на дворѣ гости ёдуть!
Сударыня моя, на дворѣ гости ёдуть!
— „Дитятко, не бойсь, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бойсь, не пужайся!“
— Матушка, на крылечко гости идутъ,
Сударыня моя, на крылечко гости идутъ!
— „Дитятко, не бойсь, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не отдамъ въ чужи люди!“
— Матушка, въ нову горницу идутъ,
Сударыня моя, въ горницу идутъ!
— „Дитятко, не бойсь, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бойсь, не выдамъ!“
— Матушка, за столъ садятся,

Сударыня моя, за дубовый садяется!
— „Дитятко, не бойсь, не выдамъ,
Свѣтъ, милое мое, не бойсь, не выдамъ!“
— Матушка, со стѣны образъ снимають,
Матушка, меня благословляютъ!
— „Дитятко, Господь Богъ съ тобою!“

137.

Не разливайся, мой тихій Дунай,
Не заливай зеленый луга!
Во тѣхъ-то лугахъ ходилъ бѣлый олень,
Ходилъ бѣлый олень, золотые рога.
Мимо тутъ ѿхалъ Иванъ господинъ
И ударили оленюшку плетушкой.
Какъ взговорить ему бѣлый олень,
Бѣлый олень, золотые рога:
— „Не бей меня, Иванъ господинъ,
Свѣтъ сударь, Ивановичъ,
Въ нѣкое время пригожусь я тебѣ,—
Станешь жениться—на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу,
Всѣхъ я гостей и бояръ взвеселю;
Больше я всѣхъ Настасью твою,
Больше я всѣхъ Павловну,
Чтобы Настя твоя не плакала,
Павловна твоя не кручинилась“.

138.

Пѣсни, которые поются на говорѣ.

На зарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ,
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,

Рис. Гр. Ф. И. Соллогубъ.

Хромо-Лит. И. Д. Сытина и К° въ Москвѣ.

„Въ нѣкое время пригожусь я тебѣ:
Будешь жениться—на свадьбу приду,
Золотыми рогами весь дворъ освѣщу!“

Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесаль кудри черныя,
Чесаль самъ приговаривалъ:
Завивайтесь, кудри,
Завивайтесь, черныя!
Ужъ какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужъ какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ буду завивати—
Станеть завивати красна дѣвица.
А и матушка родимая,
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
„Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ли мое милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай,
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завываются кудри,
Либо не завываются черныя;
Коли будутъ совѣтъ, да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось, да перекось,
Неразвивши, станутъ развиваться.
Ужъ завываются ли кудри,
Ужъ завываются ли черныя,
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;
Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя,

Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя,
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки“.

139.

Ты стой, верба, стой, развейся!
Ахъ, ранымъ рано!
Ранымъ рано стой развейся!
Душа-ль моя!
Къ нашей вербѣ будуть гости,
Ахъ, ранымъ рано!
Семьсотъ дворянъ, семьсотъ бояръ,
Все большіе.
Станутъ вербу сѣчь, рубити,
Ахъ, ранымъ рано!
Станутъ вербу всѣмъ дѣлiti,
Душа-ль моя!
Обдѣлили свѣтъ Ивана,
Ахъ, ранымъ рано!
Обдѣлили Петровича,
Душа-ль моя!
Приходила къ вербѣ Марья,
Ахъ, ранымъ рано!
Приходила Антоновна,
Душа-ль моя!
Недосталось тебѣ вербы,
Ахъ, ранымъ рано!
Доставалась красавица,
Душа-ль моя!

140.

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ;
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ,
У воротичекъ Настасьюшка стоитъ.
— „Настасьюшка! перейми моего коня!
Павловна! перейми моего добра!“

„Я захочу, сударь, перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я Божья, да батюшкина!“
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго и т. д. (до словъ „Я не твоя
еще сударь“) и кончается:

„Я Божья, да матушкина!“
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ;
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ,
У воротичекъ Настасьюшка стоитъ.
— „Настасьюшка, перейми моего коня!
Павловна! перейми моего добра!“
„Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь Божья, да твоя!“

Поется эта пѣсня и такъ:

Какъ по сырому бору пролегала дороженька,
Дороженька широкая, раскатиста.
По той по дороженькѣ сивогривый конь бѣ-
житъ,
Уздушку срываючи, сѣдельце сбиваючи,
Впереди коня идетъ молодая княгинюшка;
Въ погонъ гонится Иванъ Ивановичъ,
Онъ кричалъ, воскрикивалъ своимъ громкимъ
голосомъ,
Своимъ громкимъ голосомъ, молодецкимъ по-
свистомъ:
— Наталья Павловна, перейми доброго коня!
Не давай узды снимать, не давай сѣдла сби-
вать,
Уздушки тесмяныя, да сѣдельца черкасскаго!“

141.

Не было вѣтру—вдругъ навянуло,
Не ждала гостей, вдругъ наѣхали.
Полонъ дворъ вороныхъ коней,
Полны горницы молодыхъ гостей,
Полны свѣтлицы красныхъ дѣвушекъ.
Обломилися сѣни новыя
Съ частымъ мелкими перерубами;
Раздавили чару золоту,
Упустили соловья изъ саду.
Восплакалась свѣтъ Настасьюшка:
„Свѣтъ-то мои сѣни новыя!
Свѣтъ-то моя чара, чара золота!“

Свѣтъ-то мой соловей изъ саду!
Кто-жъ меня рано будить будетъ,
Рано будить, поздно утѣшать?
— „Да я у тебя соловей на руки,
Я у тебя, Иванъ Ивановичъ!
Я тебя буду рано будить,
Я буду поздно утѣшать!“
Кто-же у насъ умный,
Кто-жъ у насъ разумный?
Иванъ у насъ умный,
Ивановичъ разумный:
На коня садится,
Подъ нимъ конь бодрится,
Къ саду подъѣзжаетъ,
Садикъ расцвѣтаетъ:
Настасья выходитъ,
Свѣтъ Павловна, выходитъ!
За бѣлы руки Ивана брала,
За дубовый столъ сажала,
Чару водки налиvalа,
Ивану подавала,
Усердно просила:
„Выкушай Иванъ князъ!“
— Я не пью вина хмельнаго,
Я не пью вина зеленаго;
Я дарую, семь разъ поцѣлую,
Что ни свѣтъ душу, Настюшеньку.

142.

Какъ не яхонть по горницѣ катился,
Какъ не жемчужина за яхонтомъ уивалася,

А Иванъ, сударь, на сговоръ снаряжался,
А Ивановичъ на сговоръ убирался.
Хорошо его матушка родная убирала,
Гребешкомъ кудри русыя чесала.
Жестоко ему матушка наказывала,
Жестоко ему родная приказывала:
Ужь какъ будешьъ-ли, Иванъ, на сговорѣ,
Ужь какъ будешьъ-ли, Ивановичъ, на сговорѣ,
Ужь какъ будутъ-ли тебя дѣвицы величати,
Ужь какъ будутъ-ли тебя по имени называть,
Ужь какъ будутъ-ли тебя отчествомъ возвышати:
И ты дари, сударь, дѣвицѣ не скучися,
И ты дари, сударь, золотою гривною,
И ты дари, сударь, гривною московскою.

143.

Снаряжайся душа, Машенька,
Снаряжайся душа, Ефимовна,
Во цвѣтно платье одѣтайся,
Ключевой водой умывайся,
Бѣлыми бѣлилами бѣлися,
Алыми румянами румянѣся,
Черными сурмилами сурмися,
Передъ зеркальцемъ стоючи,
На свою косу глядючи,
Свою-ль русую расплетаючи.
Какъ пріѣхали, душа Машенька,
Какъ пріѣхали, свѣтъ Ефимовна.
Къ тебѣ князья, бояре всѣ,

Привезли съ собою молодца,
Того-ль сына княжскаго,
Петра Петровича,
Хорошо снаряженаго,
Хорошо больно изукрашенаго.
Тебѣ съ нимъ не часъ часовати,
Ужъ тебѣ-ль съ нимъ не годовати,
А тебѣ-ль съ нимъ вѣкъ вѣковати,
Красу дѣвичью не вспоминати,
Насъ, красныхъ дѣвшекъ, позабывати.

144.

Ты заря-ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя!
Ой ляли, ляли, ляли
Зорюшка вечерняя!
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхоже!
Ой ляли и т. д.
Высоко восходило,
Далеко освѣтило!
Ой ляли и т. д.,
Черезъ чистое поле,
Черезъ синее море!
Ой ляли и т. д.
Черезъ быструю рѣку,
Черезъ широкую рѣку!
Ой ляли и т. д.
Какъ на той на рѣченъкѣ
Лежала дощеченька!
Ой ляли и т. д.

И тонкая, и гибкая
Дощечка дубовая!

Ой ляли и т. д.
Какъ но той по дощечкѣ
Никто не хаживалъ,
Никого не воживалъ!

Ой ляли и т. д.
Перешель Михаиль сударь,
Перешель Гавриловичъ!

Ой ляли и т. д.
Перевель Наташеньку,
Перевель Ивановну!

Ой ляли и т. д.
Переведши онъ ее,
И пѣлуетъ, и милуетъ
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ!

Ой ляли и т. д.
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ
Надеждою называетъ!

Ой ляли и т. д.
Другъ ты мой, Наташенька,
Радость моя Ивановна,
Ты меня состарила,
Безъ ума поставила,
Безъ великаго разума,
Медомъ брагою поила,
Да гостинцами дарила:
Рубашечка полотняна—
Наташенька молодая,
Рубашечка подарена—
Наташенька сговорена.

145.

Во горницѣ, во скамьѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На шелковомъ на коврѣ!

Люли, люли,
На коврѣ, на коврѣ!
Стоитъ чара золотая,
Люли, люли,
Чара золотая!

Полна сытой налита,
Кому чару выпивать?
Выпивать чару Карпу,

Люли, люли,
Трифонычу!
Остаточки Катенькѣ,
Люли, люли,
Васильевной!

Ты, Катенька, мой дружокъ,
Ты, Васильевна, мой животокъ,
Роди сына сокола!

Люли, люли,
Сына сокола!
А дочерь лебедку,
Люли, люли,
Лебедку!

Учи сына грамотѣ,
А дочерь шелкомъ шить;
Учи сына торговать,
А дочерь тонко прясть!
Люли, люли,
Тонко прясть!

146.

Не ходить было Марьушкѣ,
Не ходить было Ефимовнѣ
На широкій дворъ гулять,
Въ хороводы играть;
Не смотрѣть было Марьушкѣ,
Не смотрѣть было Ефимовнѣ
На молодыхъ молодцовъ,
На молодыхъ изнаряженныхъ.
Приглянулся Марьушкѣ,
Приглянулся душѣ Ефимовнѣ
Молодой молодецъ,
Молодой, изнаряженный,
Петръ, сударь Петровичъ.
Не хочетъ съ нимъ разстаться,
А хочетъ нась оставити,
Позабывши и батюшку, и матушку.

147.

Ой ты, мать моя, матушка,
Ой ты, мать моя, государыня!
Ты войди, моя матушка,
Во высокій во теремъ,
Ты во свѣтлую горницу,
Во уборную свѣтличку;
Ты сядь, моя матушка,
Впереди подъ окошечкомъ,
Подъ святыми иконами;
Погляди, моя матушка,
На мою на русу косу,
На дѣвичью красу;

Ужъ не долго мнѣ, матушка,
Ужъ не долго мнѣ, государыня,
Во красѣ любоватися,
Отъ субботы до субботы,
До дѣвичьяго вечера;
Въ Воскресенѣе мнѣ, матушка,
Къ суду Божьему ѿхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
Съ удалымъ, добрымъ молодцемъ.
Иваномъ Петровичемъ.

148.

Желтая кудри за столъ пошли.
Русую косу за собой повели;
Желтая кудри—Василій молодецъ,
Русая коса—душа Аннушка.
На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
„Ты скажи-скажи, красна дѣвица!
„Кто тебѣ изъ роду милъ?“
— Миль мнѣ милешенекъ
— Батюшка родной,—
„Дѣвица красная—душа!
Это не правда твоя, не истинная;
Свое сердце тѣшишь, а мое гнѣвишь!
На улицѣ дождикъ накрапываетъ,
У красной дѣвицы перстень съ руки выпадываетъ,
Добрый молодецъ у дѣвицы выспрашиваетъ:
„Ты скажи, скажи правду всю,
„Кто тебѣ изъ рода милъ, душа дѣвица?“

— Миль мнѣ милешенекъ добрый молодецъ,
„Красная дѣвица—душа!
Это правда твоя, это истинная;
Свое сердце тѣшишь, мое веселишь“.

Пѣсни, которые поются на дѣвичникѣ.

149.

На морѣ лебедушка плавала
Въ теремѣ свѣтъ Марьушка плакала,
Въ высокомъ Ивановна рыдала:
Жалилась на роднаго батюшку,
Жалилась на родную матушку:
„Богъ судья родимому батюшкѣ,
Богъ судья родимой матушкѣ;
Молоду въ чужіе люди отдаютъ,
Остается зеленый садъ безъ меня;
Въ томъ саду три цвѣтика разцвѣли
Аленъкій, лазоревый, голубой.
Вставай же ты, матушка, пораньше,
Поливай зеленый садъ почаше,
Утренней вечернею зарею
Свѣжею ключевою водою,
Сверхъ того горючею слезою“.

150.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было высокихъ;
Летитъ стадо лебединое,
А другое-то гусиное.
Отставала ли лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.

Приставала ли лебедушка
Что ко стаду ко сърымъ гусямъ.
Какъ начали ее гуси щипати,
Какъ начала лебедь кричати:
„Не щипите меня, гуси сърые!
Не сама я къ вамъ залетѣла:
Занесла меня погодушка,
Что погода-вѣтры буйные!“
Отставала красна дѣвица
Отъ своихъ-то отъ подруженекъ,
Приставала красна дѣвица
Отъ своихъ-то отъ подруженекъ,
Приставала красна дѣвица
Приставала ко чужимъ людямъ.
Какъ начали ее люди бранити,
Какъ начала она плакати:
„Не браните меня, люди добрые!
Не сама къ вамъ заѣхала:
Завезли меня добры кони,
Добры кони Николаевы.

151.

Стояли кони убранные (2)
Подъ шатрами, подъ коврами (2).
Никто то коней не любилъ (2)
Любила коней Ольга-свѣтъ (2),
Любила коней Васильевна.
Сыпала сахару вмѣсто овса,
Поила медомъ вмѣсто воды,
Цейте вы, кони, да кушайте (2)!
Завтра поутру везите меня (2)
Дальше, подальше отъ батюшки,

Дальше, подальше отъ матушки;
Ближе, поближе къ милому дружку,
Къ милому дружку, Алексю, свѣтъ,
Къ милому дружку, Семеновичу.

152.

При вечерѣ, вечеришничкѣ
При Марьиномъ при дѣвичничкѣ
Прилетаетъ младъ ясенъ соколь;
Онъ садится на окошечко,
На серебрену рѣшеточку;
Рѣшеточка сподломилася.
Младъ ясенъ соколь
Встрепенулся полетѣлъ.
Увидала его матушка
Съ высокаго нова терема;
— „Ты дитё милое дитятко,
Чадо родное возлюбленное,
Ты сойди-ка съ высока терема,
Приголубь ты ясва сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца заѣзжаго,
Своего дружка сердечнаго!“
— „Охъ, сударыня моя матушка,
Я бъ и рада съ высока терема сошла;
Рѣзвыя ножки сподломилися,
Бѣлыя ручки опустилися,
Ясныя очи помрачилися!“

153.

Сборы, сборы Аннушкины,
Велики сборы Ивановнины;
Сбиralа подружекъ за свой столь,

Сажала подружекъ высоко,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ:
Ахъ вы, дѣвушки, вы подруженьки!
Придумайте, пригадайте:
Какъ мнѣ быть да жить въ чужихъ лю-
дяхъ?
Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
Какъ величать свекровь лютую?
Мнѣ свекромъ назвать—осердится;
Мнѣ батюшкой назвать—не хочется.
Мнѣ свекровью назвать—осердится;
Мнѣ матушкой назвать—не хочется,
Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю я ума-разума;
Назову я свекра батюшкой,
А люту свекровь матушкой.

154.

„Подруженьки, голубушки,
Подруженьки мои милыя!“—
Говорила Настюшенька
Свѣтъ Ивановна плаучи,
Говорила краснымъ дѣвушкамъ,
Говорила, сама молвила:
— „Не отпирайте, не отпирайте,
Не отпирайте воротъ гостямъ,
Чужимъ гостямъ незнаемымъ;
Не пускайте, не пускайте
Чужихъ гостей, незнаемыхъ,
Гостей на широкой дворъ;

Запирайте, запирайте,
Запирайте сънную дверь,
Сънную дверь во свѣтелочкѣ!
Не отворяйте, не отворяйте,
Не отворяйте дверь ко терему,
Ко терему-ль моему высокому!
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужихъ гостей,
Чужихъ гостей, незнаемыхъ!“
— Ой не плачь, не плачь,
Не плачь, душа Настюшенька,
Не плачь, свѣтъ наша Ивановна!
Не чужой гость, не чужой,
Не чужой идеть, твой суженый,
Идеть къ тебѣ твой ряженый!

155.

Ужъ не вихри рьяные вылетали,
Ужъ не солнце красное замеркало,
Ужъ не свѣтель мѣсяцъ затмѣвался,
Ужъ не тучи грозныя бушевали,
Ужъ не туманы дождевыя носилися:
А Марьушка Ефимовна во терему,
Сидя во высокомъ, помрачилась,
Своей печалью-горестью,
Своей несносною кручиною.
Марьушка горько плачетъ,
Ефимовна какъ рѣка льется:
Она вечеръ поздно слышала,
Какъ хочетъ ее батюшка,
Какъ хочетъ ее матушка,
Что отдать-то во чужи люди,

Во чужи люди незнакомые,
На чужедальнюю сторонушку,
Ко чужому отцу, къ матери.
Ой, не плачь, наше дитятко,
Ой, не плачь, наше милое!
Чужая сторонушка слюбится,
Чужедальняя полюбится.

156.

Ужъ какъ во теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ во высокомъ красныя,
Разыгралися, распотѣшилися,
Разскакалися, расплясалися.
Одна лишь душа Катеринушка,
Катеринушка свѣтъ Васильевна,
Задумалась, подгорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали;
— „Ты не плачь, не плачь, Катенька,
Ты не плачь, не плачь, Васильевна,
Что идетъ къ тебѣ батюшка!“
— Батюшка тоски моей не вѣдаетъ;
Онъ грусти моей не размыкаетъ;
Онъ горю моему не помочь!

Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки
Ужъ какъ въ высокомъ красныя
Разыгралися, распотѣшилися,
Разскакалися, расплясалися.
Одна лишь душа Катеринушка
Катеринушка свѣтъ Васильевна,

Задумалась, подгорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красная приголубливали:
— „Ты не плачь, не плачь Катенька,
Ты не плачь, не плачь Васильевна,
Что идетъ къ тебѣ матушка“.
— Матушка тоски моей не вѣдаетъ;
Она грусти моей не размыкаетъ;
Она горю моему не помочь!

Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки
Ужъ какъ въ высокомъ красная
Разыгралися, распотѣшилися,
Разскакалися, расплясалися,
Одна лишь Катеринушка,
Катеринушка, свѣтъ Васильевна,
Задумалась, пригорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется,
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красная приголубливали:
„Что идетъ къ тебѣ твой суженый,
Твой суженый, твой ряженый,
Что Григорій, сударь, Александровичъ!“

Какъ вскрикнетъ Катеринушка,
Душа свѣтъ Васильевна;
— „Ужъ какъ онъ-то тоску мою вѣдаетъ;
Я съ нимъ грусть свою размыкаю,
Ужъ онъ-то горю моему помочь;
Ужъ онъ-то сердцу не надсада;
Ужъ какъ онъ-то только и во мысляхъ
былъ!“

157.

Красно солнышко зашло,
И темна ночь наступила,
А гостей не бывало во Ефимовъ домъ,
Во Ефимовъ домъ, свѣтъ Гавриловичевъ.
Машенька душа, Ефимовна,
Суженаго себѣ ожидаетъ,
Петра, сударя, Петровича;
Во цвѣтно платье снаряжается,
Во цвѣтное, во шелковое.
„Ужъ, какъ пріѣдетъ ли мой суженый,
Ужъ, какъ пріѣдетъ ли мой ряженый,
И вы, дѣвушки, голубушки,
Подружки мои милыя!
Запойте погромче, повеселѣе,
Повеселѣе, да порадостнѣе;
Чтобы суженому моему не соскучилося,
Чтобы ряженому моему не взгрустнулося.

158.

Свѣтѣлъ мѣсяцъ—родимый батюшка,
Красно солнышко—родная матушка!
Мнѣ не надобно ни золота, ни серебра,
Прощу вашего честнаго благословенія.

159.

Величальная.

Елка ты елка моя!
Елка зеленая моя,
Елка зеленая моя,
Что жъ ты не очень зелена? (2).

Ольга Васильевна
Что-жъ ты не очень весела (?)?
Не такъ, какъ у батюшки жила,
Алексѣй Семеновичъ!
Отдай волю батюшкину,
Отдай волю батюшкину,
Гулянъице матушкино.
Ольга Васильевна,
Роди ты мнѣ семь сыновей,
Восьмую дочерь себѣ,
Девятый л самъ у тебя.
Алексѣй Семеновичъ,
Построй же ты семь городовъ,
Дочери приданый домъ.

160.

Ужъ и кто жъ у насъ большой набольшій
Ужъ и кто жъ у насъ воеводою?
Какъ Андрей, сударь, свѣтъ Егоровичъ,
Онъ пріѣхалъ, свѣтъ въ свою вотчину,
Онъ своихъ крестьянъ любилъ и жаловалъ.
Какъ своей женѣ онъ наказывалъ:
„Ужъ ты, Вѣра, свѣтъ Аѳанасьевна,
Ты корми коня, не жалѣй овса,
Ты пой коня изъ ведерочки!“
А и Вѣра, свѣтъ, поупрямилась,
Аѳанасьевна не послушалась;
Повела коня на сине моря.
Синее морюшко всколыхалося,
Какъ и Вѣра, свѣтъ, испужалася
Аѳанасьевна всторопилася.

161.

Вьется, вьется хмелюшко
Черезъ тынъ на улицу
Ко мнѣ во зеленый садъ:
Во моемъ ли во садикѣ
Гуляеть дѣтинушка
Горкій сиротинушка,
Повѣсилъ головушку
На праву сторонушку
Ко красному солнышку;
Увидала матушка
Съ высокаго терема:
„Дитя-ль, мое дитятко,
Дитя, чадо милое,
Что ходишь не весело,
Головку повѣсило?“
— „Родимая матушка!
Что жъ веселиться мнѣ?
Всѣ мои товарищи
Да всѣ поженились,
А я у тебя, матушка,
Холость, не женатъ хожу!“
— „Поди, поди, дитятко,
Самъ ли ты на улицу,
Выбирай ты, дитятко,
Самую-то лучшую (2)
Купеческую дочерю“.
— „Родимая матушка,
Купеческая дочеря

Въ полѣ не работница,
Въ домѣ не хозяйка:
У сосѣда дѣвушка—
Та-то вотъ мнѣ по сердцу!“

162.

Когда везутъ невѣсту къ вѣнцу.

Какъ передъ нашими широкими воротами
Разлился, разлѣялся синее море,
Унесло, улеяло со двора три корабля;
Какъ первый-то корабль съ красной дѣвицей
душой,
А второй-то корабль съ перинами съ подуш-
ками,
А третій-то корабль съ коваными сунду-
ками.
Какъ выходила ея родимая маменька,
Какъ вскричала громкимъ голосомъ своимъ:
„Дитё мое, дитятко, дитё мое милое!
Позабыла ты у меня дитятко,
Позабыла ты троє ключей, три золотыхъ:
Позабыла ты у меня три волюшки.
Какъ первая-то—воля дѣвичья,
А другая воля—родимаго батеньки,
А третья воля—родимой маменьки.“

Кромъ свадебныхъ пѣсень на свадьбахъ и при всѣхъ свадебныхъ обрядахъ, особенно въ пріжнєе время, пѣлись, да во многихъ мѣстахъ (особенно на сѣверѣ) поются до сихъ поръ, заплачки. Для этого нанимаютъ особыхъ плакальщицъ или вопленицъ; иные же заплачки поетъ сама невѣста, а иногда ея родныя. Такихъ причитаній очень много. Мы приводимъ только иные въ видѣ примѣровъ.

163 *).

За столами за дубовыми,
Что за скатертьми браными,
Противъ зеркала хрустальаго
Не огонь горить, не смола кипить,
Ужъ какъ кипѣло-то мое сердце,
Горѣло-то мое лицо.
Какъ чужимъ-то сидючи чужеземцемъ,
Наѣзжимъ добрымъ мѣлодцемъ:
Какъ не спасибо тебѣ, тятенька,
Со радѣльницей, со маменькой,
Не во садъ вы меня посадили,
Не во новую во горницу:
Посадили вы, радѣльники,
Во чуланы-то во темные,
За замки-то за кленовые—
Отъ замковъ ключи потеряны,
Во сине море опущены!
Ужъ какъ гдѣ тому исполнитися,
Что ключамъ съ моря поднятия;
Ужъ какъ гдѣ тому случитися,
Что пазадъ дѣвушкѣ воротитися.

*) №№ 163, 164 доставлены намъ Каменскимъ, изъ Ярославской губ.

164.

Къ родителямъ невѣста причитаетъ:

Разойдитесь-ка вы, добры люди,
Всѣ сосѣди, всѣ сосѣдушки,
Всѣ сосѣдки, милы дѣвушкі!
Ужъ какъ дайте-ка мнѣ путь-дороженку
Ужъ не конную, пѣшеходную,
Ужъ пройти мнѣ, красной дѣвицѣ,
До своего до свѣтлаго мѣсяца,
Кормилица батюшки;
Ужъ до краснаго-то солнышка,
До родимой своей матушки.
Ужъ кормилецъ ты, мой батюшка,
Со краснымъ солнышкомъ
Со родимой моей матушкой!
Спасибо вамъ, родимые,
На вашемъ воспитаньицѣ!
Ужъ какъ не дали на меня, родимые,
Ужъ какъ не дали вѣтру дунути,
Частому дождю капнути.
Какъ вѣтка къ землѣ клонится,
Преклонилась моя буйная головушка,
Преклонилась до самой сырой земли.

165.

Къ крестной матери.

Спасибо, матушка ласковая,
Дорогая и умильная!
Ты берегла меня, матушка!

Во дѣвичествѣ моемъ долгомъ;
Укрывала меня, матушка,
Отъ людскихъ переговорныхъ словъ;
Ты дарила мнѣ, матушка,
Каждый годъ волю вольную,
А теперь у меня, дѣвушки,
Отнимаютъ эту волюшку,
Да и сама-то ты, матушка,
Даешь на то твое согласьице...
Ты прощай же, родимая,
Ненаглядное солнышко!
Благослови меня, матушка,
Благослови, не прогнѣвайся;
Не помни, родименькая,
Моихъ глупостей дѣвическихъ,
Моихъ словъ неумственныхъ.

166.

Причитаніе на снятіе воли.

Волею называется лента, которую носятъ дѣвицы; ее снимаютъ на послѣдней вечеринкѣ.

Моя вольная волюшка
Пусть піетъ, попьетъ, покушаетъ!
Кладу вольную волюшку
На хлѣбъ на соль на столовую,
На благодать да на Христовую.
Я не ладно вѣрно удумала,
Не мѣстечко дѣвушка удумала
Своей да дорогой волюшкѣ;
Не сдамъ волюшки со младой головушкѣ;

Ужъ придетъ младъ отецкій сынъ, —
Онъ увидитъ мою волюшку,
Станетъ волюшку побрасывать,
Мою дѣвушкой выхвастывать.
Пойдемъ лучше съ волею вольною
На перено *) крылечушко;
Отпущу свою волю вольную
И во темны лѣса лисицею,
Во чисто поле куницаю.
Я не мѣсто тутъ удумала
Своей да дорогой волѣ:
Ужъ какъ ходить младъ отецкій сынъ
Со винтовкой самострѣльной,
Онъ застрѣлить волю вольную.
Спущу волю свою вольную
Водоплавной сѣрой угушкой
Да на тихое на заводье,
На зеленое на затрясье.
Я не мѣстечко тутъ удумала:
Какъ охотникъ, младъ отецкій сынъ,
Ходить за охотою
Съ пистолетомъ зарукавнымъ
И застрѣлить волю вольную.
Спушу волю свою вольную
Во свѣжу ключеву воду
Съ бѣлой-рыбкою, со свѣжинкой.
Тутъ не мѣсто я удумала
Своей дорогой волѣ:
Какъ у млада сына отецкаго
Есть неводье шелковое,
Двѣ сѣти рыболовныя;

---

*) Огороженное перилами.

Онь изловить мою вольную волюшку,
Станеть волюшкой помахивать,
Мною дѣвушкой выхвастывать;
А спущу я свою вольную волюшку
Да подъ плёса подъ широкія,
Подъ небеса подъ высокія,
Къ красну солнышку въ бесѣдушку,
Къ свѣтлу мѣсяцу на думушку,
Ко зорямъ на свиданьице,
Ко звѣздамъ на разселеньице.
Пускай воля наволюется,
Пускай красная наликуется.
Улетай, моя вольная волюшка,
Со моей со головушки!

167.

Когда расплетаютъ косу.

Не въ трубушку мы трубимъ рано на зарѣ—
Настасья плачетъ Павловна по русой косѣ:
Коса, милая косынька, русая коса!
Вечоръ эту косу дѣвушки плели:
Пріѣхала сваха немилостивая,
Начала эту косу рвать и метать,
И рвать и метать, на двѣ заплетать.

VII.

ХОРОВОДНЫЯ.

Хороводныхъ пѣсень не меньше, чѣмъ пѣсень свадебныхъ или такихъ, которыя поются во всякое время. Здѣсь помѣщаются изъ хороводныхъ нѣсни только нѣкоторыя, самыя известныи, которая поютъ не въ одномъ какомъ-нибудь селѣ, а по всей Россіи.

168.

Какъ по морю, морю синему,
По синему по Хвалынскому
Плыла лебедь (3) съ лебедятами
Со малыми (3) *) со ребятами (со утя-
тами).

Не тронется, не ворохнется,
Подъ ней вода не колыхнется;
Плывша лебедь окунулася,
Окунувшись, встрепенулася,
Подъ ней вода сколыхнулася!
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколь:
Онъ убилъ, ушибъ лебедь бѣлую,
Разбилъ стадо лебединое;
Кровь пустилъ онъ по синю морю,
А перышки по темнымъ кустамъ.
Гдѣ ни взялася душа дѣвица,
Брала перья на перинушку,
А пухъ брала на подушечки.
Отколь ни взялся добрый молодецъ:
„Богъ и помощь, красна дѣвица душа!“
Брамши перья на перинушку,
Дѣвка парню не склонилася,

*) Первая половина каждого стиха повторяется три раза.

Сердечушкомъ не скорилася,
„Добро же ты, красна дѣвица душа,
Возьму замужъ, замужъ за себя;
Какъ будешь ты у кроватушки стоять,
Шелковую плеть во рукахъ держать,
Горючи слезы ронять, ронять“.

— Ты прости меня, не узнала тебя:
Я думала, что иной какой!

Или же такъ, послѣ словъ „Отколь ни взялся добрый молодецъ“:

„Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь, красна дѣвица душа!“ *)
Она жъ ему (3) не поклонится.
Грозилъ парень (3) красной дѣвицѣ:
„Добро дѣвка, добро красная,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь, дѣвка, у кроватушки стоять;
Будешь, дѣвка, бѣлы руки, руки цѣловать;
Будешь, дѣвка, держать шелковую плеть
во рукахъ!“

— „Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, что поповскій сынъ,
Что поповскій сынъ воръ Алешенька.

169.

Взойди, взойди, солнце, не низко взойди вы-
соко,
Ай лешеньки люли, не низко взойди
высоко *)!

*) Въ пѣніи первая половина стиха повторяется три раза.

*) Послѣ каждого стиха „Ай лешеньки люли“ и т. д.

Зайди, зайди, братецъ, ко сестрицѣ въ гости!
Спроси, спроси, братецъ, про ея здоровье!
„Здорова ль, сестрица, здорова ль, родная?“
— Родимый мой братецъ, не очень здорова:
Есть четыре горя, пятая кручинка.
Какъ первое горе—свекоръ ворчаливый;
А второе горе—свекровь воркотлива;
Какъ третье горе—деверекъ наスマшникъ,
Четвертое горе—золовка смутьянка!
Пятая кручинка—мужъ жену не любить!“
— „Потерпи, сестрица, потерпи, родная!
Свекоръ ворчаливый, свекоръ скоро померть,
Свекровь воркотлива за нимъ въ землю
пойдетъ;
Деверь наスマшникъ въ чужихъ людяхъ
возьметъ;
Золовка смутьянка сама замужъ выйдетъ;
Мужъ жену не любить, другую не возьметъ,
Другую не возьметъ, тебя не минуетъ:
Тебя не минуетъ, три раза поцѣлуетъ!

170.

Вѣрный нашъ колодецъ, вѣрный нашъ
глубокій,
Почто стоишь безъ воды (2)?
Конь воду выпивалъ (2),
Копытами выбивалъ (2).
Нашего хозяина (2)
Нашего богатаго (2) *)
Дома не случилося.
Поѣхаль нашъ хозяинъ,

*) Каждый стихъ повторяется.

Поѣхалъ нашъ богатый
Въ Казань городъ погуляти.
Привезъ нашъ хозяинъ,
Привезъ нашъ богатый,
Казанскую умницу.
Казанскую умницу
Выведу на улицу:
Стой, мое золотце,
Цѣлуй меня молодца.

Начинаютъ пѣсню сначала, и поютъ про Рязань, потомъ про Москву и кончаютъ:

Казанская умница,
Стели мнѣ постелюшку!
Рязанская умница,
Клади изголовьице!
Московская умница,
Клади спать хозяина!
Нашего хозяина.
Кому жъ пробуждать будеть?
А кто больше любить,
Тотъ его пробудить.

171.

Поютъ, раздѣлившись на два ряда.

Первый рядъ.

— А мы просо сѣяли, сѣяли,
Ой Дидъ и Лада сѣяли, сѣяли.

Второй рядъ:

— „А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,
— „Ой Дидъ и Лада вытопчемъ, вытопчемъ!“

- Да чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
    Ой Дида и Лада и т. д.
- „А мы коней выпустимъ, выпустимъ“,
    Ой Дида и Лада и т. д. *).
- А мы коней переймемъ, переймемъ.
- „Да чѣмъ же вамъ перенять, перенять?“
- Шелковымъ поводомъ, поводомъ.
- „А мы коней выкупимъ, выкупимъ“.
- Да чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить.
- „А мы дадимъ сто рублей, сто рублей“.
- Не надо намъ тысячи, тысячи.
- „А что-же вамъ надобно, надобно?“
- А намъ надо дѣвицу, дѣвицу.
- „А вотъ, вамъ, дѣвицу, дѣвицу“.

По окончаніи послѣдняго запѣва второй рядъ пробѣгаєтъ подъ поднятыи двоими изъ первого ряда, какъ ворота, руки, которыми и отхватываются одного играющаго изъ первого ряда, и второй, ставши на свое мѣсто, начинаеть:

„Нашего полку убыло, убыло“.

Второй отвѣчаетъ:

— А нашего полку прибыло, прибыло!

Затѣмъ пѣсня опять начинается сначала.

172.

При пѣніи этой пѣсни берутъ другъ друга за руку и переплетаются руками, повторяя до тѣхъ поръ, пока сплетутся въ одно мѣсто, и затѣмъ расплетаются вновь.

Заплелись, плетень, заплелись;

Ты завейся, труба золотая,

Ты завернися камка хрущетая!

Ахъ, свѣтъ сѣра утица,

Потопила малыхъ дѣтушекъ

*.) Послѣ каждого стиха припѣвъ: „Ой Дида да Лада и т. д.“.

Ты въ меду и въ патокѣ
И во ъствѣ во сахарномъ.

Когда плетень расплетаютъ, то поютъ:

Расплетися, плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися, камка хрущатая!
Ахъ, свѣтъ-сѣра утица!
Выкупай малыхъ дѣтушекъ
Ты изъ меда, изъ патоки,
Ты изъ ъства изъ сахарнова!

173.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинка!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣль шатель.
Въ томъ шатрѣ, въ томъ шатрѣ,
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ;
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица
Рвала цвѣты (2)
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ (2)
Вила вѣнокъ съ городаы,
Со дорогимъ (2)
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ (2)
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ (2)
Носить вѣнокъ старому;
Старому вѣнокъ (2)
Старому вѣнокъ не сносить,

Мою молодость (2)
Мою молодость не сдержать.
Ай во полѣ, ай, во полѣ
Ай во полѣ липинка!
Подъ липою (2)
Вѣлъ шатеръ, (2)
Въ томъ шатрѣ столъ стоитъ;
За тѣмъ столомъ (2)
За тѣмъ столомъ дѣвица;
Рвала цвѣты (2)
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ (2),
Вила вѣнокъ съ города,
Со дорогимъ (2)
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ (2),
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ (2)
Носить вѣнокъ милому;
Милому вѣнокъ (2)
Милому вѣнокъ износитъ;
Мою молодость (2)
Мою молодость содержать!

174.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы въ конецъ.
Ахъ, Дунай мой Дунай!
Сынъ Ивановичъ Дунай *)
Ахъ какъ звали молодца
Позывали удальца!

*) Поютъ вмѣсто „Дуная“ — „Донъ“.

Ахъ, Дунай ты мой Дунай!

Сынъ Ивановичъ Дунай.

Какъ во пиръ пировать,

Во бесѣдушку сидѣть,

На игрище поиграть.

Ахъ, Дунай ты мой Дунай!

Сынъ Ивановичъ Дунай.

Ужъ, какъ мнѣ ли, молодцу,

Мало можется (2),

Играть хочется.

Ужъ я выйду молодецъ

На свой новый на крылецъ;

Закричу я, молодецъ,

Громкимъ голосомъ своимъ:

Ахъ! какъ есть-ли у меня

Слуги вѣрные мои?

Вы берите ключи,

Отмыкайте сундуки,

Вынимайте кафтанъ

Рудожелтъ камчатъ;

Вынимайте шапку,

Черную мурмашку;

Вы подайте гусли

Звончатые мои!

Ахъ, Дунай мой Дунай!

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Какъ пошелъ нашъ молодецъ

Ко вдовушкѣ въ конецъ!

Ахъ, Дувай, мой Дувай!

Сынъ Ивановичъ Дунай!

Какъ садился молодецъ,

Какъ садился удалецъ

Противъ вдовушки на скамьѣ,

Ахъ, Дунай и т. д.

Заигралъ онъ во гусли,

Заигралъ во звончатыя свои.

Ахъ, Дунай и т. д.

Молодецъ вдовѣ челомъ,

Уронилъ шапку долой!

Ахъ, Дунай и т. д.

Ужъ ты, вдовушка моя,

Молодая вдова,

Подыми шапку мурмашку!

Ахъ, Дунай и т. д.

— Не твоя, сударь, слуга:

Я не слушаю тебя!

Ахъ, Дунай и т. д.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ

Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ, Дунай и т. д.

Ахъ, какъ звали молодца,

Позывали удальца!

Ахъ, Дунай и т. д.

Какъ во пиръ пировать

Во бесѣдушку сидѣть,

На игрище поиграть.

Ахъ, Дунай и т. д.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ

Ко дѣвушкѣ въ конецъ.

Ахъ, Дунай и т. д.

Какъ садился молодецъ,

Какъ садился удалецъ

Противъ дѣвушки на скамьѣ

Ахъ, Дунай и т. д.

Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатыя свои,
    Ахъ, Дунай и т. д.
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой,
    Ахъ, Дунай и т. д.
Ужъ ты, дѣвушка моя,
Ты красная моя,
Подними шапку мурмашку! (2)
    Ахъ, Дунай и т. д.
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
    Ахъ, Дунай и т. д.

175.

У воротъ, воротъ, воротъ,
Воротъ батюшкиныхъ.
    Ахъ, Дунай мой, Дунай,
    Ахъ, веселый Дунай! *)
Разыгрались ребята,
Распотѣшились!
Одному-то молодцу
Худо можется.
Худо можется,
Нездоровится!
Нездоровится,
Гулять хочется!
Я сапожки на ножки
Смуръ кафтанчикъ на плечо!
Ужъ я выйду за ворота
За тесовы ворота;

*) Этотъ припѣвъ повторяется поелѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Ужъ я сяду на скамью,
Скамью дубовую доску.
Я ударю во струну,
Струну серебряную!
Вы послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ:
Что струна-то говоритъ:
Мнѣ жениться велить,
Мнѣ жениться, разориться,
Стару бабу въ жены взять,
Стару бабу въ жены взять,
На печи въ углу держать!
Киселемъ ее кормить,
Молокомъ ее поить!
Съ киселя-то весела,
Съ молока-то молода!
Ахъ! не про дѣвокъ, не про бабъ,
Не про малыхъ ребятъ!

176.

Эта пѣсня иногда поется просто хоромъ, безъ хоровода; ее же поютъ и солдаты.

Во лузяхъ, во лузахъ, во зеленыхъ лузахъ,
Выростала, выростала трава шелковая.
Разцвѣли, разцвѣли, цвѣты лазоревые,—
Вотъ пошли, вотъ пошли духи малиновые.
Ужъ я той травой, той травой вскормлю коня.
Ужъ я выкормлю, выглажу его,
Я надѣну узду шелковую,
Наложу сѣдло серебряное,
Поведу я коня къ батюшкѣ,

„Ужъ ты батюшка, батюшка, родимый сударь мой,

Ты прими ли, ты прими ли слово ласковое,
Полюби, полюби слово привѣтливое,
Не отдай меня за старого замужъ,
Инъ я старого, старого на смерть не люблю,
Я со старымъ, со старымъ гулять не пойду,
Инъ я лучше во дѣвушкахъ сижу,
Инъ я гла же головушку чешу,
Инъ я меличе русу косу плету,
Во косу я ленту алую вплету!“

Начинается опять сначала: „Во лузяхъ...“ и до словъ: „Полюби,
полюби слово привѣтливое“, а затѣмъ поется:

Не отдай, не отдай, не отдай меня за младова замужъ,
Младова, младова на смерть не люблю,
Съ младымъ, и я съ младымъ гулять нейду.

Затѣмъ опять „Во лузяхъ...“ и кончается:

„Ты отдай, ты отдай за ровнюшку замужъ:
Ровню я, ужъ я ровню душой люблю:
Съ ровней, ужъ я съ ровней гулять пойду.

177.

Какъ у нашихъ у воротъ (2)
Люли, люли у воротъ! *)
Стоялъ дѣвокъ хороводъ (2),
Молодушекъ табунокъ (2).
Меня дѣвки кликали (2),
На улицу поиграть (2),
Въ хороводъ поплясать (2).

*) Припѣвъ повторяется послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.

Меня свекоръ не пустилъ (2);
Хотя пустилъ, пригрозилъ (2):
Гуляй сноха, да не долго (2)!
А я млада загуляла (2)
До саменькихъ пѣтушковъ (2).
Какъ зорюшка занялась (2),
А я млада поднялась (2).
На встрѣчу мнѣ деверекъ (2):
Деверюшка батюшка (2),
Проводи меня домой (2),
До моего до двора (2),
До высока терема (2).
Подхожу я ко двору, (2)
Свекоръ ходить по двору (2),—
Повѣсивши голову (2).
Станеть свекоръ младу бить (2),
А ты меня отними (2).
Не отнимешь,—прочь поди (2).

178.

За моремъ синичка не пышно жила,
Не пышно жила пиво варивала;
Солоду купила, хмелию взаймы взяла.
Черный дроздъ пивоваромъ былъ,
Дай же, Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мелкихъ пташечекъ.
Совушка-вдовушка незваная пришла.
Снигирюшка по сѣньюшкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали все птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?

— Радъ бы я жениться, да не кого взять!
Взялъ бы я пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я сороку—щекотливая;
Есть за моремъ перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму“.
Здравствуй хозяинъ, съ хозяюшкою,
Со малыми дитятами!

VIII.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

Эти пѣсни поются при святочныхъ гаданіяхъ. Берутъ блюдо, кладутъ на него хлѣбъ и соль, изъ печи уголь и глину, а затѣмъ каждый кладеть свою накую-нибудь мелкую вещь; блюдо покрываютъ, и кто-нибудь начинаетъ вынимать вещи. Въ это время держацій блюдо трисетъ его, а участвующіе поютъ пѣсни, на эти игры сложенные и предвѣщающія судьбу гадающимъ.

179.

Пѣсня хлѣбъ.

Слава Богу на небѣ
Слава!
Государю нашему на сей землѣ
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!

Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться,
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла,
Слава!
Чтобы Царева золота казна,
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна,
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ,
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мельницы,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на усужденіе,
Слава! *)

180.

Вступленіе въ бракъ съ ровнею:
Катилося зерно по бархату,
Еще то ли зерно бурмитское:

*) „Слава“ припѣвается при всѣхъ подлюдныхъ пѣсняхъ.

Еще прикатилося зерно ко яхонту.
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Хорошъ женихъ со невѣстою!

181.

Вступленіе въ бракъ.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ;
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣничатися,
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Мнѣ тою булавочкой убиралисся!

182.

Особенное счастье и богатство.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы—
Шубенка на немъ худенька;
Одна пола во сто рублей,
Другая пола въ тысячу,
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣть.
Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
У Царя въ казнѣ въ кованомъ (или: въ
золотомъ ларцѣ).

183.

Богатство.

Щука шла изъ Новагорода;
Она хвостъ волокла изъ Бѣла-озера;

Какъ на щукъ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая,
А головка у щуки унизанная.

184.

Исполненіе.

Стоять сани снаряжены,
Полостью подернуты;
Только сѣсть въ сани да поѣхати.

185.

Чья вещь останется, тотъ пляшетъ съ блюдомъ и поетъ пѣсню

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню.
Я у батюшки въ терему,
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай, дѣвица
Въ коей рукѣ былица,
Змѣиная крылица.
— И л рада бы гадала,
Кабы знала вѣдала,
Черезъ поля идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы, кумки!
Вы скажите, не утайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Паль, паль перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодова,
На правой на ручкѣ
На маломъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали;
Красныя гадали,
Да не отгадали;
Еще съѣла рыба,
Проглотила рыба
Еще соли солонку.

IX.

ПѢСНИ РУССКИХЪ ПОЭТОВЪ.

186.

Эта пѣсня сочинена профессоромъ московскаго университета
А. Ф. Мерзляковымъ.

Среди долины ровныя,
На гладкой высотѣ,
Цвѣтеть, растеть высокій дубъ
Въ могучей красотѣ.

Высокій дубъ развѣсистый
Одинъ у всѣхъ въ глазахъ;
Одинъ, одинъ бѣдняжечка,
Какъ рекрутъ на часахъ!

Взойдетъ ли красно солнышко:

Кого подъ тѣнь принять?

Ударитъ ли погодушка:

Кто будетъ защищать?

Ни сосенки кудрявья,

Ни ивки близъ него,

Ни кустики зеленые

Не вьются вкругъ него.

Ахъ скучно одинокому

И деревцу расти!

Ахъ горько, горько молодцу

Безъ милой жизнь вести!

Есть много сребра, золота:

Кого имъ подарить?

Есть много славы, почестей:

Но съ кѣмъ ихъ раздѣлить?

Встрѣчаюсь ли съ знакомыми:

Поклонъ, да быль таковъ;

Встрѣчаюсь ли съ пригожими:

Поклонъ, да пара словъ.

Однихъ я самъ пугаюся,

Другой бѣжитъ меня:

Всѣ други, всѣ пріятели

До чернаго лишь дня!

Гдѣ жъ сердцемъ отдохнуть могу,

Когда гроза взойдетъ?

Другъ нѣжный спить въ сырой землѣ,

На помощь не придетъ!

Ни роду нѣть, ни племени

Въ чужой мнѣ сторонѣ;

Не ластится любезная

Подруженька ко мнѣ!

Не плачется отъ радости
Старикъ, глядя на насть;
Не вьются вокругъ малюточки
Тихохонъко рѣзвясь!

Возьмите же все золото,
Всѣ почести назадъ;
Мнѣ родину, мнѣ милую,
Мнѣ милой дайте взглянь!

Мерзляковъ.

Ниже помещаемыя пѣсни были сочинены Н. Г. Цыгановыи мъ.
Онъ былъ родомъ изъ крестьянъ. Отецъ его былъ довѣренныи мъ
лицомъ одного купца. Н. Г. Цыгановъ поступилъ въ актеры,
съ которыми разъѣзжалъ по всей Россіи и въ это время
записывалъ пѣсни, когда ихъ гдѣ слышалъ, сочинялъ и самъ
пѣлъ ихъ.

187.

Охъ болить
Да щемить
Ретиво сердечко—
Все по немъ,
По моемъ
По миломъ дружечкѣ!
Онъ сердитъ,
Не глядить
На меня дѣвицу;
Все корить
Да бранить,
Взносить небылицу:
Будто днемъ
Соловьемъ
По садамъ летаю—

Не объ немъ,
Объ иномъ
Звонко распѣваю;
Ничего,
Никого
    Ночью не боюся
И не съ нимъ,
Все съ инымъ
    Милымъ веселуюся.
Не рести,
Не цвѣсти
    Кустику сухому:
Не любить,
Не сгубить
    Дѣвицу иному!
Не себѣ—
Все тебѣ
    Красотка блудется...
Ахъ, ни чьей—
Все твоей
Съ горя изведется.

Цыгановъ.

188.

— „Не шей ты мнѣ, матушка,
    Красный сарафанъ,
Не входи, родимушка,
    Попусту въ изъянъ!
Рано мою косыньку
    На двѣ расплетать;
Прикажи мнѣ русую
    Въ ленту убирать!

Пущай, не покрытая,
Шелковой фатой
Очи молодецкія
Веселить собой!
То ли житье дѣвичье,
Чтобъ его мѣнять,
Торопиться замужемъ
Охать да взыхать?
Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего—
Не хочу я съ волюшкой
Въ свѣтѣ ничего!“
— „Дитя мое, дитятко,
Дочка милая!
Головка побѣдная,
Неразумная!
Не вѣкъ тебѣ пташечкой
Звонко распѣвать,
Легкокрылой бабочкой
По цвѣтамъ порхать:
Заблекнуть на щеченькахъ
Маковы цвѣты;
Прискучать забавушки—
Стоскуешься ты!
А мы и при старости
Себя веселимъ:
Младость вспоминаючи,
На дѣтей глядимъ.
И я молодешенька,
Была такова;
И мнѣ тѣ же въ дѣвушкахъ
Пѣлися слова“.

189.

Ахъ, чарка моя,
Серебряная,
На золотомъ блюдѣ
Поставлена!

Кому тебя пить
Кому подносить,
Друзьями ты, чарка,
Оставленная?

Въ забытьѣ стоишь,
Къ себѣ не манишь,
Вина зеленаго
Не налитая!

Бывала ли ты
Полнымъ до полна,
Какъ въ водополь рѣчка
Съ краями ровна?

Свѣтилася ли,
Честилася ли
Въ веселой бесѣдѣ
Въ запрошлые дни?

Ходила ль кругомъ,
Поила ль виномъ,
Пріятною рѣчью
Приправленная?

Знакомы ль тебѣ
Въ счастливой судьбѣ

Веселые взгляды
Ласкающіе?

Встрѣчалися ли,
Случалися ли
Пріятельски руки
Сжимающія?

Давно ли бѣдой
И злой чередой
Лежишь ты на блюдѣ
Спрокинутая—

Роями друзей
Къ печали моей,
Какъ улей пчелами,
Покинутая!

Не стало вина:
Забыта она...
Друзья отшатнутся
Отъ чистаго дна!

Спросись старины,
Коснись новизны,
Тамъ есть и бывало—
Быль съ сказкой сродни.

Цыгановъ.

190.

Брежжеть мѣсяцъ молодой,
Изъ-за тучъ мелькая:
Плачетъ парень удалой,
Долю проклиная!

Губить горе молодца,
Какъ цветокъ—морозы...
Удалому безъ конца,
Безъ отрады слезы!

Въ гору рѣчки не текутъ—
А подъ гору льются!...
Въ счастьи люди слезъ не лютъ—
Весело смѣются!

Все придумалъ молодецъ—
А тоска—тоскою!
И настанетъ ей конецъ
Съ гробовой доскою!

Вотъ однажды вечеркомъ
Онъ поетъ въ кручинѣ,
И разносить вѣтеркомъ
Пѣсню по долинѣ:

„Ужъ ты мать, ты моя мать—
Матушка родная!
На тебя ли мнѣ пенять,
Долю проклиная?

„Не для слезъ ли родила
Молодца въ часъ ночи?
Не для горькихъ ли дала
Мнѣ черные очи?

„Я не вижу красныхъ дней,
Радостей не знаю,
И какъ льдинка отъ лучей
На песочекъ таю“.

Цыгановъ.

191.

Х о р ъ.

Ахъ, обь че́мъ, голубушка Маша,
Ты ручьями слезы льешь,
Убъгаешь ласки нашей,
Съ нами пъсень не поешь,
Не играешь въ хороводы?
Все кручинна и грустна—
Будто нивка безъ погоды,
Знойнымъ солнцемъ сожженна!

М а ш а.

Ахъ, одинъ и былъ садочекъ,
Да и тотъ сталъ засыхать...
Былъ, какъ свѣтъ въ очю, дружечекъ,
Да и тотъ сталъ покидать!
Не на то я садъ садила,
Поливала, стерегла,
Всѣмъ сосѣдамъ досадила,
Чтобъ могилу въ немъ нашла!
Не къ тому садъ разростался,
Распуштался, раззвѣталъ,
Чтобъ часокъ покрасовался
И на вѣкъ потомъ пропалъ!—
Безпримѣнно для дѣвицы
Онъ бы долженъ уронить
Три корысти-небылицы,—
Безъ того мнѣ полно жить!
Ужъ мнѣ въ первой небылицѣ—
Быть пригоже всѣхъ собой,
А съ другою небылицей—

Только радость знать младой;
И мнѣ третья небылица:
Не вздыхать, не тосковать,—
Полюбивши—полюбиться,
Съ милымъ вѣкъ свой свѣковать.

Цыгановъ.

192.

Выйду я на рѣченьку
Погляжу на быструю—
Унеси мое ты горе,
Быстра рѣченька, съ собой.

Нѣть, унести съ собой не можешь
Лютой горести моей;
Развѣ грусть мою умножишь,
Развѣ пишу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью твоему:
Мысль за мыслию такъ стремится
Все къ предмету одному.

Ноетъ сердце, изнываетъ,
Страсть мучительну тая;
Кѣмъ страдаю, тотъ не знаетъ,
Терпить что душа моя.

Чѣмъ же злую грусть разсѣю,
Сердце успокою чѣмъ?—
Не хочу и не умѣю
Въ сердцѣ быть властна моемъ.

Милый мой имъ обладаетъ,
Вглядъ его—мой весь законъ,
Томный духъ пусть вѣкъ страдаетъ,
Лишь бы милъ всегда былъ онъ.

—
Лучше вѣкъ въ тоскѣ пробуду,
Чѣмъ его мнѣ позабыть.
Ахъ! коль милаго забуду,
Кѣмъ-же стану, кѣмъ же жить?

—
Каждое души движенье—
Жертва другу моему;
Сердца каждое біене
Посвящаю я ему.

—
Ты, кого не называю,
А въ душѣ всегда ношу!
Ты, кѣмъ вижу, кѣмъ внимаю,
Кѣмъ я мышлю, кѣмъ дышу!

—
Не почувствуй ты досады,
Какъ дойдѣтъ мой стонъ къ тебѣ,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбѣ.

—
Если жъ то найдешь возможнымъ,
Силу чувствъ моихъ измѣрь—
Словомъ ласковымъ—хоть ложнымъ,
Адъ души моей умѣрь.

193.

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ
Всё постыло,
Всё уныло
Друга милаго нѣтъ.

—
Милаго нѣтъ;
Не глядѣла бъ на свѣтъ!
Что, бывало,
Утѣшало,
О томъ плачу теперь,

—
Въ ближнемъ лѣску
Лиши питаю тоску:
Всѣ кусточки,
Всѣ листочки
Тамъ о миломъ твердять,

—
Будто со мной
Тамъ сидить милый мой;
Забываюсь,
Откликаюсь
Часто на голосъ свой.

—
Милаго нѣтъ!
Ахъ, пойду за нимъ вослѣдъ:
Гдѣ бъ ни крылся,
Ни таился,
Сердце скажетъ мнѣ путь.

Охъ, тошно мнѣ
На чужой сторонѣ!
Слёзы льются
Не уймутся:
Въ нихъ отрада моя.

Нелединскій-Мелецкій.

194.

Соловей мой, соловей,
Голосистый молодой!
Ты куда, куда летиши,
Гдѣ всю ночку пропоешь?
Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаючи очей,
Утошаючи въ слезахъ!
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синяя моря,
На чужie берега;
Побывай во всѣхъ странахъ,
Въ деревняхъ и городахъ:
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемышнѣе меня.
У меня ли у младой
Дорогъ жемчугъ на груди;
У меня ли у младой
Жаръ-колечко на рукѣ;
У меня ли у младой
Въ сердцѣ миленькой дружокъ:

Въ день осеній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ,
Въ зимнюю ночку на рукаѣ
Распаялося кольцо,—
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой.

Баронъ Дельвигъ.

195.

Пѣла, пѣла пташечка
И затихла;
Знало сердце радости,
И забыло.
Что, пѣвунья пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?
Ахъ! убили пташечку
Злые выюги;
Погубили молодца
Злые толки!
Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!
На морѣ валы шумятъ,
А не выюги—
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

Баронъ Дельвигъ.

196.

Скучно, дѣвушки, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать младой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли присядешь у окна—
Подъ окошкомъ все такъ весело глядить,
И мнѣ душу то веселіе томить:
То веселье—не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.
И я выйду во широкія поля—
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣеть на тебя:
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннюю порой;
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать,
И другимъ устамъ его передавать;
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.
Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесову на кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь,
И горючими слезами обольюсь!
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжить:
Такъ и слезы не свѣжать меня младой—
Скучно, дѣвушки, весною жить одной!

Баронъ Дельвигъ.

Пѣсни Кольцова.

А. В. Кольцовъ былъ по происхожденію Воронежскій мѣщанинъ, учился въ уѣздномъ училишѣ, откуда съ десяти лѣтъ былъ взятъ своимъ отцомъ, чтобы помочь ему въ торговлѣ, но не смотря на это, онъ постоянно учился, читалъ и съ 16 лѣтъ началъ самъ писать стихи и пѣсни, которыхъ написалъ цѣлую книгу.

197.

Осѣдаю коня,
Коня быстрого,
Я помчусь, полечу
Легче сокола.

Чрезъ поля, за моря,
Въ дальную сторону:
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь—и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!

Но, увы, нѣть дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

Кольцовъ.

198.

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про широку степь!

Мнѣ не для чего
Собирать добро,
Мнѣ не для чего
Богатѣть теперь!

Прочилъ молодецъ
Прочилъ доброе
Не своей душѣ—
Душѣ-дѣвицѣ.

Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи, полныя
Полюбовныхъ думъ!

И тѣ ясныя
Очи стухнули:
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица.

Тяжелѣй горы,
Темнѣй полночи,
Легла на сердце
Дума черная!

Кольцовъ.

199.

Если встрѣчусь съ тобой,
Иль увижу тебя—
Что за трепетъ-огонь
Разольется въ душѣ!

Если взглянешь, душа—
Я горю и дрожу,

И безчувственъ и нѣмъ
Предъ тобою стою!

Если молвишь мнѣ что—
Я на рѣчи твои,
На привѣты твои,
Что сказать не сышу.

А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ—
На землѣ, у людей,
Выраженья имъ нѣть!

Комиозъ.

200.

Перстенечекъ золотой,
Ненаглядный, дорогой!
Свѣтлой памятью любви,
Въ очи черныя гляди.

Если грустно будетъ ей—
Ты потускни, почернѣй;
Если радость—измѣнись,
Весь алмазомъ разгорись!

День забвенья ли придетъ,
Душа чувствомъ изживеть:
Тогда, перстень золотой,
Почернѣй ты самъ собой.

Комиозъ.

201.

Ты прости—прощай,
Сыръ-древучій боръ,
Съ лѣтней волею,
Съ зимней выюгою!

Одному съ тобой
Надоѣло жить,
Подъ дорогою
До зори ходить!

Поднимусь, пойду
Въ свою хижину,
На житье-бытье
На домашнее.

Тамъ возьму себѣ
Молоду жену,
И начну съ ней жить—
Припѣваючи.

Колыбель.

202.

Не скажу никому,
Отчего я весной
По полямъ и лугамъ
Не собираю цвѣтовъ.

Та весна далека,
Тѣ завяли цвѣты,
Изъ которыхъ мы съ нимъ
Завивали вѣнки!

И тѣхъ нѣть уже дней,
Что летѣли стрѣлой,
Что любовью насы жгли,
Что палили огнемъ!

Все прошло ужъ давно,
Не воротишь назадъ...
Для чего жъ безъ него
Цвѣты стану я рвать?

Не скажу никому,
Отчего у меня
Тяжело на груди
Злая грусть налегла.

Кольцов.

203.

Я любила его
Жарче дня и огня,
Какъ другимъ не любить
Никогда, никогда!

Только съ нимъ лишь однимъ
Я на свѣтѣ жила;
Ему душу мою—
Ему жизнь отдала!
Что за ночь, за луна,
Когда друга я жду!
Вся блѣдна, холодна,
Замираю, дрожу.

Вотъ идетъ онъ, поетъ:
„Гдѣ ты зорька моя?“
Вотъ онъ руку беретъ
Вотъ цѣлуетъ меня!
„Милый другъ, погаси
Поцѣлуй твои!
И безъ нихъ, при тебѣ,
Огнь пылаетъ въ крови;
И безъ нихъ при тебѣ,
Жжетъ румянецъ лицо,
И волнуется грудь,
И блестаютъ глаза,
Словно въ небѣ звѣзда.

Кольцов.

204.

По-надъ Дономъ садъ цвѣтеть,
Во саду дорожка:
На нее бѣ я все глядѣль,
Сидя, изъ окошка...
Тамъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила,
Томный взоръ потупивъ свой;
Со мной говорила.
„Маша, Маша! молвилъ я:
Будь моей сестрою!
Я люблю... любимъ ли я,
Милая, тобою?“
Не забыть мнѣ никогда,
Какъ она глядѣла!
Какъ улыбкою любви
Весело краснѣла!
Не забыть мнѣ, какъ она
Сладко отвѣчала,
Изъ кувшина, въ забытьи,
Воду проливала...
Сплю и вижу все ея
Платье голубое,
Страстный взглядъ, косы кольцо,
Лентой первитое.
Сладкій мигъ мой, возвратись!
Съ Дономъ я прощаюсь...
Ахъ, нигдѣ ужъ, никогда
Съ ней не повстрѣчуясь.

Колывановъ.

205.

Слѣдующія пѣсни сочинены Александромъ Сергеевичемъ Пушкинъмъ. Пушкинъ родился въ 1799 году въ Москвѣ. Отецъ его—гвардейскій офицеръ, мать урожденная Ганнибалъ, внучка Негра Ибрагима, сына абиесинскаго князька. Этого Ибрагима крестилъ Петръ Великій.

А. С. Пушкинъ воспитывался въ царскосельскомъ Лицѣ близъ Петербурга. Послѣ жилъ 4 года на югѣ Россіи, а потомъ 2 года въ имѣніи отца своего Ісковской губерніи, въ сельцѣ Михайловскомъ. Здѣсь любилъ онъ бесѣдоватъ съ своей бывшей нянечкой Ариной Родионовной, отъ которой записывалъ народныя сказки. Женившись въ Москвѣ, Пушкинъ жилъ въ Петербургѣ,ѣздилъ по Россіи. Умеръ въ 1837 году, въ Петербургѣ. Въ Москвѣ поставленъ ему памятникъ въ 1880 году.

Подъ вечеръ осеню ненастной,
Въ пустынныхъ дѣва шла мѣстахъ,
И тайный плодъ любви несчастной
Держала въ трепетныхъ рукахъ,
Все было тихо: лѣсь и горы,
Все спало въ сумракѣ ночномъ;
Она внимательныя взоры
Водила съ ужасомъ кругомъ.
И на невинномъ семъ твореньѣ,
Вздохнувъ, остановила ихъ...
„Ты спиши, дитя, мое мученье...
Не знаешь горестей моихъ!
Откроешь очи и, тоскуя,
Ты къ груди не прильнешь моей,
Не встрѣтишь завтра поцѣлую
Несчастной матери твоей!
Ее манить напрасно будешь!
Мнѣ вѣчный стыдъ, вина моя!
Меня на вѣки ты забудешь...
Но не забуду я тебя,
Дадутъ покровъ тебѣ чужіе,

И скажутъ: ты для насъ чужой!
Ты спросишь: гдѣ мои родные?
И не найдешь семьи родной!
Несчастный! будешь грустной думой
Томиться межъ другихъ дѣтей,
И до конца съ душой угрюмой
Взирать на ласки матерей.
Повсюду странникъ одинокій,
Всегда судьбу свою кляня,
Услышишь ты упрекъ жестокій...
Прости, прости тогда меня!
Ты спиши!... позволь себя, несчастный,
Прижать къ груди послѣдній разъ.
Законъ неправедный, ужасный,
Къ страданью осуждаетъ насъ.
Пока лѣта не отогнали
Невинной радости твоей,
Спи, милый! горькія печали
Не тронуть дѣства тихихъ дней!“
Но вдругъ за рощей освѣтила
Вблизи ей хижину луна.
Блѣдна, трепещуща, уныла,
Къ дверямъ приблизилась она,
Склонилась, тихо положила
Младенца на порогъ чужой.
Со страхомъ очи отвратила—
И скрылась въ темнотѣ ночной.

Пушкинъ.

206.

КЪ НАТАШѢ.

Вянеть, вянеть лѣто красно,
Улетаютъ красны дни!

Стелется туманъ ненастный
Ночи въ дремлющей тѣни;
Опустѣли злачны нивы,
Хладенъ ручеекъ игравый,
Лѣсъ кудрявый посѣдѣлъ,
Сводъ небесный поблѣдѣлъ.
Свѣтъ-Наташа, гдѣ ты нынѣ?
Что никто тебя не зритъ?
Иль не хочешь часъ единый
Съ другомъ сердца раздѣлить?
Ни надъ озеромъ волнистымъ,
Ни подъ кровомъ липъ душистыхъ
Ранней, позднею порой
Не встрѣчаюсь я съ тобой.
Скоро, скоро, холодъ зимній
Роюще, поле посѣтить;
Огонекъ въ лачужкѣ дымной
Скоро ярко заблестить;
Не увижу я прелестной
И, какъ чижикъ въ клѣткѣ тѣсной,
Долго буду горевать
И Наташу вспоминать.

207.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

(Молдавская пѣсня).

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.
Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Младую гречанку я страстно любилъ.
Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожилъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ постучался презрѣнныи еврей.

Съ тобою пирують (шепнуль онъ) друзья;
Тебѣ жъ измѣнила гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышли: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ гречанки порогъ,
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву лобзалъ армянинъ.

Не взвидѣлъ я свѣта, булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣй не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

Я помню моленья, текущую кровь...
Погибла гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертввой снявъ чернью шаль,
Отеръ я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ дунайскія волны ихъ бросилъ тѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ ночей.

Гляжу, какъ безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Пушкинъ.

208.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

(Изъ поэмы „Кавказскій Плѣнникъ“).

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвіе ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склоняясь на копіе стальное.
Не спи, казакъ: во тьмѣ ночной
Чеченецъ *) ходить за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утонешь ты въ рѣкѣ,
Какъ тонутъ маленькая дѣти,
Купаясь жаркою порой:
Чеченецъ ходить за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ водъ
Цвѣтутъ богатыя станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, русскія пѣвицы,
Спѣшите, красныя, домой:
Чеченецъ ходить за рѣкой.

Пушкинъ.

209.

ЦЫГАНСКАЯ ПѢСНЯ (Изъ поэмы
„Цыганы“.)

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:

*) Чеченцы—горное племя на Кавказѣ. Не далеко отъ нихъ были расположены русскія станицы.

Я тверда, не боюсь
Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,
Презираю тебя;
Я другого люблю,
Умираю любя!

Рѣжь меня, жги меня,
Не скажу ничего;
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешьъ его!

Онъ свѣжѣе весны,
Жарче лѣтняго дня;
Какъ онъ молодъ и смѣль!
Какъ онъ любитъ меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣялись тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

Пушкинъ.

210.

Изъ поэмы РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

ПѢСНЯ ДѢВИЦЬ.

Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный.
Ужъ поздно, путникъ молодой,
Укройся въ теремъ нашъ отрадный.

Здѣсь ночью нѣга и покой,
А днемъ и шумъ, и пированье:
Приди на дружное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

У насъ найдешь красавицъ рой;
Ихъ нѣжны рѣчи и лобзанье.
Приди на тайное признанье,
Приди, о путникъ молодой!

Тебѣ мы съ утренней зарей
Наполнимъ кубокъ на прощанье,
Приди на мирное призванье,
Приди, о путникъ молодой!

Ложится въ полѣ мракъ ночной;
Отъ волнъ поднялся вѣтеръ хладный;
Ужъ поздно, путникъ молодой!
Укройся въ теремъ нашъ отрадный!

Пушкинъ.

211.

Колокольчики звенять,
Барабанчики гремятъ,
А люди-то, люди—
Ай люшеньки-люли!—

А люди-то люди
На цыганочку глядятъ:
А цыганочка-то пляшетъ,
Въ барабанчики-то бьетъ,
И шириночкой-то машетъ,
Заливается поетъ:
„Я пѣвунья, я пѣвица,
Ворожить я мастерица!“

Пушкинъ.

212.

Былъ и я среди донцовъ,
Гналъ и я османовъ шайку;

Въ память боевъ и пировъ,
Я привезъ домой нагайку.
Дома... въ тишинѣ,
Сохранилъ я балалайку—
Съ нею рядомъ, на стѣнѣ
Я повѣшу и нагайку...
Что таиться отъ друзей?
Я люблю свою хозяйку:
Часто думалъ я объ ней
И берегъ свою нагайку.

Пушкинъ.

213.

Д О Н Ъ.

Блеща среди полей широкихъ,
Вонь онъ льется!... Здравствуй, Донъ!
Отъ сыновъ твоихъ далекихъ
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Какъ прославленного брата
Рѣки знаютъ тихій Донъ:
Отъ Аракса и Евфрата
Я привезъ тебѣ поклонъ.

Отдохнувъ отъ злой погони,
Чуя родину свою,
Пьютъ уже донскіе кони
Арпачайскую струю.

Приготовь же, Донъ завѣтный,
Для наездниковъ лихихъ
Сокъ кипучій, искрометный
Виноградниковъ твоихъ.

Пушкинъ.

214.

Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсень Грузіи печальной:

Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

Увы, напоминаютъ мнѣ
Твои жестокіе напѣвы
И степь, и ночь, и при лунѣ
Черты далекой, бѣдной дѣвьи!
Я призракъ милый, роковой,
Тебя увидѣвъ, забываю;
Но ты поешь—и предо мной
Его я вновь воображаю.
Не пой, красавица, при мнѣ
Ты пѣсенъ Грузіи печальной:
Напоминаютъ мнѣ онѣ
Другую жизнь и берегъ дальній.

Пушкинъ.

215.

БОНАПАРТЬ И ЧЕРНОГОРЦЫ.

„Черногорцы? что такое?“
Бонапарте вопросиль:
„Правда ль: это племя злое
Не боится нашихъ силь?
    Такъ раскаются жъ нахалы:
    Объявить ихъ старшинамъ,
    Чтобы ружья и кинжалы
    Всѣ несли къ моимъ ногамъ!“
    Вотъ онъ шлетъ на насъ пѣхоту
Съ сотней пушекъ и мортиръ,
И своихъ мамлюковъ роту,
И косматыхъ кирасиръ.
    Намъ сдаваться нѣтъ охоты—
    Черногорцы таковы!

Для коней и для пѣхоты
Камни есть у насъ и рвы...
Мы засѣли въ наши норы
И гостей незваныхъ ждемъ.
Вотъ они вступили въ горы,
Истребляя все кругомъ.

Идутъ тѣсно подъ скалами.
Вдругъ—смятеніе!... Глядятъ:
У себя надъ головами
Красныхъ шапокъ видятъ рядъ.
„Стой! пали! Пусть каждый сброситъ
Черногорца одного.
Здѣсь пощады врагъ не просить:
Не щадите жъ никого!

Ружья грянули—упали
Шапки красныя съ шестовъ:
Мы подъ ними ницъ лежали,
Притаясь между кустовъ.
Дружнымъ залпомъ отвѣчали
Мы французамъ. „Это что?“
Удивясь, они сказали:
„Эхо, что ли?“ Нѣть не то!
Ихъ полковникъ повалился,
Съ нимъ сто двадцать человѣкъ.
Весь отрядъ его смущился,
Кто какъ могъ пустился въ бѣгъ.
И французы ненавидятъ
Съ той поры нашъ вольный край,
И краснѣютъ, коль завидятъ
Шапку нашу невзначай.

Пушкинъ.

216.

К О Н Ъ.

(Изъ пѣсенъ западныхъ славянъ)

Что ты ржешь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удиль?
Али я тебя не холю?
Али ъшь овса не въ волю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы,
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?“

Отвѣчаетъ конь печальный:
„Отъ того я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальний,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣль;
Отъ того я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять;
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ;
Отъ того мой духъ и ноетъ,
Что на мѣсто чепрака,
Кожей онъ твоей покроетъ
Мнѣ вспотѣвшіе бока.

Пушкинъ.

217.

Воротился ночью мельникъ...
„Жонка! что за сапоги?“—
— Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
Гдѣ ты видишь сапоги?
Иль мутить тебя лукавый?
Это ведра.—„Ведра? Право?
Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
Ни во снѣ, ни на яву
Не видаль до этихъ поръ
Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ“.

Пушкинъ.

218.

ПѢСНЯ НАТАШИ.

(Изъ „Русалки“).

По камушкамъ, по желтому песочку
Пробѣгала быстрая рѣчка;
Въ быстрой рѣчкѣ гуляютъ двѣ рыбки,
Двѣ рыбки, двѣ малыя платицы.
А слыхала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вѣсти-то наши, про рѣчныя?
Какъ вечеръ у насъ красна дѣвица утоплась;
Утопая милова друга проклинала!

Пушкинъ.

219.

ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ.

(Оттуда же).

Веселой толпою,
Съ глубокаго дна,
Мы ночью всплюваемъ,
Насъ грѣть луна!...

Любо намъ порой ночною
Дно рѣчное покидать,
Любо вольной головою
Высь рѣчную разрѣзать,
Подавать другъ дружкѣ голосъ,
Воздухъ звонкій раздражать,
И зеленый влажный волосъ
Въ немъ сушить и отряхать.

Одна русалка:
Тише! птичка подъ кустами
Встрепенулася во мглѣ.

Другая.
Между мѣсяцемъ и нами
Кто-то ходитъ по землѣ.

2-я ПѢСНЯ РУСАЛОКЪ.

Что, сестрицы: въ полѣ чистомъ
Не догнать ли ихъ скорѣй?
Плескомъ, хохотомъ и свистомъ
Не пугнуть ли ихъ коней?
Поздно. Волны охладѣли,
Пѣтухи давно пропѣли,
Высь небесная темна,
Закатилася луна.

Пушкинъ.

ПѢСНИ И СТИХИ ЛЕРМОНТОВА.

М. Ю. Лермонтовъ происходилъ изъ дворянъ; въ детствѣ жилъ въ Пензенской губ., въ имѣніи свсей бабушки. Началъ писать при жизни Пушкина, и умеръ 27 лѣтъ отъ руки на Кавказѣ, гдѣ онъ служилъ въ военной службѣ.

220.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки баю.

Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Шѣсенку спою;
Ты жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки баю.
По камнямъ струится Терекъ *)
Плещетъ мутный валь;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точить свой кинжалъ;
Но отецъ твой—старый воинъ,
Закаленъ въ бою;
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки баю.
Самъ узнаешь—будетъ время—
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу во стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошлю...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой.
Провожать тебя я выйду—
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!...
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки баю.
Стану я тоской томиться
Безутѣшно ждать;

*) Терекъ—рѣка на Кавказѣ.

Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой;
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да, готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки баю.

Лермонтовъ.

221.

ЧЕРКЕССКАЯ ПѢСНЯ.

Много дѣвъ у насть въ горахъ;
Ночь и звѣзды въ ихъ очахъ;
Съ ними жизнь—завидна доля,
Но еще милѣе воля.
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.
Кто жениться захотѣль,
Тотъ худой избралъ удѣль:
Съ русскимъ въ бой онъ не поскачетъ.
Отчего?—жена заплачетъ!
Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Не измѣнить добрый конь:
Съ нимъ—и въ воду и въ огонь;
Онъ—какъ вихрь въ степи широкой;
Съ нимъ—все близко, что далеко.

Не женися, молодецъ,
Слушайся меня:
На тѣ деньги, молодецъ,
Ты купи коня.

Лермонтовъ.

222.

Мѣсяцъ плыветъ,
И тихъ и спокоенъ,
А юноша воинъ
На битву идетъ.
Ружье заряжаетъ джигитъ,
И дѣва ему говоритъ:
„Мой милый смѣлѣ
Вѣряйся ты року,
Молися Востоку
Будь вѣренъ пророку,
Будь славѣ вѣрѣй,
Своимъ измѣнившій—
Измѣной кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнетъ безъ славы;
Дожди его ранъ не обмоютъ,
И звѣри костей не зароютъ“.

Въ горахъ никого нѣтъ,
Кто бъ вынесъ позоръ,
И труса прогонитъ
Красавица горъ.

Лермонтовъ.

223.

Какъ по вольной волюшкѣ—
По зеленому морю,
Ходять все кораблики
Бѣлопарусники.
Промежъ тѣхъ корабликовъ
Моя лодочка,
Лодка не снащеная
Двухвесельная.
Буря ль разыграется—
Старые кораблики
Приподымутъ крыльшки,
По морю размечутся.
Стану морю кланяться
Я низехонько:
„Ужъ не тронь ты, злое море,
Мою лодочку:
Везеть моя лодочка
Вещи драгоцѣнныя,
Править ею въ темну ночь
Буйная головушка.

Лермонтовъ.

224.

ПѢСНЯ РЫБКИ.

„Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье—
И холодъ и покой.

Я созову моихъ сестеръ;
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.

Усни! постель твоя мягка
Прозраченъ твой покровъ,
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.

О, милый мой! не утаю
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою.

Лермонтовъ.

225.

СЛАВЬСЯ!

(Заключительный хоръ изъ оперы „Жизнь за Царя“).

Въ оперѣ „Жизнь за Царя“ изображается спасеніе отъ поляковъ избраннаго на царство Михаила Федоровича Романова крестьяниномъ Костромской губ. села Домнина Иваномъ Сусанинымъ. Поляки пришли въ село Домнино и требовали проводника къ вновь избранному царю. Иванъ Сусанинъ нарочно завелъ ихъ въ непроходимыя дебри Костромскихъ лѣсовъ и тамъ былъ убитъ поляками. (По другимъ свѣдѣніямъ, онъ былъ замученъ поляками на пыткѣ въ самомъ селѣ за то, что не хотѣлъ указать дороги).

Хоръ, слова которого здѣсь помѣщаются, поется въ оперѣ при изображеніи торжественнаго вѣзвѣда молодаго Царя въ Кремль.

Опера написана знаменитымъ музыкантомъ Михаиломъ Ивановичемъ Глинкою. М. И. Глинка происходитъ изъ дворянъ Смоленской губерніи. Съ ранняго возраста онъ полюбилъ музыку и рано началъ проявлять большія дарованія въ ней. Въ его музыкальные произведенія вошли напѣвы многихъ русскихъ народныхъ пѣсенъ. Глинка умеръ въ 1857 году. Въ Смоленскѣ ему поставленъ памятникъ, какъ лучшему русскому музыканту.

Славься, славься нашъ Царь,
Господомъ данный намъ Царь-Государь!
Да будетъ бессмертенъ царскій родъ,
Да имъ благоденствуетъ Русскій народъ!

Къ дѣтямъ Сусанина:
Утѣштесь, вაсъ Царь наградить,
И народъ возгласить:
Память во вѣкъ Сусанину!

Все ближе царскій ходъ,
Ближе царскій ходъ.
Слава Руси святой!
Слава нашему Царю!

Слава!

Нашъ Царь идетъ—громи Москва!
Празднуй торжественный день Государя!
Ликуй, веселися, идетъ нашъ Царь,
Слава нашему Царю, ура!

226.

НАРОДНЫЙ ГИМНЪ.

Слова сочинены Василиемъ Андреевичемъ Жуковскимъ.
Музыка Львова.

В. А. Жуковскій, русскій знаменитый поэтъ, былъ наставникомъ покойнаго Государя Александра Николаевича, когда онъ былъ цесаревичемъ. Жуковскій умеръ въ 1852 году.

Боже, Царя храни!
Сильный, державный!
Царствуй на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь православный!
Боже, Царя храни!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Отъ составителя	Стр. 3

I. Пѣсни дѣвичьи.

1. Любовные.

1. Красна дѣвица—надежа	5
2. Ходилъ молодецъ лужечкомъ.	6
3. Вдоль по улицѣ молодчикъ (съ киртинкою)	7
4. Ой, не пыль въ полѣ запылилася	9
5. Какъ во полѣ, полѣ, во широкомъ раздолѣ	10
6. Тебѣ полно, лапушка, ко мнѣ ходить.	—
7. Ахъ, ты садъ ли, ты мой садочекъ	11
8. Ахъ, деревня отъ деревни.	12
9. Какъ у насъ было во прошломъ году.	14
10. Зеленая роща во всю ночь шумѣла	15
11. По улицѣ мостовой, по широкой столбовой	—
12. Во саду-ли, въ огородѣ дѣвица гуляла	16
— То же (шуточно).	17
13. Пѣсня плясовая: «Не будите меня молоду»	18
14. На горѣ-то калина	19
— То же	20
15. Плясовая: «Распосѣю свое горе».	21

II

	Стр.
16. Солнце на закатѣ	22
17. Никогда наша Машута не гуливало (<i>съ картинкою</i>)	23
18. Ахъ, матушка, кручин!	24
19. Чистый источникъ! Всѣхъ цвѣтовъ красивѣй.	26
20. Во селѣ, селѣ Покровскомъ	27

2. На разлуку и разставаніе.

21. На гулянны хожу, на радости	29
22. Что цвѣли-то цвѣли, цвѣли въ полѣ цвѣтики	30
— Какъ по городу, городу Саратову	31
— Цвѣли цвѣтики, да поблекли	32
23. Я посѣю ли млада-младенъка цвѣтиковъ маленько.	33
— Я посѣю млада младенъка	—
24. Калинушка съ малинушкой, лазоревый цвѣть!	34
25. Никому-то я про горюшко свое не скажу	36
— Вотъ прошли наши веселье-веселые дни	—
26. Что не давушка по дворику гуляла	37
27. Никакъ невозможно мнѣ безъ печали жить	—
28. Ты злодѣй, злодѣй, чужая-дальна сторона!	39
29. Говорилъ-то мнѣ сердечный другъ	41
30. Ахъ! ты не пой, соловей, въ зеленомъ во саду	—
31. Не бушуйте вы, вѣтры буйные	42
32. Не бушуйте-ко вы. да вы, вѣтры буйные	44
33. Бѣлый день проходитъ, ночка наступаетъ	—
— Соколь мой ясный	45
34. Я вечеръ свою милова провожала далею	46
35. Снѣжки бѣлые пушисты	47
36. Не спится мнѣ, красной дѣвушкѣ, не спится	48
37. Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту	49
38. Охти горюшко, отъ бѣда!	50
39. На восходѣ красна солнышка	51
40. Туманно красное солнышко, туманно	53
41. Вы рѣченъки, рѣченъки, холодная водонѣки.	—
42. По шелковой по муравушкѣ	54
43. Промежду двумя высокими горами	55
44. Вы раздайтесь, разступитесь, добрые люди	57

III

	Стр.
45. Встрепенется соколь	58
46. Ужъ ты день, ты мой денечекъ.	59
47. Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ	60
48. Сахарному деревцу.	61
49. Вечоръ поздно изъ лѣсочки	62

II. Пѣсни женскія.

50. Лучина, лучинушка березовая	63
51. Вылетала голубина на долину	—
52. Вылетала бѣдна пташка	64
53. Калину съ малинкою зода поняла.	66
54. Ахъ да размолодчики	67
55. Вдовья участъ: «Какъ на дубчикѣ два голубчика»	68
56. Вдовья участъ: «Высоко я сижу»	69
57. Молодка, молодка молодая	70
58. Эхъ! сѣни, мои сѣни!	71
59. Куманекъ, побывай у меня	72
60. Во полѣ береза стояла	73
61. Сколько мнѣ бражки не нити	76
62. Поѣхалъ зять къ тещѣ	77
63. Ходили дѣвушки по бережку	78
64. Какъ со вечера пороша	79
65. Ахъ! Ванюшка Иванъ	81
66. Еслибъ завтра да ненастѣ	82

III. Пѣсни мужскія.

67. Ужъ вы, горы мои, горы Воробьевскія	84
68. Вы туманы мои, тумалушки, разосеніе вы туманы мои!	85
69. Ахъ, какъ далече, далече въ чистомъ полѣ.	86
70. Ужъ ты, поле мое, поле чистое.	87
71. Ужъ ты степь ли моя, степь Моздокская! (съ картинкою)	88
72. Ахъ не одна-то лѣ, не одна во полѣ...	89
73. Вспомни, вспомни, эхъ мой любезный.	—
74. Не соколь летить по поднебесью	91
75. Изъ-подъ камушки, изъ подъ бѣлова	92

76. Ходилъ Ваня по базару	—
77. Ужъ я пашенку пашу	93
78. Ахъ ты молодость, моя молодость	94
79. Охочъ быль молодецъ по пирамъ ходить	95
80. Сказали про молодца, будто не живъ, не здоровъ	96
81. Отчего ты, Горе, зародилося?	97
82. Куда мнѣ, красной дѣвицѣ, отъ горя бѣжать	98
83. Ахъ никто, братцы, про хмелюшка не знаетъ	99
84. Не шумь шумитъ, не громъ гремитъ	100
85. Внизъ да по рѣчицѣ	103
86. Здравствуй, милая, хорошая моя	104
87. Вдоль по улицѣ метелица мететь	106
88. Въ темномъ лѣсѣ	107
89. Противъ краснова солнышка стояла сосѣнушка	108
90. Ахъ! грустно мнѣ	109
91. Ивушка, ивушка зеленая моя!	112
92. При долинушкѣ калинушка стойти	113

IV. Пѣсни рекрутскія.

93. Что вились-то мои русы кудри...	114
94. Ночи мои темныя	115
95. Собирайтесь ха, братцы, ребятушки	116

V. Пѣсни солдатскія.

(съ картинкою).

96. Не бѣлы-то ли снѣги	117
97. Сизенкій голубочекъ	118
98. Посѣю лебеду на берегу	119
99. Развеселые солдаты, однимъ словомъ молодцы	120
100. Шли солдатушки слободой	121
101. По дороженькѣ по Московской	122
102. Въ тысяча семьсотъ первомъ году	124
103. Въ селѣ-селѣ во Верейскомъ	127
104. Не сонъ меня клонить...	128
105. Пишетъ, пишетъ король Шведскій...	129
106. По Московскѣй по широкой по дороженькѣ	130

	Стр
107. Вы, солдатушки военны...	131
108. Какъ далече-далеконъко	133
109. Еще кто у насъ, ребята	134
110. Мы Очаковъ штурмомъ брали	135
111. Поле чистое Турецкое	136
112. Не бушуйте вы, вѣтры буйные	137
113. Ужъ какъ ну-тка, кавалеры	138
114. Было дѣло подъ Полтавой	141
115. Гренадеры молодцы.	142
116. Долго ли снѣжечкамъ...	144
117. Намъ нельзя того оставить	145
118. Ночь темна была и не мѣсячна.	146
119. Не въ лужахъ-то вода	148
120. Разорена путь дороженька	149
121. Полно, полно намъ, братцы, крушиться	150
122. Во двѣнадцатомъ году.	151
123. Похвалялся воръ-Французъ	152
124. Какъ повыше было Смоленска-города	153
125. Пишеть, пишеть Султанъ Турецкій	154
126. Ужъ ты матушка моя, Россія!	156
127. Ночи темныя, тучи грозныя.	157
128. Вы, солдатики уланы	158
129. Французъ себя прославлялъ	160
140. За высокими горами	162
131. Проходили тихій Донъ.	163
— Двадцать третьяго апрѣля	164
132. Какъ задумаль Турукъ скверный	165
133. Изъ Москвы въ походъ собрались	167
134. За Гайдакомъ, за рѣкой	168
135. Зародилась Доня (шуточная).	170

VII. ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

136. Матушка! что въ полѣ пыльно?	171
137. Не разливайся, мой тихій Дунай (<i>съ картинкой</i>)	172
138. На зарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ (говорь)	—
139. Ты стой, верба, стой, развейся!	174
140. Изъ за лѣсу, лѣсу	175

	Стр.
— Какъ по сырому бору пролегала дорожечка	176
141. Не было вѣтру—вдругъ навянуло	—
142. Какъ не яхонть по горницѣ катился	177
143. Снаряжайся, душа Машенька	178
144. Ты заря-ль моя зорюшка	179
145. Во горницѣ, во скамьѣ	181
146. Не ходить было Марьюшкѣ	182
147. Ой ты, мать моя, матушка	—
148. Желтая кудри за столъ пошли.	183

Пѣсни, которые поются на дѣвичникѣ.

149. На морѣ лебедушка плавала.	184
150. Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго	—
151. Стояли кони убранные	185
152. При вечерѣ вечеришикѣ.	186
153. Сборы, сборы Аннушкины.	—
154. Подруженьки, голубушки	187
155. Ужъ не вихри рьяные вылетали	188
156. Ужъ какъ во теремѣ дѣвушки	189
157. Красно солнышко зашло	191
158. Свѣтель мѣсяцъ, родимый батюшка	—
159. Елка ты, елка моя! (величальная).	—
160. Ужъ и кто жъ у насть большой-набольшой	192
161. Вѣтсѧ, вѣтсѧ хмелюшко.	193

Когда везутъ невѣсту къ вѣнцу.

162. Какъ передъ наими широкими воротами	194

Заплачки.

163. За столами за дубовыми	195
164. Разойдитесь-ка вы, добры люди.	196
165. Спасибо, матушка ласковая	—
166. Моя вольная волюшка.	197
167. Не въ трубушку мы трубимъ....	199

VII. Пѣсни хороводныя.

	Стр.
168. Какъ по морю, морю синему.	200
169. Взойди, взойди, солнце...	201
170. Вѣрный нашъ колодецъ...	202
171. А мы просо сѣяли, сѣяли	203
172. Заплетися, плетень, заплетися	204
173. Ай во полѣ, ай во полѣ	205
174. Какъ пошель нашъ молодецъ	206
175. У воротъ, воротъ, воротъ	209
176. Во лужахъ, во лужахъ, во зеленыхъ лужахъ.	210
177. Какъ у нашихъ у воротъ	211
178. За моремъ синичка пе пышно жила	212

VIII. Пѣсни подблюдныя.

179. Слава Богу на небѣ	213
180. Катилося зерно по бархату	214
181. Идетъ кузнецъ изъ кузницы	215
182. Идетъ кузнецъ изъ кузницы	—
183. Щука шла изъ Новагорода	—
184. Стоятъ сани снаряжены	216
185. И я золото хороню.	—

IX. Пѣсни русскихъ поэтовъ.

186. Среди долины ровныя... <i>Мерзлякова</i>	217
187. Охъ болитъ... <i>Цыганова</i>	219
188. Не шей ты мнѣ, матушка... <i>Его же</i>	220
189. Ахъ, чарка моя... <i>Его же</i>	222
190. Брежжетъ мѣсяцъ молодой... <i>Его же</i>	223
191. Ахъ, обѣ чѣмъ, голубушка Маша... <i>Его же</i>	225
192. Выйду я на рѣченку... <i>Нелединского-Мелецкаго</i>	226
193. Охъ! тошно мнѣ... <i>Его же</i>	228
194. Соловей мой, соловей... <i>Барона Дельвига</i>	229
195. Пѣла, пѣла пташечка... <i>Его же</i>	230
196. Скучно, дѣвушки, весною жить одной... <i>Его же</i>	231

VIII

Пѣсни Кольцова.

	Стр.
197. Осьдаю коня	232
188. Не шуми ты, рожь	—
199. Если встрѣчусь съ тобой	233
200. Перстенечекъ золотой	234
201. Ты прости-прощай	—
202. Не скажу никому	235
203. Я любила его	236
204. По-надъ Дономъ садъ цвѣтеть	237

Пѣсни Пушкина.

205. Подъ вечеръ осенью ненастной	238
206. Къ Наташѣ. «Вянеть, вянеть лѣто красно»	239
207. Черная шаль: «Гляжу какъ безумный»	240
208. Черкесская пѣсня: «Въ рѣкѣ бѣжитъ»	242
209. Цыганская пѣсня: «Старый мужъ, грозный мужъ»	—
210. Русланъ и Людмила: «Ложится въ полѣ мракъ ночной» .	243
211. «Колокольчики звенять»	244
212. «Былъ и я среди донцовъ»	—
213. Донъ: «Блеща среди полей широкихъ»	245
214. «Не пой, красавица, при мнѣ»	—
215. Бонапартъ и Черногорцы: «Черногорцы? что такое?» .	246
216. Конь: «Что ты ржешь, мой конь ретивый»	248
217. «Воротился ночью мельникъ»	249
218. Пѣсня Наташи: «По камушкамъ, по желтому песочку» .	—
219. Пѣсня русалокъ: «Веселой толпой»	—

Пѣсни и стихи Лермонтова.

220. Казачья колыбельная пѣсня: «Спи, младенецъ» . . .	250
221. Черкесская пѣсня: «Много дѣвъ у насть въ горахъ» .	252
222. «Мѣсяцъ плыветь»	253
223. Какъ по вольной волынкѣ	254
224. Пѣсня рыбки: «Дитя мое»	—

Изъ Жизни за Царя М. Глинки.

225. «Славься, славься нашъ Царь»	255
226. Народный гимнъ: «Боже Царя храни» Жуковскаго .	256

ИЗДАНИЕ
КОМИТЕТА ГРАМОТНОСТИ
ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
МОСКОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.

ИСПОЛНЕНО
И. Д. СЫТИНЫМЪ и К.
ВЪ МОСКВѢ.

СОЛОВЕЙ
ПТИЦА.